

На правах рукописи

Гришин Андрей Александрович

**ФЕНОМЕН УЖАСА:
ЭТИКО-ФИЛОСОФСКИЙ АНАЛИЗ**

Специальность 09.00.05 – Этика

ДИССЕРТАЦИЯ

на соискание ученой степени
кандидата философских наук

Научный руководитель:
доктор философских наук,
профессор Варава В.В.

Иваново – 2015

Содержание

Введение	3
Глава 1. Концептуализация феномена ужаса в науке, религии и культуре	
1.1. Ужас как лингвокультурный концепт и эстетическая категория	12
1.2. Психологическая трактовка ужаса/страха	27
1.3. Христианская парадигма ужаса	42
1.4. Эстетизация ужаса в современной медийной культуре	58
Глава 2. Нравственное значение ужаса	
2.1. Ужас и страх: терминологические и онтологические различия	72
2.2. Амбивалентный характер ужаса	96
2.3. Ужас как нравственное переживание тоски	118
Заключение	140
Список литературы	146

Введение

Актуальность темы исследования. Современная культура характеризуется мировоззренческим сдвигом *от трагедии к ужасу*, из которого она стремится выйти. В. К. Кантор отмечает: «Всю вторую половину XX века человечество пыталось вернуться из мира ужаса в ситуацию трагедийно-свободного бытия. Насколько это удалось – пока не очень понятно»¹. Возможно поэтому современное сознание интенсивно выталкивает такие понятия как «ужас», «страх», «тоска», вызывающие однозначно негативную реакцию. Не видя в них никакого позитивного смысла, потребительская цивилизация построила целую систему «культурных запретов», в котором эти «депрессивные» состояния теряют всякую значимость и смысл.

В тоже время, именно современность отличается интенсивными формами влечения к этим феноменам, которые обозначаются как «визуализация и эстетизация смерти», «эскалация ужаса» и т.д. Л. Свендсен полагает, что мы живем в «культуре страха», которая характеризуется тем, что «Страх превратился в обусловленную культурой призму, сквозь которую мы смотрим на мир»². При этом все трагические моменты человеческого бытия в контексте медийной культуры приобретают легковесный характер развлечения, из них уходит вся бытийная глубина, и они теряют свое нравственное значение.

Говорить о нравственном значении понятий и состояний «ужаса», «страха» и «тоски» конечно трудно, учитывая их «деструктивный» характер по отношению к человеческой психике и гедонистическую установку современной культуры, направленную на максимальное элиминирование страданий. Но и философская мысль особенно не жалуется на данные темы. Как заметил Н. Иванов, «идея ужаса» не самая любимая в истории метафизики, а «философской этикой скорее заболтанная, чем поставленная»³.

---

¹ Кантор В.К. Ужас вместо трагедии (творчество Франца Кафки) // Вопросы философии. 2005. № 12. С. 76.

² Свендсен Л. Философия страха. М., 2010. С. 23.

³ Ужас реального / Т.М. Горичева [и др.]. СПб. : Алетейя, 2003. С. 105.

Это очень точное наблюдение. Здесь можно привести слова В. В. Розанова, задающего совершенно определенный этический ракурс исследования: «Не полон ли мир ужасов, которых мы еще совершенно не знаем? Не потому ли нет полного ведения, что его не вынес бы ум и особенно не вынесло бы сердце человека? Бедные мы птички... от кустика до кустика и от дня до дня»⁴.

С нашей точки зрения именно этический взгляд на эти понятия способен раскрыть в них нравственную глубину, имеющую позитивное значение для формирования полноценного нравственного мира человека. И наоборот, игнорирование этих понятий, их «эстетизация» наносят нравственный урон личности, поскольку не позволяет ей пережить всю трагическую глубину бытия, в которой она пребывает.

Среди русских философов необходимо сослаться на Н. А. Бердяева, который единственный в своем роде говорил о том, что «тоска и ужас могут иметь чисто нравственное и духовное значение»⁵. Такое мнение встречается нечасто, поскольку большинство, в том числе и русских философов, склонны негативно трактовать эти понятия. Однако, взгляд Н. А. Бердяева является определяющим в данном вопросе. Мы полагаем, что эта мысль русского философа осталась незамеченной и недооцененной, хотя ее эвристическая значимость для нравственной философии очевидна.

С нашей точки зрения понятие «ужас» является одним из центральных в структуре этических категорий. Нравственное переживание ужаса способно обогатить личность, раскрыть бытийные измерения, о которых она не подозревала. В этом смысле становится актуальной *этическая аналитика феномена ужаса*, расширяющая горизонты современной этической теории, которые имеют непосредственное практическое значение для нравственного роста и совершенствования личности.

Степень разработанности проблемы. Особенность данной темы в том, что в большинстве трудов классической философии имеет место нестрогое

---

⁴ Розанов В.В. Опавшие листья. М., 1990. С. 369.

⁵ Бердяев Н.А. О назначении человека. Опыт парадоксальной этики. М.; Харьков., 2003. С. 260.

употребление слова ужас. В них речь в основном идет о страхе (преимущественно о страхе смерти), который является ближайшим синонимом ужасу. Если же употребляется слово ужас, то оно употребляется в неспецифическом значении страха. В таком смысле эта тема достаточно широко отражена в европейской философии в текстах Аристотеля, Эпикура, Сенеки, Абельяра, Паскаля, Монтеня, Спинозы, Лейбница, Канта, Гегеля, Шопенгауэра и т.д. Как верно заметил Альфонс де Вэлэнс: «В определенном смысле страх всегда был в центре всякой подлинной философии, если согласиться с тем, что философия рождается из неуверенности человека относительно своего происхождения и своей судьбы. Таким образом, исследование философского смысла явления страха могло бы быть связано со всей историей человечества»⁶.

Особенность данной темы еще и в том, что проблема страха и ужаса неизбежно возникает в контексте страха и ужаса смерти. А поскольку европейская философия со времен Платона занята «умиранием и смертью», то практически все крупные мыслители касались этой темы.

Проблема ужаса в специфическом смысле появляется лишь в XIX веке в философии С. Кьеркегора и Ф. Ницше, достигнув своего апогея в творчестве Ф. Кафки, философии М. Хайдеггера и в экзистенциальной философии и психологии (К. Ясперс, Ж.-П. Сартр, В. Франкл, Р. Мэй и др.).

Большую значимость вопрос об эмпирическом страхе в его отличии от страха Божьего имеет в богословском контексте. Уже ранние христианские апологеты (Климент Александрийский) затрагивали данную тему, которая неизбежно присутствует во всем корпусе святоотеческой литературы (Василий Великий, Иоанн Лествичник и др.).

Тема ужасного, жуткого представлена в работах психоаналитического характера (З. Фрейд), а также в текстах постмодернистской направленности (М. Фуко, Деррида Ж и др.). В эссе Г. Лавкрафта «Сверхъестественный ужас в литературе» данный феномен осмыслен в контексте литературы.

---

⁶ Вэлэнс А. Заметки о понятии страха в современной философии // Феномен человека / под ред. П.С. Гуревича. М.: Высшая школа, 1993. С. 297.

Особое место вопрос об «ужасах жизни» занимает в русской философии и литературе. Н.В. Гоголь, Ф. М. Достоевский, Л. Н. Толстой, А. П. Чехов, Л. Н. Андреев, М. Н. Арцыбашев, В. В. Набоков, А. Платонов касаются темы ужаса в его связанности со смертью и тоской.

Об ужасах жизни и смерти у Ф. М. Достоевского и Л. Н. Толстого много писал Лев Шестов и В. В. Розанов. Их тексты отличаются особой глубиной проникновения в предмет. В книге Н. А. Бердяева «О назначении человека. Опыт парадоксальной этики» ставится вопрос о духовном и нравственном значении ужаса в его отличии от страха. Это первая этическая постановка проблемы ужаса.

Существующая на сегодняшний день литература, посвященная исследованию ужаса, значительно уступает огромной литературе, в которой исследуется страх. Среди работ, исследующих различные, преимущественно, психологические, социально-философские, лингвистические, литературоведческие, искусствоведческие аспекты страха и ужаса следует назвать статьи, монографии и диссертации таких авторов как О. Э. Артемьева, Т. В. Чернянская, Е. В. Жаринов, Т. В. Абакумова, В. А. Андрусенко, В. Ю. Антонов, Н. Д. Баринов, В. Ю. Баскаков, С. А. Белорусов, Е. М. Боровой, А. С. Гагарин, Л. Н. Грошева, Е. Ю. Карлова, А. В. Мигунова, Е. Г. Логинова, С. В. Рашидов, Е. Н. Романова, В. Сакутин, Л. В. Скворцов, Г. И. Фаизова, О. С. Фролова, Д. Харитонович, Е. В. Шевченко и др.

Философские аспекты ужаса затрагиваются в работах П. С. Гуревича, Т. Горичевой, Ю. Н. Давыдова, А. В. Демичева, В. К. Кантора, В. А. Мазина и др. Особое место в данной теме занимает книга «Ужас реального» (СПб., 2003), представляющая собой современный философский дискурс ужаса. Книга построена в форме беседы, участниками которой являются Т. Горичева, А. Секацкий, Н. Иванов, Д. Орлов, М. Михайлова, А. Погребняк.

Однако, следует сказать, что работ, посвященных этическим аспектам ужаса, практически нет. В современной философской этике нет тематизации ужаса как моральной проблемы. В энциклопедическом словаре «Этика» (М., 2001) есть статья «Страх», в которой ужас упоминается в контексте борьбы со страхом как

его составляющая наряду с робостью, испугом, потрясением, мучением. В учебниках по этике нет отдельных разделов, посвященных ужасу. В журнале «Этическая мысль» отсутствуют работы, исследующие проблему ужаса как проблему нравственной философии.

Среди работ этического характера, посвященных проблемам страха, нужно отметить монографию Ю. В. Пустовойт «Этическая модель страха в европейском моральном сознании, традиции античной философии и патристики» (2012), раздел «Феномен страха в социально-нравственной теории С. А. Левицкого» в диссертационном исследовании Е. Г. Логиновой «Страх как социальный феномен в русской религиозной философии конца XIX – первой половины XX вв.», а также размышления этического характера о природе ужаса, высказанные в книге «Ужас реального» (преимущественно Т. Горичевой и М. Михайловой).

В данной диссертационной работе предпринята попытка восполнить недостаточную изученность феномена ужаса в этико-философском контексте.

Объект исследования - «ужас» как этический феномен.

Предмет исследования - философско-этический анализ феномена «ужас» в философских традициях России и Запада XIX-XX вв.

Цель исследования: провести этико-философский анализ такого феномена как «ужас», малоисследованного в науке. Реализация данной цели требует решения следующих **задач:**

- выявить этические измерения традиционно эстетической категории «ужасное»;
- проанализировать феномен эстетизации ужаса в современной медийной культуре;
- выявить отличия в понятиях «страх» и «ужас»; определить специфику феноменов страха и ужаса в психологии и философии;
- раскрыть амбивалентный характер ужаса, проявленный в таких состояниях как «ужас смерти» и «ужас бытия»;
- обосновать нравственное значение ужаса как возможность духовного восхождения человека.

Теоретическая база исследования. Основной теоретической базой исследования, повлиявшей на формирование главной концепции работы, явились труды русских философов и писателей (Ф. М. Достоевского, Л. Н. Толстого, А. П. Платонова, М. Н. Арцыбашева, Л. Н. Андреева, А.П. Чехова, Н. А. Бердяева, В. В. Розанова, Л. Шестова). Безусловно экзистенциальна философия явилась одним из важнейших источников работы (С. Кьеркегор, М. Хайдеггер, К. Ясперс, Ж.-П. Сартр, Отто Ф. Больнов). Так же важными источниками исследования явились работы в области психологии, эстетики, современной этики и философии (особенно труды П. С. Гуревича, А. В. Демичева и Т. Горичевой). Отдельно следует назвать «Исследование ужаса» Леонида Липавского и книгу «Ужас реального» (СПб., 2003).

Научная новизна работы состоит в следующем:

- впервые феномен «ужаса» трактуется как этическая, а не как эстетическая, культурологическая, психологическая, религиоведческая, лингвистическая категория;

- предложена следующая типология ужаса: 1) ужас смерти; 2) ужас реального; 3) ужас перед тайной бытия;

- выявлено, что только третий тип ужаса («ужас перед тайной бытия») имеет нравственное значение, поскольку способствует духовному восхождению человека

- определено, что категория «ужас» связана с понятиями «тоски» и «бездны», имеющими особое нравственное значение в русской философии и литературе.

Теоретическая значимость диссертации определяется расширением существующей этической теории за счет раскрытия нравственных измерений феномена ужаса. Это дает возможность, во-первых, оделить психологические и этические трактовки экзистенциальных состояний человека, а, с другой, позволяет обнаружить более глубокую общую антропологическую основу этих трактовок.

Практическая значимость. Выводы и результаты работы могут найти применение в образовательном процессе (курсы по этике, философии,

психологии, философской антропологии, искусствоведению, культурологии, религиоведению).

Методология исследования: Методологические основы диссертационного исследования являются методы этико-философского анализа, а также общенаучные методы и принципы познания. Также в работе применялся системный подход, метод сравнительного анализа, аксиологический метод.

Положения, выносимые на защиту:

1. Понятие «ужас» является одним из центральных в структуре этических категорий. Нравственное переживание ужаса способно обогатить личность, раскрыть ее бытийные измерения. Это раскрывается в контексте русской философии и литературы, в которой экзистенциалы человеческого бытия приобретают нравственное измерение.

2. Феномен ужаса имеет следующую структуру: инвариантное ядро и вариативные социально-культурные формы. Инвариантное ядро является конституирующим человеческую психику элементом, который имеет вариативные формы проявлений. В этих контекстах имеет место нестрогое употребление понятий «страх» и «ужас», которые постоянно смешиваются. Раскрытие этических различий между страхом и ужасом позволяют определить нравственное значение ужаса как такового.

3. Нравственная значимость ужаса проявляется при раскрытии его амбивалентного характера. С одной стороны, ужас – это ужас смерти, но с другой, ужас – это ужас перед миром, потерявшим свой смысл. В первом случае ужас манифестирует нравственное неприятие своей смерти и связанное с этим духовное совершенствование личности; во втором, ужас, не связанный с небытием, свидетельствует о некоторых свойствах самого бытия, которые остаются незамеченными в рамках рационалистической парадигмы.

4. Ужас имеет следующую типологическую структуру: 1) ужас смерти; 2) ужас реального; 3) ужас перед тайной бытия. Только третий тип ужаса имеет нравственное значение, поскольку он связан с тоской. Именно связанность ужаса с тоской и «бездной» раскрывает его этический характер, в котором проявляется

стремление человека к высшему нравственному идеалу. В русской философии ужас не самодостаточен и не представляет собой лишь предмет для эстетического любования. Здесь ужас – знак онтологического расхождения между «сущим» и «должным», что делает его одной из центральных категорий философской этики.

5. Медийная культура, с одной стороны, стремится замолчать (табуировать) серьезную рефлексию, связанную с ужасом и смертью, с другой, способствует «эскалации ужаса», тиражируя бесконечную медийную продукцию, в которой смерть – информационный повод, а ужас – недостающая эмоция, чтобы как-то развеять скуку и бессмысленность существования человека потребительской эпохи, то есть носит противоречивый характер. «Эстетизация ужаса и смерти» является наиболее эффективным инструментом массового медийного производства. В этом контексте альтернативной является христианская парадигма ужаса, где последний (в форме страха) имеет духовное значение («Страх Господень – начало премудрости»).

Апробация результатов исследования. Основные положения диссертации нашли отражение в публикациях автора и его докладах на научных конференциях: в работе «Этико-философского семинара им. Андрея Платонова» (Воронеж, 2010-2015); регулярных конференциях в ВГУ «Культурология: пересечение научных сфер» (Воронеж, 2010-2015), на научных сессиях факультета философии психологии ВГУ (2010-2015), «Веневитиновских чтениях» (Воронеж, 2010, 2012, 2013), XII Рождественских чтениях на тему «Православное образование в культурной жизни региона» (Елец, 2011); международной конференции «Философия морали», посвященной 70-летию В. П. Фетисова; международной конференции «Платонов и Бытие» в рамках III Международного платоновского фестиваля искусств (Воронеж, 2014).

Основное содержание диссертации нашло отражение в 10 работах, в том числе в 3 статьях, опубликованных в журналах, рекомендованных ВАК Министерства образования и науки РФ.

Соответствие диссертации паспорту научной специальности.

Исследование соответствует следующим пунктам паспорта специальности 09.00.05. - «Этика» - 15 (Мораль и общество).

Глава 1. КОНЦЕПТУАЛИЗАЦИЯ ФЕНОМЕНА УЖАСА В НАУКЕ, РЕЛИГИИ И КУЛЬТУРЕ

1.1. Ужас как лингвокультурный концепт и эстетическая категория

Сложно говорить о научном исследовании такого явления как ужас. В ужасе содержится нечто «ужасное», препятствующее его рациональному постижению. Это скорее предмет для художественных творений и неосознанных психологических переживаний. Образы ужаса переполняют искусство, литературу, кинематограф (особенно современный). Иррациональный характер этого феномена делает его труднодоступным для научного анализа, поскольку последний предполагает системность и верификацию, что весьма проблематично в данном случае.

И все же, можно говорить о научном изучении ужаса, который имеет место в таких гуманитарных дисциплинах как лингвистика, культурология, литературоведение, семиотика, этнология, психология и др. Научным является исследование ужаса как эстетической категории в рамках эстетики.

Говоря о научном исследовании феномена ужаса, необходимо помнить о тех ограничениях, которые несет в себе научный метод вообще. Хотелось бы привести слова известного отечественного философа П. С. Гуревича, сказанные по этому поводу: «Расшатанность психики, крах рационалистической традиции, угроза самоистребления человечества – признак современного апокалипсиса. Наука сегодня, как может показаться, приблизилась к распознаванию важнейших секретов природы. И вместе с тем открывается бездна непостижимого. Порою возникает подозрение, что наука ведет человечество по ложному пути. Архетип разумного человека ставится под сомнение.

Мартин Хайдеггер не случайно отмечал, что наука не может раскрыть тайны человеческого бытия, коль скоро она не способна понять пределы и смысл собственного развития. Наука утратила пафос искания изначальной целостности, универсальности бытия. Духовные корни науки оказались отсеченными. Она во

многим потеряла метафизическое, нравственное измерение. Поэтому возникает недоверие к современному научному постижению человека, к тем перспективам, которые оно открывает»⁷.

Аксиологическая нейтральность науки, действительно, вызывает сегодня достаточно серьезную критику в ее адрес. Утрата наукой, по словам П. С. Гуревича «метафизического, нравственного измерения», делают не только безответственной в этическом плане, но и неспособной исследовать область *метафизического* и *нравственного*, которое и есть наиболее важная антропологическая основа человека.

При этом, никоим образом нельзя игнорировать данные эмпирических исследований, полученных в рамках научного анализа. Они имеют большую ценность для философского постижения человека. Прежде всего, нужно говорить о лингвистике как научной теории языка, выводы которой имеют большое значение для философских исследований. Многие современные философские работы выполнены на стыке междисциплинарного анализа, непременно предполагающий лингвистический аспект.

Лексема «ужас» одна из наиболее частотных как в быденном, так и в художественном и философском языках. Данная лексема выражает сильную эмоцию, имеющую весьма широкий диапазон применения. Это хорошо иллюстрируют словарные статьи. В «Толковом словаре русского языка» Д. Н. Ушакова находим следующие дефиниции: 1. Чувство сильного страха, испуга приводящее в состояние подавленности, оцепенения, трепета. 2. Трагичность, безвыходность. 3. Изумление, вызванное негодованием, отвращением. 4. в знач. сказуемого. О чем-н. страшном или изумляющем, чрезвычайном, в знач. ужасно (разг.). 5. О чем-н., не представляющем собою ничего ужасного, страшного, в знач. очень хорошо, прекрасно (в разг. фам. выражениях похвалы, удовольствия, восхищения). 6. в знач. нареч. очень, в

---

⁷ Гуревич П.С. Расколотасть человеческого бытия. М.: ИФ РАН, 2009. С. 192.

высшей степени, чрезвычайно (о чем-н. страшном или неприятном; разг.).
7. То же - о чем-н. хорошем, приятном⁸.

В «Новом толково-словообразовательном словаре русского языка» Т. Ф. Ефремова даны такие значения: 1. Чувство сильного страха, испуга, приводящее в состояние подавленности, оцепенения, трепета. 2. Безвыходность, трагичность. 3. Вызывающее такое чувство страшное явление, случай. 4. Изумление, вызванное негодованием, отвращением. 5. нареч. разг. Очень, в высшей степени, чрезвычайно⁹.

В «Толковом словаре живого великорусского языка» В. И. Даля ужас определяется следующим образом: Состояние ужасающего, внезапный и самый сильный страх, страсть, испуг, внутреннее содрогание, трепет, от боязни и отвращения || Самый предмет, ужасающий вид, случай || Страх, страшно, ужасно || Очень, в высшей степени¹⁰.

Данные дефиниции охватывают почти два столетия языкового употребления понятия «ужас», в течение которых составлялись словари. Можно с уверенностью сказать, что в них отражено инвариантное ядро семантического поля понятия «ужас», которое заключается в связанности данного понятия с состояниями сильного *страха, боязни, испуга, отвращения, изумления, безысходности и трагичности*. Отсюда и наречное значение «ужаса», выражающее чрезвычайно интенсивную степень чего-то. Иными словами, этим понятием выражается некое *предельное состояние*, в котором человек сталкивается с чем-то *запредельным*, выходящим за границы его повседневного житейского опыта.

Словом «ужас» обозначается состояние, находящееся по ту сторону здравого смысла и естественного природного и социального порядка. Можно сказать, что человеческое сознание прибегает к лексеме «ужас», когда не может рационально справиться с ситуацией, в которую оно попало. Тем самым, состояние ужаса, отраженное в языке, свидетельствует о наличии иррационального как в бытии, так и в самом человеке.

⁸ Толковый словарь русского языка Д. Н. Ушакова.

⁹ Новой толково-словообразовательном словаре русского языка Т. Ф. Ефремова.

¹⁰ Толковый словарь живого великорусского языка В. И. Даля. Том IV. С. 965.

Интересные материалы предоставляют данные этимологического словаря. Здесь ужас определяется как «панический страх», «сильный испуг, приводящий в состояние оцепенения, подавленности»; «сильная тревога, изумление, негодование, вызванные чем-либо». Нужно отметить, что древнерусское «ужась», вошедшее в употребление с XI века, обозначало «страх», «стрепет», «отчаяние», «исступление». При этом формы без «ся» в памятниках древнейшей русской письменности и в старославянском языке не получили отражения («ужасатися», «ужаснутися», «жаситися»). Форма «ужасаю» была впервые отмечена Берындой в 1627 г., а форма «ужаснуть» Нордестетом в 1782 году¹¹.

Точная этимология слова «ужас» не установлена; есть предположение о связанности этого слова с индоевропейским и общеславянским «гасить». Однако, некоторыми лингвистами такое сопоставление отвергается.

Важно отметить, что в языке, при всем лексико-семантическом различии понятий «ужас» и «страх», очень часто происходит их смешение. Ужас и страх выступают как близкие синонимы: одно определяется через другое. Это связано с тем, что эти понятия имеют один референт, представленный экстремальными эмоциями и поэтому трудно определяемый рационально. Семантическое расширение «ужаса» происходит, прежде всего, за счет значений, связанных со страхом, боязнью, испугом (все это разные грани ужаса, имеющие разную интенсивность базового концепта). Ужас определяется количественно, как максимизация страха: «ужас есть чрезмерно интенсивное переживание страха, связанное с мнением индивида, считающим, что опасность грозит крахом, потерей каких-либо ценностей и угрожает летальным исходом. При этом на уровне массового сознания ужас проявляется в форме паники»¹².

Смешение концептов «ужас» и «страх» проявляется в текстах различного жанра: и в научных (психологических), и в богословских, и в художественных, и в философских. Здесь необходимо остановиться на философском тексте, взяв в

---

¹¹ Черных П.Я. Историко-этимологический словарь современного русского языка. Т.1-2. М.: Рус. яз., 1994. С. 285.

¹² Фаизова Г.И. Роль страха в современном обществе: автореферат канд. . дисерт. филос. наук: 09.00.11. – Уфа, 2010. С. 13.

пример одну из немногих философских работ, посвященных всестороннему рассмотрению феномена ужаса. Речь идет о работе Леонида Липавского «Исследование ужаса». Эта работа представляет собой междисциплинарное исследование, выполненное на стыке психологии, физиологии, культурологии, лингвистики, философской эссеистики. Все же, как мы полагаем, философский аспект здесь проявлен в большей мере, и поэтому мы берем этот текст в качестве примера философского текста.

Примечательно то, что работа Липавского называется «Исследование ужаса», а в ней попеременно употребляются обе лексемы – и «страх» и «ужас», одно определяется через другое. Для наглядности выделим в тексте обе лексемы. Так, он пишет: «Что касается чувств **ужаса**, отвращения, любви, радости и т.п., то при рассуждении о них делаются всегда следующие три ошибки. ... Есть множество безвредных вещей, возбуждающих непосредственно **страх**, и множество опасных и вредных, его не возбуждающих. Да и само явление **страха** вовсе не так уж полезно для сохранения жизни: страх расслабляет, парализует либо лишает обычной толковости, изматывает все силы в кратчайший срок. ... Все это говорит о том, что **страх** возник не как полезное приспособление, он первичен, вездесущ и самостоятелен... Такое использование стало возможным потому, что где-то, в самой глубине, **ужасность** все же связана с тенденциями зловещими и губительными для индивидуальной жизни. ...Если вещь **страшна**, потому что она нам вредна, то ясно, что она **страшна** не сама по себе, это наше субъективное ощущение ее: кому она не вредна, тому и не страшна. С нашей же точки зрения **ужасность**, т.е. свойство порождать в живых существах **страх**... **ужасность** рассматривается как печальное свойство, как рубрика, в которую попадают совершенно разнородные вещи. Гром, например, **страшен** по одной причине, мышь совершенно по другой, танк по третьей. **Страх**, таким образом, является именем собирательным. С нашей же точки зрения **страх** есть имя собственное.

Существует в мире всего один **страх**, один его принцип, который проявляется в различных вариациях и формах»¹³.

Интересно лексико-семантическое расширение слова «ужас» до «ужасность». Ужасность – это некое субстанциональное свойство, вызывающее страх. Сам ужас является чувством, в то время как ужасность – объективное свойство, становящееся собственным именем. Но его имя, как говорит Липавский, уже страх. То есть страх есть имя собственное для субстанции, называемой ужасность.

А вот пример из современной философии. Известный отечественный философ П. С. Гуревич, употребляет оба слова (страх и ужас) попеременно в одном контексте. В статье «Страх – молитва души» он пишет: «Отчего ужас заставляет трепетать сердце? Как закалить волю и избежать страха? Почему рождается искушение еще раз испытать странное, неотвязное чувство, побуждающее разглядывать лик ужаса?»¹⁴. Нельзя сказать, что философ не знает онтологических отличий «страха» от «ужаса»; вся дальнейшая статья свидетельствует об очень глубоком понимании антропологических реалий. Однако, на письме может происходить смешение этих понятий.

Лексема «ужас» – одно из наиболее сильных экспрессивных философских средств в текстах В. В. Розанова. Приведем примеры из «Опавших листьев»: «Кому этот «ноль» нужен? Неужели Богу? Но тогда кому же? Зачем? Или неужели сказать, что смерть *сильнее* самого Бога. Но ведь тогда не выйдет ли: *она сама* – Бог? *на Божьем месте?* **Ужасные** вопросы»; «Смерть «бабушки» (Ал. Адр. Рудневой) изменила ли что-нибудь в моих соотношениях? Нет. Было жалко. Было больно. Было *грустно за нее*. Но я и «со мною» – ничего не переменилось. Тут, пожалуй, еще больше грусти: как смело «со мною» не перемениться, когда умерла она? Значит, она мне *не нужна?* **Ужасное** подозрение»; «Итак, мы с мамой умрем и дети, *погоревав*, останутся жить. В мире ничего не переменится:

¹³ Липавский Л. Исследование ужаса. М., 2005. С. 26-28.

¹⁴ Гуревич П.С. Страх – молитва души // Философские науки. 1992, №2. С. 89.

ужасная перемена *настанет только для нас*. «Конец», «кончено». Это "кончено" не относительно подробностей, но *целого, всего – ужасно*¹⁵.

У Розанова лексема «ужас», употребляемая в его текстах очень часто, является не просто экспрессивным средством, но неким субстантивным качеством, с помощью которого описываются онтологические свойства бытия.

Теперь проиллюстрируем некоторые значения понятия «ужас» примерами из художественных текстов. Писатели и философы способны наиболее тонко чувствовать то, что называется *«ужасом жизни»*. Вот что говорит исследователь про Ф. Кафку: «Вряд ли есть в мировой литературе писатель, который с такой же силой выразил бы свой ужас перед жизнью, как Франц Кафка»¹⁶. Можно это конечно объяснять психологическими или социальными причинами. Однако, здесь мы сталкиваемся скорее с некоторой *врожденной метафизической предрасположенностью к ужасу*, которая свойственна наиболее творчески одаренным личностям. В любом случае литературный текст является достоверным источником для научного лингвистического анализа различных философских концептов, категорий и понятий, и прежде всего, понятия «ужаса»¹⁷.

Классическим образцом является рассказ Л. Н. Толстого «Записки сумасшедшего», в котором дано описание состояния «арзамасского ужаса». «А теперь и не боялся, а видел, чувствовал, что смерть наступает, и вместе с тем чувствовал, что ее не должно быть. Все существо мое чувствовало потребность, право на жизнь и вместе с тем совершающуюся смерть. И это внутреннее раздиранье было **ужасно**. Я попытался стряхнуть этот **ужас**» (327)¹⁸; «Все заслонял **ужас** за свою погибающую жизни. Надо заснуть. Я лег было. Но только что улегся, вдруг вскочил от **ужаса**. И тоска, и тоска, такая же духовная тоска, какая бывает перед рвотой, только духовная. Жутко, страшно, кажется, что

¹⁵ Розанов. В. Опавшие листья. М. 1990. С. 276, 277.

¹⁶ Архипов Ю. Предисловие // Кафка Ф. Дневники и письма. – М.: ДИ-ДИК – ТАНАИС, Прогресс-литера, 1994. С. 5.

¹⁷ См.: Лебедева И.Г. Языковые средства выражения понятия «ужас» в произведениях Н.В. Гоголя и Ги де Мопассана // Вестник Полоцкого государственного университета. Серия А: Гуманитарные науки. 2014. № 2. С. 66-72; Григорьева Е.В. «Ужас – главное орудие автора» («готический» роман в европейском художественном дискурсе) // Научная мысль Кавказа. 2009. №4. С. 89-94.

¹⁸ Здесь и далее Толстой Л.Н. Записки сумасшедшего. М., 1952.

смерти страшно, а вспомнишь, подумаешь о жизни, то умирающей жизни страшно» (328); «Я живу, жил, я должен жить, и вдруг смерть, уничтожение всего. Зачем же жизнь? Умереть? Убить себя сейчас же? Боюсь. Дождаться смерти, когда придет? Боюсь еще хуже. Жить, стало быть? Зачем? Чтоб умереть. Я не выходил из этого круга. Я брал книгу, читал. На минуту забывался, и опять тот же вопрос и **ужас**» (330); «Я испугался, остановился, и на меня нашел весь арзамасский и московский **ужас**, но в сто раз больше. Сердце колотилось, руки, ноги дрожали. Смерть здесь? Не хочу. Зачем смерть? Что смерть? Я хотел по-прежнему допрашивать, упрекать бога, но тут я вдруг почувствовал, что я не смею, не должен, что считаться с ним нельзя, что он сказал, что нужно, что я один виноват. И я стал молить его прощенья и сам себе стал гадок. **Ужас** продолжался недолго» (332).

Обратимся к роману М. П. Арцыбашева «Санин», поскольку в нем искомое понятие одно из наиболее часто употребляемых. Ниже представлена сцена умирания и смерти одного из героев; все, что с этим связано, выражается с помощью слова «ужас».

«— Где ты пропадала... Я тебя ищу... Семенов умирает, — запыхавшись, торопливо проговорила она. — Что? — с **ужасом** переспросила Карсавина и шагнула к ней» (85)¹⁹; «— **Ужасная** штука смерть! — сказал Юрий и побледнел» (85); «И вот у всех стало появляться **ужасное** для них, но неодолимое чувство: хотелось, чтобы все кончилось скорее и Семенов, наконец, умер. И все со стыдом и страхом старались скрыть и подавить это желание, боясь взглянуть друг на друга» (89); «Потом вздрогнул, открыл глаза, с выражением безумного **ужаса**, и вытянулся» (90); «Семенов всегда и особенно с тех пор, как узнал, что у него чахотка, боялся смерти. В первое время, когда он узнал, состояние его было **ужасно** мучительно и было, вероятно, похоже на состояние человека, без надежды на помилование приговоренного к смертной казни» (91); «...все умирает и находится в состоянии мучительной агонии, которая вот-вот, каждую минуту и

¹⁹ Здесь и далее ссылки на это произведение даются по следующему изданию: Арцыбашев М.П. Санин // Тени утра: Роман, повести, рассказы. М.: Современник, 1990. 560 с.

секунду, должна разрешиться чем то невыносимо **ужасным**, зиявшим, как черная бездна» (92); «Это было **ужасное** состояние, но оно скоро стало ослабевать. Чем дальше шло время, и чем больше приближался Семенов к смерти, тем дальше, непонятнее и тусклее становилась она для него» (92); «Он пробовал изменить этот порядок, заставить всех заинтересоваться им и его смертью, понять весь **ужас** его положения, понять, что все кончено» (92); «Тогда он постарался уединиться, углубиться в себя и одиноко страдать полным и непоколебимым сознанием своего **ужаса** своей смерти» (92); «Стоило ему только вспомнить о тьме и пустоте, как они выступали из всех углов, наполняли комнату, обступали Семенова, гасили лампу, заглушали заботы и закрывали от него мир непроницаемой пеленой жуткого холодного тумана. Это было невыразимо **ужасно** и мучительно» (93); «...а это нелепо и омерзительно противно, а потому **ужасно** и непонятно!..» (97).

Примеров этих словоупотреблений более чем достаточно, чтобы заметить главное: связанность лексем «ужас» и «смерть». О смысловой связанности этих понятий мы будем подробно говорить выше, сейчас же на уровне лингвистического анализа нам бы хотелось отметить эту семантическую близость понятий «смерти» и «ужаса». Эта близость обнаруживается естественно не только у М. П. Арцыбашева; как правило, если речь идет в тексте о смерти, которая сопровождается анализом этого феномена, то при описании психологических переживаний чаще всего используется лексема «смерти».

Это не случайно, поскольку смерть вызывает наиболее сильную эмоциональную реакцию негативного свойства. Вот еще несколько характерных примеров. Роман Леонида Андреева «Дневник Сатаны» также является хорошим иллюстративным материалом, поскольку он наполнен смысло-жизненной рефлексией, отправной точкой которой является смерть. «Одной минуты в моем вочеловечении Я не могу вспомнить без **ужаса**: когда Я впервые услышал биение *моего* сердца. Этот отчетливый, громкий, отчитывающий звук, столько же

говорящий о смерти, сколько и о его жизни, поразил меня неиспытанным страхом и волнением»²⁰.

Рассказ Владимира Набокова «Ужаса» представляет собой ярчайший образец *феноменологии чистого ужаса*. Смерть и ужас сопряжены здесь в одном смысловом поле: «Полагаю, что все это – и недоумение перед ночным зеркалом, и внезапное паническое предвкушение смерти, – ощущения, знакомые многим, и если я так останавливаюсь на них, то потому только, что в этих ощущениях есть частица того **высшего ужаса**, который мне однажды довелось испытать. Высший ужас... особенный ужас... я ищу точного определения, но на складе готовых слов нет ничего подходящего. Напрасно примеряю слова, ни одно из них мне не впору»; «И пока я ехал к ней, и пока сидел у ее кровати, мне и в голову не приходило рассуждать о том, что такое жизнь, что такое смерть, **ужасаться** жизни и смерти»²¹.

Таким образом, в семантическое поле «ужаса» кроме концепта страха стабильно попадают такие значения, как «*изумление*» (крайняя эмоциональная реакция на нечто экстраординарное), «*отвращение*» (также крайне интенсивная эмоция негативного свойства), «*трагичность*» (эмоциональное состояние тоски, безысходности и безвыходности).

«Ужасное» является одной из главных *эстетических категорий*²². «Однако, – отмечает норвежский философ Л. Свендсен, – лишь с середины восемнадцатого века и далее ужасающее стало центральной эстетической категорией»²³. Про историю возникновения самого термина В. А. Мазин пишет: «Ужасное (das Schreckliche) является в традиции, например Э. Берка, словом для определения возвышенного. Эта традиция, возможно, берет начало от Вазари, не знавшего, как определить великое ваяние «Моисей» Микеланджело, и тогда, как считается, он

²⁰ Андреев Л. Дневник Сатаны. С. 97.

²¹ Набоков В. Ужас. С. 398, 402.

²² Климова Т.Ю., Симон Г.А. Эстетическая категория ужасного в «гоголевском» тексте Н. Садур // Филология и культура. 2011. № 23. С. 253-258; Саенко Н.Р. Связь категорий безобразного и ужасного с «волей к ничто» // Вестник Воронежского государственного университета. Серия: Философия. 2010. № 1. С. 166-176.

²³ Свендсен Л. Философия страха. М., 2010. С. 134-135.

первым использовал (в эстетике) это слово, позаимствованное им в традиции, начало которой положил Лонгин»²⁴.

В словаре по эстетике дается такое определение «ужасному»: «эстетическое понятие, охватывающее явления действительности, которыми человек свободно не владеет и которые несут несчастья и гибель, непреодолимые даже на историческом уровне. У., ассоциируясь с бедствиями, страшными событиями, гибелью прекрасного, уничтожением доброго, не содержит в себе ничего просветляющего, не оставляет никакой надежды на освобождение от несчастий. В отличие от трагического, которое всегда имеет разрешение в будущем, У. безысходно и безнадежно, означает уничтожение, гибель без всякого выхода в социальное бессмертие. Трагическое несчастье величественно, т. к. человек остается здесь господином обстоятельств, смертью утверждая свободу над ними. В У., напротив, человек – раб обстоятельств, он не владеет миром. У. как эстетическая доминанта мировосприятия характерна для эсхатологических концепций, для религиозных идей о вечных муках ада, страшном суде и т. д. Оно сопутствует иск-ву, проникнутому пессимистическим мироощущением. В кризисные эпохи, когда рушится привычное мировосприятие и еще не восторжествовало др., человечество, цивилизация, вся Вселенная нередко воспринимаются и получают отражение в иск-ве в свете крушения определенного исторического миропорядка, предстают как глобальная катастрофа, осознаваемая сквозь призму У. Такое мироощущение, полное безнадежности и отчаяния, передает, напр., П. Брейгель в картине «Слепые»; судьба человечества предстает в образе слепцов, цепочкой идущих к обрыву»²⁵.

Из этого определения видно, как *эстетические* и *этическое* тесно взаимосвязаны между собой. Такие концепты, через которые определяется эстетическая категория «ужасное» как «безнадежность», «безысходность», ««отчаяние», «пессимизм», «трагичность», «несчастье», «гибель прекрасного»,

²⁴ Мазин В.А. Между жутким и возвышенным // Фигуры Танатоса: Искусство умирания. СПб., 1998. С. 182.

²⁵ Эстетика: Словарь/Под общ. ред. А. А. Беляева и др. М.: Политиздат, 1989. 447 с.

«уничтожение доброго», являются в равной мере и принадлежностью этического дискурса.

В «Эстетике» Ю. Б. Борев стремится придерживаться строго научного анализа. Он относит *ужасное*, наряду с *безобразным* и *низменным* к негативным ценностям, отрицательным свойствам мира. Исследователь следующим образом определяет эту категорию: «*Категория ужасного охватывает те явления действительности, которыми человек свободно не владеет и которые несут ему несчастья и гибель, неразрешимые даже на историческом уровне (отсюда пессимистическое мироощущение)*»²⁶.

Главное в этом определении – это неподвластная человеку сила, приносящая ему несчастье. В качестве иллюстрации такой трактовки категории «ужасного» автор приводит картину испанского художника Х. Риберы «Самоубийство Катона Утического», которую характеризует так: «Гибель его не трагична, а ужасна: понижено социальное начало, и на полотне запечатлен биологический страх смерти. Человек изображается как жалкое существо, живущее без разумного назначения. Умирая, он наполняет мир своим предсмертным криком, полным безысходной тоски и слепого отчаяния»²⁷. В схожей тональности трактуется и творчество Ф. Кафки: «Искусство Ф. Кафки утверждает, что состояние мира ужасно, он полон слепых, враждебных человеку сил. «Обыкновенный» ужас определил поэтику его новелл»²⁸.

Таким образом, с ужасом связан страх смерти. Но это страх, рожденный безысходностью и отчаянием, поскольку в нем не проявлено социальное начало. Исследователь делает акцент на отличии ужасного от трагического; если первое безысходно и безнадежно, то второе – величественно и возвышающе. Такое понимание ужасного является социально и исторически детерминировано; оно возникает либо в кризисные, либо в эсхатологические эпохи: «Ужасное – эстетическая доминанта средневекового религиозного сознания, пугавшего грешников адскими муками и грядущим страшным судом. ... В кризисные эпохи,

---

²⁶ Борев Ю.Б. Эстетика. М.: Политиздат, 1988. С. 97.

²⁷ Борев Ю.Б. Там же, с. 97.

²⁸ Борев Ю.Б. Там же, с. 97.

когда рухнуло одно мировосприятие, а на смену ему еще не пришло другое, вся Вселенная часто воспринимается в свете ужасного»²⁹.

Иная трактовка ужасного как сферы эстетического опыта мы находим у Леонида Липавского в его «Исследовании ужаса». Философ пишет: «В основе ужаса лежит омерзение. Омерзение же не вызвано ничем практически важным, оно эстетическое. Таким образом, **всякий ужас – эстетический** (выделено – А.Г.), и, по сути, он всегда один: ужас перед тем, что индивидуальный ритм всегда фальшив, ибо он только на поверхности, а под ним, заглушая и сминая его, безличная стихийная жизнь. Это подобно тому, как если бы мы разговаривали с нежно любимым другом, вспоминали то, что нам ближе и важнее всего, и вдруг сквозь черты его лица выступило бы другое, чуждое, по-обезьяньи свирепое и хитрое лицо идиота. Мы обманулись: он не тот, за кого мы его принимали. С этим невозможно столкнуться, просто потому, что он даже не понимает слов, он весь устроен не по-нашему.

Он не тот, а оборотень.

И всякий страх есть страх перед оборотнем»³⁰.

Эстетическое трактуется Л. Липавским как непрактическое, в этом суть эстетического. Из этого определения ужасного следует, что если это и страх, то страх перед «безличной стихийной жизнью», что и составляет его сущность как «омерзения». «Омерзительное» не входит в число категорий школьной эстетики, но в нем раскрывается нечто очень важное, помогающее осмыслить метафизическое значение ужасного.

Эстетическая трактовка «ужасного» более всего подходит к пониманию его этических свойств, поскольку *этическое и эстетическое* находятся в отношениях глубокого онтологического родства. Об этом говорят современные исследователи. Н. В. Голик определяет этическое как «не явленное эстетическое» и наоборот, эстетическое как «явленное этическое». При этом, отмечает исследователь: «Эстетическое являет этическое более продуктивно, более явленно, более

²⁹ Борев Ю.Б. Там же, с. 96-97.

³⁰ Липавский Л. Исследование ужаса. М., 2005. С. 34-35.

зримо»³¹. Эта мысль подтверждается на материале художественных произведений. Анализируя творчество В. Набокова, исследователь заключает, что оно есть «эстетическое, в котором уже есть этическое»³².

Другой исследователь А. Е. Зимбули говорит о «*Homo aesthethikos*», в котором усматривает глубокое единство этических и эстетических начал. В «Лекциях по этике» он пишет: «Мы прекрасно понимаем, что чувствующий, чувственный – значения слова *aesthethikos* – прямо относится к тому, что изучает этика, к миру нравственных переживаний»³³.

Иными словами, раскрытие эстетических аспектов категории «ужасное» может способствовать выявлению его этических свойств. Так, наличие таких отрицательных эстетических компонентов в структуре ужасного как «безобразное», «низкое», «омерзительное» дает основание предполагать, что ужас манифестирует нечто монструозное и запредельное, не могущее быть понято рационально, и усвоено эстетически. Тем самым, этическое остается единственным способом постижения ужаса.

Таким образом, можно сделать некоторые выводы по этому параграфу:

1. Анализ феномена ужаса как лингвистической и эстетической категории раскрывает его негативные свойства, связанные с отрицательными эмоциями, которое вызывает это состояние. Эти эмоции способствуют тому, что лексема «ужас» во всех своих проявлениях становится одним из наиболее сильных стилистических средств языка, о чем свидетельствуют художественные произведения.

2. Самым близким синонимическим понятием «ужаса» является понятие «страха» в широком диапазоне смыслов и значений (от испуга и боязни до маниакального и параноидального состояния). Это приводит к частому смешению слов «страх» и «ужас», которое обнаруживается и в быденном языке, а также в художественных и философских произведениях.

³¹ Голик Н.В. Эстетическое как явленное этическое // Эстетика сегодня: состояние, перспективы. СПб., 1999. С. 30.

³² Голик Н.В. Совершенный образ этического // Этическое и эстетическое: 40 лет спустя. СПб., 2000. С. 52.

³³ Зимбули А.Е. Лекции по этике. Выпуск 2. СПб., 2006. С. 69.

3. Контексты языкового употребления лексемы ужас обнаруживают его устойчивую связь с лексемой «смерть».

4. Эстетическая трактовка понятия «ужас» выявляет его безликую сущность, которая оказывается фатальной для человека. В этом отличие ужасного от трагического. В тоже время ужасное связано с омерзительным (Л. Липавский), вызываемое страхом перед утратой индивидуального.

5. Кроме «омерзительного» эстетическое пространство «ужасного» содержит такие категории как «безобразное» и «низкое», которые, в совокупности с «омерзительным» создают стойкое ощущение предельно иррациональной и враждебной человеку силе, имеющую деструктивный характер.

1.2. Психологическая трактовка ужаса/страха

В данном разделе речь пойдет о психологической трактовке феномена ужаса. Забегая вперед, можно сказать, что психологическая установка и в России, и за рубежом заключается преимущественно в *терапии страха*, и, более всего, в *терапии страха смерти*³⁴. «Издавна, – отмечает П. С. Гуревич, – это состояние человека изучали психологи, толкуя страх как отрицательную эмоцию, которая обнаруживает себя, когда возникает реальная или мнимая опасность...»³⁵.

В этом сущность психологического подхода как такового, которая хорошо выражена в следующих словах: «Смерть – первичный источник тревоги и на протяжении своей жизни индивид сам вырабатывает свои личные способы **защиты от ужаса смерти** (выделено – А.Г.): они необходимы для нормального

³⁴ См.: Карандашев В.Н. Жить без страха смерти. М., 1999; Ялом, Ирвин Д. Вглядываясь в солнце. Жизнь без страха смерти. М., 2008; Нардонэ Д. Страх, паника, фобия. Краткосрочная терапия. М., 2008; Макарова Е.Г. Преодолеть страх, или ИскусствоТерапия. М., 1996; Хэммонд, Клодия. На качелях эмоций. Почему мы любим, ненавидим, радуемся и страдаем. М., 2007; Эриксон М. Стратегия психотерапии. СПб., 2000; Мэй Р. Открытие бытия: очерки экзистенциальной психологии. М., 2004; Ковалев С.В. Перепрограммирование собственной судьбы. М., 2002; Гримак Л.П. Общение с собой. Начала психологии активности. М., 2009; Грановская Р.М. Психологическая защита. СПб., Кожейкин А.В. Боремся со страхом. Практические рекомендации. Ростов н/Д.2007; Леви В.Л. Приручение страха. М., 2003; Ермошин А.Ф. Фобии, утраты, разочарования: саморегуляция после травм. М., 2010; Покрасс М.Л. Активная депрессия. Исцеление эгоизмом. Самара, 2006; Вагин И. Победы свои страхи : Тренинг преодоления. СПб., 2003; Васильева Н.А. Феномен страха: Онтологический статус и пути преодоления страха и др.

³⁵ Гуревич П.С. Страх – молитва души // Философские науки. 1992, №2. С. 93.

существования, так как жить, постоянно ощущая первичный ужас, невозможно»³⁶. И, несмотря на значительную общность многих позиций философии и психологии, именно в этом существенный водораздел между философским пониманием страха и психологическим.

Нужно отметить, что в традициях европейской психологии принято употреблять понятие «страх», а не «ужас»³⁷. Иногда речь идет о «жутком», как у З. Фрейда³⁸. Конечно, имеются исключения, однако базовый термин психологии (и психиатрии) «фобия» (от греч. Φόβος) переводится как «страх». В «Большом психологическом словаре» *фобии* определяются как *навязчивые состояния страха*. Сам страх определяется психопатологические через *невроз страха*: «Страх может выступать как общее неопределенное немотивированное состояние повышенной *тревожности* и как локализованный страх, относящийся к определенной части (органу) тела или конкретной ситуации (страх высоты, замкнутых пространств и т.п.)»³⁹. В таком случае имеют место фобии (эритрофобия, агорафобия, танатофобия, клаустрофобия и др.).

Страх и ужас как психоневротические состояния участвуют в структурировании амбивалентного «Я»: «Именно в психоневрозах, – пишет Ю. М. Бородай, – а тем более в картине шизофренической деструкции, ярче, чем где бы то ни было выявляется изначальная амбивалентность человеческого эгоцентризма. Подчеркнем: человеческого, ибо этот поистине сардонический феномен, вечные «плюс» и «минус», вкованные в цепь одного желания – радость и боль, страх и влечение, ужас, слитый с восторгом – специфически человеческое

³⁶ Попогребский А.П. Смысл жизни и отношение к смерти // Психология с человеческим лицом: гуманистическая перспектива в постсоветской психологии. М., 1997. С.

³⁷ Безусловно, это не строгое разделение и есть, конечно, исключения. См.: Данчина М.А. Ужасное, шокирующее, удивительное, или мир травмы в его дьявольской форме // Вестник Московского государственного университета. Серия: Психологические науки. 2007. №2. С. 288-298; Сапунов В.Б. Переживание ужаса при восприятии человеком приматов // Вопросы психологии. 1991. № 1. С. 153-155.

³⁸ «Жуткое вызвано не невозможностью различения внешнего живого или мертвого. Оно инициировано возвращением вытесненного, *своего другого*» (Мазин В.А. Призраки Фрейда // Психоаналитический вестник. М., 2005. № 14. С. 130).

³⁹ Большой психологический словарь. С. 329 с.

достояние, постоянно воспроизводящаяся в миллиардах новых ликов первородная трагедия "Я"»⁴⁰.

В истории психологии можно обнаружить значительное количество работ, посвященных анализу страха и методов его преодоления. Остановится на некоторых. У. Джемс считает страх «одним из самых крупных инстинктов», и наряду с гневом и радостью, полагает, что это «одна из трех наиболее возбудимых эмоций»⁴¹. Описывая страхи, психолог выделяет следующие формирующие их явления: «странные или незнакомые люди и животные», «черные вещи», «темные места», «высокие места».

Природа страха рассматривается Джемсом с точки зрения его *целесообразности*. Он пишет: «...страх – самый естественный инстинкт и один из самых ранних, какие проявляются у наших детей. ... Большим источником страха в детстве служит одиночество. Целесообразность этого инстинкта очевидна, как и того факта, что дети, проснувшись и заметив, что они одни в комнате, начинают кричать»⁴².

Понятийный инструментарий, с помощью которого Джемс описывает страх. Концентрируется вокруг таких понятий как «инстинкт», «эмоция», «целесообразность». Тем самым, видно, что в рамках научной психологии, которую представляет Джемс, природа страха трактуется в терминах эволюционного процесса, в котором страх на определенной стадии выполняет некую полезную функцию.

Фундаментальное исследование эмоций, в том числе и эмоции страха представлено в работах К. Изарда. Ученый дает трактовку эмоциям в парадигме эволюционной теории, полагая их *врожденным и универсальными*: «эмоции имеют врожденные нейронные программы, универсально понимаемую экспрессию и общие переживаемые качества»⁴³.

---

⁴⁰ Бородай Ю.М. От фантазии к реальности (происхождение нравственности). М., 1995. С. 246.

⁴¹ Джемс. У. Научные основы психологии. Мн.: Харвест, 2003. С. 451.

⁴² Джемс. У. Научные основы психологии. С 452, 453.

⁴³ Изард К. Эмоции человека. М., 1980. С.29.

Прежде всего, страх отделяется от феномена тревоги и выделяется в отдельную категорию, которая определяется следующим образом: «... страх складывается из определенных и вполне специфических физиологических изменений, экспрессивного поведения и специфического переживания, проистекающего из ожидания угрозы или опасности. У маленьких детей, так же как и у животных, ощущение угрозы или опасности сопряжено с физическим дискомфортом, с неблагополучием физического «Я»; страх, которым они реагируют на угрозу, это боязнь физического повреждения»⁴⁴.

Из этого определения видно, что страх – это не просто эмоция, но крайнее негативная эмоциональная реакция на опасность. В терминологии К. Изард, страх есть «результат когнитивной оценки ситуации как потенциально опасной». Среди активаторов страха ученый называет, прежде всего, *боль*. Затем следуют *одиночество, фактор внезапного изменения стимуляции, внезапное приближение, неожиданность, высота*. В отдельную категорию выделены *фобии*, которые фобии, которые определяются как «интенсивные, иррациональные страхи, связанные с определенными объектами или ситуациями»⁴⁵.

Всесторонне изучая природу страха, Изард отмечает следующее важное (негативное) свойство этой эмоции: «Страх – очень сильная эмоция, и она оказывает весьма заметное влияние на перцептивно-когнитивные процессы и поведение индивида. Когда мы испытываем страх, наше внимание резко сужается, заостряясь на объекте или ситуации, сигнализирующей нам об опасности. Интенсивный страх создает эффект «туннельного восприятия», то есть существенно ограничивает восприятие, мышление и свободу выбора индивида. Кроме того, страх ограничивает свободу поведения человека. Можно сказать, что в страхе человек перестает принадлежать себе, он движим одним единственным стремлением – устранить угрозу, избежать опасности»⁴⁶.

---

⁴⁴ Изард К. Там же. С. 210.

⁴⁵ Изард К. Там же. С. 218.

⁴⁶ Изард К. Там же. С. 222-223.

Деструктивный характер этой эмоции в том, что она имеет характер нарастания, пока не доходит до своей крайней точки, которую Изард называет *ужасом*, и который, согласно ученому, сопровождается «...чрезвычайно высоким уровнем активации вегетативной нервной системы, ответственной за работу сердца и других органов. Избыточная активация вегетативной нервной системы создает непомерную нагрузку на жизненно важные органы, которые в этих условиях работают на грани срыва»⁴⁷.

При этом, психолог говорит о позитивной действии эмоции страха, поскольку, вызываемые им «реакция оцепенения, также как и реакция бегства, выполняет защитную функцию»⁴⁸.

В этом смысле страх выполняет важные *адаптивные* функции, поскольку: «Он защищает нас от опасности, заставляет учитывать возможный риск, и это чрезвычайно полезно для адаптации и в конечном итоге способствует благополучию и счастью индивида»⁴⁹. В этом контексте ученый говорит о существующих «техниках управления страхом».

Состояние ужаса, таким образом, означает крайне негативную эмоциональную реакцию, и, естественно, что человек стремится избавиться как от предмета ужаса, так и от этого крайне неприятного состояния. И психология помогает ему в этом, раскрывая важные физиологические механизмы страха. Можно сказать, что психологическое исследование феномена страха направлено на раскрытие его утилитарных свойств, заключающихся в том, чтобы способствовать «благополучию и счастью индивида», как говорит К. Изард. И это в целом соответствует фундаментальным целям психологии – помочь человеку приспособиться (адаптироваться) к окружающей среде с максимальным для себя комфортом.

Остановимся еще на одной известной работе, в которой страх рассмотрен с позиций глубины психологии. Это книга известного немецкого психолога и психотерапевта Фрица Римана «Основные формы страха». Как пишет в

---

⁴⁷ Изард К. Там же. С. 223.

⁴⁸ Изард К. Там же. С. 225.

⁴⁹ Изард К. Там же. С. 226.

предисловии Э. Л. Гушанский: «Эта книга глубоко гуманна потому, что она помогает человеку осознать свои страхи, найти их корни в раннем психическом развитии, обратить внимание на важность воспитательных мер в профилактике страхов, в гармонизации личности и общества. В этом ее психотерапевтическое значение для каждого читателя и в особенности для личности, страдающей невротическими расстройствами и страхами»⁵⁰.

В начале своей книги Ф. Риман фиксирует важное наблюдение: «Страх существует независимо от культуры и уровня развития народа или его отдельных представителей; единственное, что изменяется, – это объекты страха, ибо, как только мы полагаем, что победили или преодолели страх, появляется другой вид страха, а также другие средства и мероприятия, направленные на его преодоление»⁵¹. Это говорит о страхе как *антропологической константе*, что заставляет обратить самое серьезное внимание на этот феномен и не считать его чем-то рудиментарным.

Природа страха, несмотря на его универсальность, неоднородна. Психолог выделяет четыре основные формы страха: 1. Страх перед самоотвержением, переживаемый как утрата «Я» и зависимость; 2. Страх перед самостановлением (стагнацией «Я»), переживаемый как незащищенность и изоляция; 3. Страх перед изменением, переживаемый как изменчивость и неуверенность; 4. Страх перед необходимостью, переживаемый как окончательность и несвобода. Соответственно, книга посвящена анализу этих видов страха и способам их преодоления, поскольку, как он говорит, «история человечества от прошлого до настоящего состоит из попыток преодолеть, уменьшить, пересилить или обуздать страх»⁵².

Методология исследования Римана сводится к выделению четырех типов личности (шизоидные, депрессивные, личности с навязчивостями, истерические личности), и анализ по общей схеме: в контексте любви, агрессии, через биографические основы и через примеры конкретных переживаний. В результате

---

⁵⁰ Гушанский Э.Л. Предисловие // Риман Ф. Основные формы страха. М., 1999. С. 5.

⁵¹ Риман Ф. Основные формы страха. С. 12.

⁵² Риман Ф. Там же. С. 11.

складывается достаточно полная картина как психических отклонений невротической личности, так и раскрывается психологические механизмы работы страха.

Для философской аналитики страха, о чем мы будем подробно говорить во второй главе, принципиальным является различие между *страхом* (Angst) и *боязнью* (Furcht). В этом контексте весьма показательными являются Ф. Римана, раскрывающие *чисто психологический* подход к данной проблеме: «Я в этой книге избегаю делать часто встречающиеся различия между страхом и боязнью (Angst und Furcht). Для моей концепции это несущественно, так как неуверенность в правильном использовании обоих понятий в привычной речи исходит из следующих положений: мы говорим о страхе смерти в том же контексте, что и о боязни смерти, и не можем дифференцировать эти понятия без определенного насилия над собой. Обычно мы делаем различие между боязнью (Furcht), связанной с чем-то определенным и конкретным, и страхом (Angst), носящим иррациональный, неконкретный характер. Быть может, более четкие различия существуют между понятиями «боязнь бога» (боязнь преступить божьи законы) и «страх божий». В связи со сказанным **я сознательно отказываюсь от отделения страха от боязни** (выделено А.Г.). Эта книга предназначена для помощи в нашей индивидуальной жизни, она является посредником в понимании себя самого и других, в осмыслении первых жизненных шагов в нашем развитии. Книга призвана снова и снова приводить нас к пониманию того, как мы связаны друг с другом»⁵³.

Современные отечественные психологи также уделяют достаточно внимание проблеме страха. Показательной является книга Ю. В. Щербатых «Психология страха: популярная энциклопедия». Книга примечательна тем, что в ней дано многостороннее освящение феномена. Автор рассматривает такие аспекты страха как классификация страхов, психофизиологические аспекты эмоции страха, значение страха для человека, механизмы возникновения страха, способы победить страх и др.

---

⁵³ Рима́н Ф. Основные формы страха. С. 30.

Цель автора имеет конкретную практическую направленность: научить успешно бороться с собственными тревогами и страхами, сохранять уверенность в себе и присутствие духа в любых ситуациях. Автор интересно говорит о *стабильности страха в человеческой психике*: «Страх черной тенью всегда сопровождал человечество, отчасти менялись только некоторые его сюжеты. Например, почти неизменным в течение тысячелетий оставался страх темноты, смерти и бедности, чуть меньше стали пугать людей природные явления и некоторые болезни, с которыми научилась бороться медицина. Но на смену грозной некогда оспы пришел вирус СПИДа, и пошатнувшееся было равновесие между страхом и надеждой вновь вернулось к исходному уровню. Меньше стали бояться домовых, чертей и привидений, но их место занимают зомби и коварные пришельцы из космоса»⁵⁴.

Таким образом, можно сделать такой вывод о *структуре страха*: *инвариантное ядро и вариативные социально-культурные формы*. Инвариантное ядро является конституирующим человеческую психику элементом, который имеет вариативные формы проявлений, зависящие от множества совершенно различных факторов (социальных, культурных, индивидуальных и т.д.). Ю. В. Щербатых дает следующую классификацию вариативных форм страха: *природные страхи* (атмосферные явления, астрономические явления, вулканы и землетрясения, животные), *социальные страхи* (страх ответственности, страх перед экзаменами), *страхи, которые мы создаем сами* (страх несуществующих явлений, страх темноты, страхи собственных мыслей и поступков, страх будущего),

Говорит автор и об *ужасе*, определяя его количественно: «У чувства страха есть много градаций. Если человек лишь немного боится чего-либо, то мы называем это «опасением», «легкой боязнью», «слабо выраженной тревогой», «беспокойством» и пр. При усилении психологического дискомфорта тревога и беспокойство растут, переходя в страх. Страх сам по себе тоже имеет множество

---

⁵⁴ Щербатых Ю.В. Психология страха: популярная энциклопедия. М., 2007. С. 6.

степеней, он может быть слабым, умеренным и очень сильным. В последнем случае мы говорим о чувстве ужаса или о кошмарах, преследующих человека»⁵⁵.

Иными словами, ужас не представляет собой качественно иного явления по сравнению со страхом; эти феномены различаются лишь количественно (по степени интенсивности).

Раскрывая положительную роль страха, автор трактует этот феномен в рамках эволюционной теории: «...первоначально эмоция страха возникла в процессе эволюции с целью защиты организма человека от всевозможных опасностей первобытной жизни»⁵⁶. Положительные свойства страха определены в следующих функциях: мобилизация сил человека для активной деятельности; регуляция агрессивности и утверждение социального порядка; способствование лучшему запоминанию опасных или неприятных событий; возможность действовать в условиях недостатка информации; обострение под всех органов чувств человека; совершенствование человека через преодоление страха.

Финальный вывод автора выглядит вполне оптимистично и жизнеутверждающе: «Страх и Любовь – два самых мощных вектора жизни, заставляющих нас совершать те или иные поступки. Разобраться в механизмах их работы – значит лучше понять себя, свои сильные и слабые стороны, оценить, чего ты стоишь и на что в этой жизни можешь рассчитывать»⁵⁷.

Реконструкция теоретических воззрений современных психологов позволяет утверждать, что все они имеют практическую направленность на преодоление негативных последствий эмоции страха. Не различая сущностно «страх» и «ужас», психология в принципе не выходит на проблему философского осмысления этих феноменов. Находясь, как правило, в рамках эволюционных воззрений, психологическая трактовка страха сводится к выявлению его адаптационных механизмов в процессе выживания человека и приспособления его к окружающей среде.

---

⁵⁵ Щербатых Ю.В. Там же. С. 79.

⁵⁶ Щербатых Ю.В. Психология страха: популярная энциклопедия. С. 166.

⁵⁷ Щербатых Ю.В. Там же. С. 446.

Признавая большие заслуги психологии в познании человека, в практической помощи в том, как сделать свою жизнь счастливой и достойной, все же необходимо обратить внимание на существенное ограничение возможностей психологии в постижении человека, на которые указывали сами выдающиеся философы и видные представители психологии. Возможно, одна из главных «слабостей» практической психологии, происходящих из-за не различения страха и ужаса⁵⁸. Как пишет П. С. Гуревич: «Экзистенциальный страх нельзя ни вылечить, ни изжить. Его можно лишь испить полной чашей. Ведь он порожден не физической опасностью, в нем обнаруживается не малодушие человека, не его готовность укрыться от беды. Это метафизический ужас, в основе которого неустранимое горькое откровение, своего рода прозрение»⁵⁹.

Недопонимание этого момента может привести к безрезультатным попыткам психологического «исцеления души». Здесь на первый план выходит проблема этики, конкретнее – этической оправданности психологических манипуляций с человеком. «Научный этос психологии, – отмечает В. М. Розин, – проблема весьма актуальная, поскольку бурное развитие психологических практик и культуры не сопровождается столь же интенсивным обсуждением этических проблем и ответственности психолога. В результате эффект психологической помощи и многих других психотехнических усилий часто выглядит очень сомнительным, если не сказать негативным»⁶⁰.

Хорошо известно негативное отношение М. Хайдеггера к антропологии и психологии. Философ говорит о мысли, *думающей о бытии*, которая охвачена испугом, из-за которого она не может ничего другого, как выносить среди ужаса эту судьбу бытия. «Какое отношение к психологии и психоанализу имеет посланность этого ужаса бытием?»⁶¹. Здесь явлено философское понимание ужаса как онтологической категории, которое в корне отличается от психологической

---

⁵⁸ Конечно, есть экзистенциальное направление в психологии, идущее от В. Франкла. Но это уже ближе к философии. в нашем случае речь идет о современной «массовой психологической культуре», которая весьма далека от этики и философии. О недостатках именно такой психологии идет речь.

⁵⁹ Гуревич П.С. Страх – молитва души // Философские науки. 1992, №2. С. 98.

⁶⁰ Розин В.М. Психологическая практика, культура, наука // Философия науки. Вып. 11. М., 2005. С. 289.

⁶¹ Хайдеггер М. Что такое метафизика? С. 30.

трактовки страха как эмоции. Имея бытийную структуру, ужас не связан с психологическими состояниями человека. Это то, что позволяет человеку осознать свою бытийную ситуацию.

Характеризуя гуманистическое направление в психологии Абрахама Маслоу, известные американские исследователи Л. Хьелл и Д. Зингер отмечают следующее: «Как духовный отец» гуманистического движения, Маслоу стремился к радикально другой психологии – такой, которая обратилась бы непосредственно к образу человечества. Мы вынуждены прийти к такому заключению, потому что человек, в понимании Маслоу, **просто непознаваем в традиционной сфере психологической науки** (выделено – А.Г.)»⁶². И чтобы приблизиться к более глубокому пониманию природы человека, полагают американские исследователи, надо либо выйти за условные пределы науки, либо сформировать новую структуру психологии.

Примечательны усилия отечественных психологов, как раз стремящиеся выйти за те пределы психологии как науки, в которых невозможно продуктивное исследование глубинных свойств человека. Известный психолог Б. С. Братусь говорит о *редукции человека*, которая имеет место с самых распространенных течениях современной психологии. Он пишет: «Пока же мы в основном наблюдаем разные формы подмены человека его психологическими орудиями – подсознанием, характером, личностью. Психоанализ – это психология подсознания, идентифицируемого с человеческой сутью; бихевиоризм – психология характера, способов действия, принимаемых за человеческую суть; гуманистическая психология – это психология личности, самости как самоцели человека»⁶³.

⁶² Хьелл Л., Зинглер Д. Теории личности. СПб., 2007. С. 506.

⁶³ Братусь Б.С. Нравственная психология возможна // Психология и этика: опыт построения дискуссии. Самара, 1999. С. 47. Известный философ В.М. Розин, описывая современное положение психологии, высказывает сходную точку зрения: Он пишет «Мне кажется, психология стоит на пороге принципиально нового этапа своего развития; психологию сейчас характеризуют ориентация на несколько разных идеалов научного познания, общий сдвиг познания в область идеалов гуманитарной и социальной наук, создание и обособление разных психологических практик. Одни программы построения психологии исчерпали себя, другие только складываются. Во всех случаях современное психологическое знание и познание должны быть методологически оснащенными, диалогичными, отзываться на живые проблемы времени, способствовать духовному росту человека, лучшему

Таким образом, психоанализ, бихевиоризм, и даже гуманистическая психология представляются ученому значительными редукциями образа человека к одному его измерению. Поскольку редукция – это один из наиболее важных методов науки, то, тем самым, показана ограниченная возможность вообще научного изучения человека. Б. С. Братусь предлагает новый образ психологии, которую называет «нравственной психологией», суть которой в том, что «...тогда психология из позиции наблюдения, наблюдателя борьбы за человека в человеке входит сама в область этой борьбы как ее инструмент, орудие и совершается кардинальный поворот: из психологии, согласной рассматривать нравственное развитие как частный вариант, сегмент своего применения, она становится **нравственной психологией**, действующей и видящий мир изнутри нравственного пространства, нравственного понимания человека»⁶⁴.

Это далеко не единичное мнение. Вот слова других современных отечественных психологов: «От психологов сейчас требуется не столько двигаться по пути открытия новых психологических механизмов, создавать новые модели психики, сколько войти в общечеловеческую проблему своевременного распознавания деструктивных элементов в поведении, их коррекция и даже изменения на противоположные»⁶⁵.

Взаимодействие этики и психологии, психологии и философии – тема, безусловно, важная, требующая отдельного рассмотрения⁶⁶. Следующие слова А. С. Арсеньва хорошо иллюстрируют это: «Знакомство с основными результатами философии нужно психологу не для того, чтобы проводить в своей области «положения» того или другого направления в философии, «применять» его категории и законы, но чтобы выйти из рамок вещного мышления, почувствовать «метафизические проблемы», «последние вопросы» с их дыханием безмерности и

пониманию им самого себя» (Розин В.М. Психология на перепутье (виртуальный диалог психолога с методологом) // Вопросы философии. 2010. № 11. С. 101).

⁶⁴ Братусь Б.С. Указ. Соч. С. 43.

⁶⁵ Попов Л.М., Голубева О.Ю., Устин П.Н. Добор и зло в этической психологии личности. М., 2008. С. 229 (Аналогичные воззрения можно обнаружить у В.П. Зинченко, В.В. Умрихина, А.В. Брушлинского, В.И. Слободчикова и др).

⁶⁶ См.: Варава С.В. Взаимодействие этики и психологии: автореферат диссерт.канд. филос.н., Тул.2011.

бесконечности, ибо это – среда, в которой формируется и живет личность»⁶⁷. Схожие воззрения о влиянии философии на психологию высказывает крупный американский психолог К. Роджерс выразил очень точно и емко суть вопроса, сказав, что «Каждое направление в психологии имеет свой подразумеваемый философский взгляд на человека. Не всегда ясно выраженные, эти философские теории оказывают влияние на психологию многими тонкими способами»⁶⁸.

В качестве примера продуктивного подхода к психологии страха, включающий серьезный философский анализ, можно привести книгу Л. Свендсена «Философия страха». Автор предпочитает не использовать традиционный психологический термин «эмоция», а стремится придерживаться термина «чувства». Важным является такой постулат автора, идущий в разрез с традиционным пониманием страха: «Страх помогает нам выжить. Однако страх также может быть дисфункциональным. Он становится таковым, когда существует несоответствие между силой страха и объектом, его вызвавшим, или когда страх заставляет нас «терять голову»»⁶⁹.

Норвежский философ склоняется к позиции, согласно которой страх может быть определен как «привычка, обусловленная культурой». В обосновании своей точки зрения он приводит не только взгляды психологов и антропологов, но и воззрения философов, среди которых Аристотель, Лукреций, Фома Аквинский, Декарт, Мерло-Понти, Монтень, Гоббс, Ларошфуко, Юм, Адам Смит, Хайдеггер, Сартр, Эрнст Кассирер, Уильям Джеймс и др.

Будучи «культурной привычкой», страх не столько детерминирован психофизиологически и биологически, сколько социально: «...наш страх является побочным эффектом благополучия: наша жизнь стала настолько безопасной, что мы можем позволить себе беспокоиться по поводу многочисленных угроз, которые едва ли станут реальностью, пока мы живы»⁷⁰.

⁶⁷ Арсеньев А.С. Философские основания понимания личности. С. 362.

⁶⁸ Роджерс К. К науке о личности // История зарубежной психологии (30-60- гг. XX в.). Тексты. М., 1986. – С. 227.

⁶⁹ Свендсен Л. Философия страха. М., 2010. С. 42.

⁷⁰ Свендсен Л. Философия страха. С. 235.

Особе место занимает книга Ю. Кристевой «Силы ужаса: эссе об отвращении». Эта работа выполнена на стыке философии, психоанализа и литературы. С нашей точки зрения здесь ярко выражена психоаналитическая доминанта, поэтому мы рассматриваем ее в разделе, посвященным психологии.

Книга имеет два центральных понятия – «ужас» и «отвращение, глубоко взаимосвязанных между собой. Это первичные реакции, не поддающиеся никакой рационализации. «В отвращении, пишет Кристева, – есть что-то от неудержимого и мрачного бунта человека против того, что пугает его, против того, что угрожает ему извне или изнутри, по ту сторону возможного, приемлемого, мыслимого вообще. Оно так близко и совершенно непостижимо»⁷¹. Это как раз то, что связывает отвращение с ужасом и болью: боль является интимной стороной отвращения, а ужас его «публичным лицом»⁷².

«Страх перед инцестом», «разрыв с матерью» – понятийный инструментарий психоанализа, в котором Кристева рассматривает взаимосвязь ужаса и отвращения. Она пишет: «Урина, кровь, сперма, экскременты оказываются тогда утешением субъекта в состоянии нехватки его «собственного». Отвращение к этим истечениям изнутри неожиданно становится единственным «объектом» сексуального желания – настоящий «объект», отвратительное, в котором напуганный человек преодолевает ужас перед материнской утробой, в этом погружении, благодаря которому ему удастся избежать встречи с другим, он избавляется от риска кастрации»⁷³.

Анализируя творчество Ф. Селина, Кристева пишет: «Боль, ужас и их соединение в отвращении нам кажутся наиболее адекватными указаниями такого апокалиптического видения, каким является письмо Селина»⁷⁴. Работы Кристевой как раз и выбиваются из общего психологического направления. Они имеют значимость, поскольку показывают, что рациональное постижение каких феноменов как «ужас» и «отвращение» невозможно.

---

⁷¹ Кристева Ю. Силы ужаса: эссе об отвращении. СПб., 2013. С. 36.

⁷² Кристева Ю. Там же. С. 175.

⁷³ Кристева Ю. Силы ужаса: эссе об отвращении. С. 90.

⁷⁴ Кристева Ю. Там же. С. 189.

Таким образом, можно сделать некоторые выводы по этому параграфу.

1. В традиционной психологии имеет место научное изучение ужаса (страха). Как всякое научное исследование, оно имеет свои положительные стороны, заключающиеся в раскрытие адаптационных механизмов эмоции страха, которые имеют конкретную практическую цель – достижение счастливой жизни. Страх полезен, поскольку он лучше всего помогает избежать опасностей и приспособиться к жизни. Такой общепсихологический вывод. И проанализированные нами тексты подтверждают это.

2. В тоже время, в силу эпистемологических ограничений, которые имеет всякое научное познание, психология может недооценивать значение ужаса как конститутивного элемента человеческой сущности, безотносительно к ее гедонистическим целям. Например, такое тонкое наблюдение Л. Липавского над *нецелесообразной природой страха*, не позволяет абсолютизировать психологический подход к страху: «...страх возник не как полезное приспособление, он первичен, вездесущ и самостоятелен, и только частично, в небольшой доле использован полезно, в целях предосторожности среди бесчисленных опасностей жизни»⁷⁵.

3. Даная «частичность» ставит под сомнение правомерность научного подхода к страху, более всего представленному в психологии. Цели человека как нравственного существа не могут ограничиваться только потребностями физиологического и гедонистического характера, поскольку лежат в иной, более высокой – духовной сфере.

Рассмотрением значение ужаса в религиозной плоскости мы как раз и займемся в следующем параграфе.

1.3. Христианская парадигма ужаса

В Евангелии сказано: «Страшно впасть в руки Бога живаго!» (Послание к Евреям 10:31). В этих словах заключено невероятное отличие христианского понимания страха от всяких других его видений. Действительно, религиозная

---

⁷⁵ Липавский Л. Исследование ужаса. М., 2005. С. 27.

трактовка многих вопросов жизни и смерти существенно отличается от секулярного видения этих проблем. Особенно это касается вопросов, связанных с духовным бытием человека, таких как вера и неверие, страдание, любовь, бессмертие души, преображение, спасение. Здесь христианством накоплен огромный опыт, который является одним из значительных явлений культуры. Как пишет Дж. Янг: «Рассматривая христианскую веру, мы изучаем величайшее движение в истории человечества. Христианство оказало сильнейшее влияние (как хорошее, так и дурное) на весь окружающий мир»⁷⁶.

Сейчас это влияние оспаривать не представляется никакой возможности. Духовные проблемы человека – во многом прерогатива христианства; именно здесь были сформулированы фундаментальные положения о человеке – о его смысле жизни и смысле смерти, о состояниях, которые переживает падший (грешный человек), о нравственных коллизиях души и т.д. И конечно религия много говорит о страхе. Как пишет Л. Свендсен: «...в страхе проявляется нечто основополагающее, и едва ли случайно, что именно чувство страха первым упоминается в Библии: когда Адам вкусил от дерева познания и увидел свою наготу, он испугался прежде, чем устыдился»⁷⁷.

Среди важнейших библейских постулатов является выражение «страх Божий» (или «страх Господень»). Оно употребляется в Притчах: «Начало мудрости – страх Господень; глупцы только презирают мудрость и наставление» (Притчи 1:7), и в Псалмах: «Начало мудрости – страх Господень; разум верный у всех, исполняющих заповеди Его. Хвала Ему пребудет вовек» (Псалтирь 110:10).

На русский язык принято передавать именно это духовное состояние лексемой «страх», а не «ужас». Хотя в переводах библейских текстов на русский язык встречается и лексема «ужас». Для богословской традиции важно отличать *религиозный страх* от *обычного человеческого страха*, страха как психологического состояния и психологической эмоции. О таком страхе в библейских текстах тоже упоминается. В книге пророка Иеремии говорится об

⁷⁶ Янг Дж. Христианство. М., 1998. С. 7.

⁷⁷ Свендсен Л. Философия страха. М., 2010. С. 24.

ужасе, который вызывается нападением врагов или стихийными бедствиями: «Не выходите в поле и не ходите по дороге, ибо меч неприятелей, ужас со всех сторон» (Иеремия 6:25). В книге пророка Исаии идет речь об угрозе землетрясения и грозы, что вызывает страх: «Иди в скалу и сокройся в землю от страха Господа и от славы величия Его» (Исаия 2:10); «И войдут люди в расселины скал и в пропасти земли от страха Господа и от славы величия Его, когда Он восстанет сокрушить землю» (Исаия 2:19)

В Библии часто описывается высокое духовное состояние на границе *ужаса, отчаяния и скорби*. В книге Пророка Иеремии говорится: «Когда утешусь я в горести моей! сердце мое изныло во мне» (Иеремия 8:18); «О сокрушении дочери народа моего я сокрушаюсь, хожу мрачен, ужас объял меня» (Иеремия 8:21). Иов восклицает: «ибо ужасное, чего я ужасался, то и постигло меня; и чего я боялся, то и пришло ко мне» (Иов 3:25); «ибо страшно для меня наказание от Бога: пред величием Его не устоял бы я» (Иов 31:23). Также страх сочетается с *любовью к Богу* и служением Ему: «дабы ты боялся Господа, Бога твоего, и все постановления Его и заповеди Его, которые заповедую тебе, соблюдал ты и сыны твои и сыны сынов твоих во все дни жизни твоей, дабы продлились дни твои» (Книга Второзаконие 6:2); «и люби Господа, Бога твоего, всем сердцем твоим, и всею душою твоею и всеми силами твоими» (Книга Второзаконие 6:5); «Господа, Бога твоего, бойся, и Ему одному служи, и Его именем клянись» (Книга Второзаконие 6:13).

В Новом Завете происходит существенная трансформация страха; мотив любви звучит сильнее, и соответственно, страх понимается как путь спасения через веру: «Петр отверз уста и сказал: истинно познаю, что Бог нелицеприятен, но во всяком народе боящийся Его и поступающий по правде приятен Ему» (Деяния св. Апостолов 10:34, 35). Однако состояния Христа в Гефсимании представляет собой предельное выражение *ужаса, тоски, страха и скорби*: «И взял с Собою Петра, Иакова и Иоанна; и начал ужасаться и тосковать. И сказал им: душа Моя скорбит смертельно; побудьте здесь и бодрствуйте» (Св. Евангелие от Марка 14:33,34).

В богословской литературе существует большое количество трактовок «страха Божьего». Один из первых христианских апологетов, основоположник Александрийской богословской школы Климент Александрийский в своем труде «Строматы» дает развернутую трактовку «страху Божьему». Этому он посвящает раздел своей книги (Вторая книга, VII), которая так и называется «О страхе Божьем». Остановимся подробнее на этом тексте.

Прежде всего, Климент Александрийский делает строгое утверждение о связи страха и Бога: «Отрицающие необходимость страха [Божьего], порицают закон, а вместе с ним и самого Бога, автора этого закона»⁷⁸. Это аксиоматическое утверждение, направленное на обоснование божественности страха и его необходимости для христианского вероучения. Далее следует богословская апология страха: «Можно услышать мнение, что страх – это неразумное уклонение, болезнь души. Но о чем это мы? Какой смысл настаивать на таком определении страха, когда заповедь о нем дана нам самим Логосом? Заповедь содержит в себе запрет. Она устрашает угрозой наказания тех, кто в силах принять наставления. Следовательно, страх не является чем-то нелогичным, напротив, он происходит от Логоса»⁷⁹.

Примечательная эта связь страха с Логосом, не позволяющая, согласно богослову, считать страх «чем-то нелогичным». В этом существенное отличие богословия от психологии, где страх – неразумная эмоция, как мы показали выше⁸⁰.

Далее следует обоснование главной библейской сентенции о связи страха и премудрости: «Но именно «начало премудрости – страх Господень, благое же разумение у всех, кто приобрел ее». Здесь говорится о деле, ведущем к мудрости, началом которого является страх Божий; следовательно, страх открывает нам путь к мудрости. И если закон вызывает страх, то познание закона также есть

⁷⁸ Климент Александрийский. Строматы. Т. 1 (Книги 1-3). СПб., 2003. С. 278.

⁷⁹ Климент Александрийский. Там же. С. 279.

⁸⁰ Необходимо отметить современную тенденцию, направленную на *синтез христианства и психологии* («христианская психология»). См.: критику этого направления: Спиридонов В. Опасные связи или Тщетная предосторожность. Психология. Журнал Высшей школы экономики, 2007. Том 4, № 4.

начало премудрости и без закона нет мудреца. Стремящиеся устранить закон безумны, а следовательно и нечестивы. Наставление есть начало премудрости»⁸¹.

Главным в рассуждении Климента Александрийского является утверждение веры, в котором страх наравне с любовью имеет большое значение. Он пишет: «Любовь порождает верность в силу склонности дружественного к доверию, в то время как верность, благодаря приносимым ею благам, составляет основу любви. А поскольку страх является учителем закона на базе веры, следовательно сам этот страх также базируется на вере. Наличное бытие проявляется в действиях, страх же имеет дело с тем, что предстоит и несет угрозу, никак не проявляя себя в настоящем. Значит, страх сам является результатом веры, порожден и действует в силу веры, а не наоборот. Именно вера создает условия для того, чтобы мы имели все основания бояться»⁸².

Резюмирует свои рассуждения богослов следующим образом: «Итак, вера представляется нам первым шагом к спасению. Страх, надежда и покаяние, соединенные с воздержностью и терпением, пробуждаются благодаря ей и ведут нас к любви и откровенному знанию, гносису»⁸³.

Страх, таким образом, входит в основной круг христианских добродетелей наряду с любовью, верой и надеждой. Здесь можно говорить о *духовном смысле страха*, который радикально отличается от всех психологических трактовок этой эмоции, даже в тех случаях, когда речь идет о положительном значении страха.

Примечательна полемические рассуждения Климента против последователей Василида и Валентина, у которых имеется иная, отличная от христианской трактовка страха. Климент считает, что последователи Валентина говорят, что Архонт, услышав слова Духа-служителя был потрясен, не ожидая услышать и увидеть столь великую и благовую весть. Это его потрясение было названо страхом, который является началом мудрости. Ключевым моментом является потрясение. Но в действительности, полагает богослов, все обстоит иначе. Климент рассуждает следующим образом: «Потрясение (ἐκπληξίς) – это страх, возникающий в связи с

⁸¹ Климент Александрийский. Строматы. Т. 1. С. 279.

⁸² Климент Александрийский. Строматы. Т. 1. С. 278.

⁸³ Климент Александрийский. Там же. С. 278.

неким неизвестным или неожиданным событием, как, например, при получении неожиданного известия. Страх же – это безмерное удивление по поводу вещей только что произошедших или существующих. Они не понимают, что через это «потрясение» они приписывают страсти прославляемому ими великому Богу, которого сами же помещают в «неведении» и до всякого еще потрясения. Но если неведение было еще до потрясения, а потрясение и страх являются «началом Мудрости», то получается, что неведение это является первой причиной, предшествующей Мудрости Бога, сотворению мира, равно как и восстановлению избранных»⁸⁴.

За этими богословскими спорами кроется важный философский вопрос о *первоначале*. С точки зрения философии как раз удивление (или потрясение) является началом философии; с точки зрения богословия страх Господень является началом веры. Примечательно, что Климент определяет удивление через страх: «Страх же – это безмерное удивление по поводу вещей только что произошедших или существующих». Богослов настаивает конечно же на духовном (божественном) характере страха, что в корне отличает его от удивления, которое, не являясь психологической эмоцией, в данном случае выступает как чистое философское чувство.

Завершает свою полемику Климент таким утверждением: «Значит страх Божий заключается в боязни греха и в послушном исполнении заповедей Божиих, что равнозначно благочестию. Трепет – это страх перед божественным. Но если страх есть страстное состояние души, как говорят наши противники, то далеко не каждый страх эквивалентен душевному смятению. Страх перед демонами отличается смятенностью души, потому что демоны и сами находятся в постоянном внешнем и внутреннем волнении. Бог же, напротив, бесстрастен, поэтому и внушаемый им страх не вносит в душу никакого смятения. В действительности, это не страх Бога, но страх потерять его. Страх такого рода – это страх оказаться в путах зла, страх злого. Страх перед путами есть желание

---

⁸⁴ Климент Александрийский. Строматы. Т. 1. С. 281-282.

бессмертия и стремление к свободе от страстей. «Этот страх Божий возводит нас к покаянию и надежде»⁸⁵.

Из этих слов видно, что *страх* связан с *грехом*, и это в большей степени соответствует строгому христианскому пониманию вопроса.

Обратимся еще к некоторым авторитетным воззрениям представителей христианского вероучения. Византийский богослов и святой Православной церкви Иоанн Лествичник, в своей известной «Лестнице» назвал Слово 21 «О малодушной боязливости, или страховании». Христианский святой определяет боязливость крайне отрицательно как «дщерь неверия» и «порождение тщеславия».

О боязливости он пишет следующее: «Боязливость есть младенческий нрав в старой тщеславной душе. Боязливость есть уклонение от веры, в ожидании нечаянных бед. Страх есть предвоображаемая беда; или иначе, страх есть трепетное чувство сердца, тревожимое и сетующее от представления неведомых злоключений. Страх есть лишение твердой надежды. Гордая душа есть раба страха; уповая на себя, она боится слабого звука тварей, и самых теней»⁸⁶. Примечательно, что боязливость связывается с гордостью и тщеславием («все боязливые тщеславны»). Это особое христианское понимание человеческих пороков, отличающееся от понимания, принятого в традициях светской этики, где как раз гордость связана с бесстрашием.

Таким образом, наличие боязливости является показателем греховности человека, не вступившего на путь добродетельной христианской жизни. Таких людей ожидает расплата, ибо «страшливые часто лишаются ума; и по справедливости. Ибо праведно Господь оставляет гордых, чтобы и прочих научить не возноситься»⁸⁷. Соответственно добродетельный христианский путь является единственным способом избавиться от страха: «Если ты с другими или в общежитии проходишь подвиг добродетелей, то боязливость не очень будет на

⁸⁵ Климент Александрийский. Там же С. 283.

⁸⁶ Лествица возводящая на небо преподобного отца нашего Иоанна игумена Синайской горы. М, 1997. С. 276.

⁸⁷ Лествица... С. 276-277.

тебя нападать... Плачущие и болезнующие о грехах своих не имеют страхований»⁸⁸.

Святой предлагает интересный метод борьбы со страхами: «Не ленись в самую полночь приходить в те места, где ты боишься быть. Если же ты хоть немного уступишь сей младенческой и смеха достойной страсти, то она состарится с тобою»⁸⁹. Примечательно, что он называет страх не только грозно-обличительно «порождение тщеславия», но также иронично: «младенческая и смеха достойная страсть». Итоговая формула отношения к страху звучит в самых строгих канонах христианского вероучения: «Кто сделался рабом Господа, тот боится одного своего Владыки; а в ком нет страха Господня, тот часто и тени своей боится».

В этих словах явно прослеживается *апология бесстрашия*, которая, по словам известного православного богослова прот. Фомы Хопко, связана с терпением и является добродетелью апостолов и святых. Они считали бесстрашие «стержнем духовной жизни» и одной из «четырех родоначальных добродетелей, содержащих и составляющих все остальные». Для подтверждения апостольского бесстрашия богослов приводит такие евангельские тексты: «Не бойся, малое стадо! Ибо Отец ваш благословил дать вам Царство... Говорю же вам, друзьям Моим: не бойтесь убивающих тело и потом не могущих ничего более сделать. Но скажу вам, кого бояться: бойтесь того, кто, по убиении, может ввергнуть в геену: ей, говорю вам, того бойтесь. (Лк. 12.32, 4-5); «В мире будете иметь скорбь; но мужайтесь: Я победил мир». (Ин. 16.33).

Фома Хопко делает одно важное наблюдение, помогающее глубже раскрыть природу бесстрашия в контексте практических жизненных дел. Он пишет: «Добродетель бесстрашия проявляется не только во времена гонений и страданий, не только перед явной насмешкой и презрением, она выражается и самым незаметным образом в мелких и обычных ситуациях повседневной жизни. В притче, рассказанной Христом о талантах, человек теряет даже то малое, что было

---

⁸⁸ Лествица...С. 276.

⁸⁹ Лествица...С. 277.

у него, и ввергается во тьму внешнюю, потому что отказался использовать свой малый дар из-за трусости: убоявшись, пошел и скрыл талант твой в земле» (Мф. 25.25-30). Быть «верным в малом» – вот знак большого мужества»⁹⁰.

Особое место занимает у Иоанна Лествичника вопрос о страхе смерти. Он относит страх смерти к роду естественных страхов: «Боязнь смерти есть свойство человеческого естества, происшедшее от преслушания; а трепет от памяти смертной есть признак нераскаянных согрешений. Бойтсся Христос смерти, но не трепещет, чтобы ясно показать свойства двух естеств»⁹¹. «Память смерти» является самым надежным способом преодолеть страх смерти, что также способствует духовному возрастанию человека. На духовной вершине полностью исчезает страх: «совершенное чувство смерти свободно от страха»⁹².

Аналогичные рассуждения можно встретить и у других Отцов Церкви, размышлявших над природой человеческого страха, в том числе у Афанасия Великого («Толкование на псалмы»), Афанасия Александрийского («Толкование на псалмы»), Василия Великого («Беседы на псалмы»), Макария Египетского («Духовные беседы»), Исаака Сирина («О Божественных тайнах и о духовной жизни»), аввы Дорофея («Поучения»).

Особое место в традициях православного богословия занимает книга архимандрита Софрония (Сахарова) «Видеть Бога как Он есть». Это труд выдающегося духовного писателя-подвижника является примером неотвлеченного богословия и опытного познания духовной реальности в самой жизни. «Страху Божьему» он посвящает отдельный раздел. Нужно отметить, что наряду с понятием «страх», в этой книге также употребляется понятие «ужас». Этот текст представляет собой своеобразное *духовное феноменологическое письмо*; так можно определить стиль этого незаурядного труда. В этом его ценность, поскольку в нем раскрыты наиболее сокровенные искания религиозного плана; тем самым

⁹⁰ Хопко Фома прот. Основы православия. Вильнюс, 1991. С. 256.

⁹¹ Лествица возводящая на небо преподобного отца нашего Иоанна игумена Синайской горы...С. 153.

⁹² Лествица...С. 156.

выявляется аутентичная религиозная трактовка понятий «страх», «ужас» и «страх Божий». Остановимся подробнее на этой книге⁹³.

Прежде всего, важной является характеристика «страха Божьего» в его отличии от всяких научных характеристики (психологии и физиологии): «**Страх Божий** есть следствие духовного озарения человека. Его природа – **неизъяснима психологией** (выделено – А.Г.). В нем, страхе этом, нет ничего общего с животным. Есть много степеней и форм его, но мы сейчас остановимся на одной из них, наиболее действенной для спасения нашего: «**ужас**» оказаться недостойным Бога, открывшегося нам во Свете незаходимом. Охваченные сим святым **страхом** – освобождаются от всякого иного земного **страха**»⁹⁴.

В этих словах в концентрированной форме представлено все христианское понимание страха. Ссылаясь на слова Псалтыря: «Начало премудрости – **страх** Господень» (Пс.110:10), богослов далее разъясняет: «**Страх** сей нисходит на нас Свыше. Он, страх, есть духовное чувство, прежде всего Бога и затем нас самих. Мы живем в состоянии страха в силу живого присутствия Бога Живого при сознании нашей нечистоты. Действие сего **страха** таково: он ставит нас пред Лицом Бога, чтобы быть судимыми от Него; мы же пали так низко, что скорбь наша за нас самих становится глубинным страданием, более тяжким, чем мука видеть себя во тьме неведения, в параличе нечувствия, в рабстве страстям. **Страх** сей есть пробуждение наше от векового сна в грехе. Он же несет нам свет разумения: с одной стороны, нашего губительного состояния, с другой – ощущение святости Бога.

Удивительна природа сего блаженного **страха**: вне его действия, очистительного конечно, не откроется нам путь к совершенной любви Божией. Сам Он есть не только начало премудрости, но и любви. Он и потрясает душу нашу видением нас самих, как мы есть, и привязывает нас к Богу сильным желанием быть с Ним»⁹⁵.

⁹³ Для наглядности мы выделяем в тексте слова «страх» и «ужас».

⁹⁴ Софроний (Сахаров), архимандрит. Видеть Бога как Он есть. Свято-Иоанно-Предтеченский монастырь, Свято-Троицкая Сергиева Лавра, 2006. С. 21.

⁹⁵ Софроний (Сахаров), архимандрит. Видеть Бога как Он есть. С. 23-24.

Примечательна постоянна сцепка понятий «страха» и «ужаса» в рассуждениях богослова. «**Страх** порождает изумление пред открывающимся нам Богом. Сознать недостойным ТАКОГО Бога, вот в чем **ужас**»⁹⁶. «Ужас оказаться недостойным Бога» – в этом их разная природа; в данном случае ужас не обозначение крайней степени **страха** (как это имеет место в психологии), а обозначение вполне самостоятельного состояния.

Вот как описываются эти состояния: «Его святая рука беспощадно бросала меня ничтожного в неопишуемые бездны. «Там» в изумлении до великого **ужаса** я становился зрителем реальностей, превосходивших мой разум. Об этом я пытаюсь говорить в предлежащих страницах»⁹⁷; «Вечное ЗАБВЕНИЕ, как угасание света сознания, наводило на меня **ужас**. Это состояние сокрушало меня; владело мной против моей воли»⁹⁸; «О, **ужасы** этого благословенного времени! Никто не в силах добровольно пойти на эти испытания. Вспоминаю сейчас того космонавта, который отчаянно взывал к земле спасти его от смерти в пространстве; радио уловило его стоны, но не было ни у кого средств придти ему на помощь. Думаю, что позволительно до некоторой степени провести параллель между тем, что переживал бедный космонавт, с тем, что испытывал я в моменты падения в мрачную бездну»⁹⁹; «Сколько раз душа моя, как маленькое беспомощное существо, повисала над пропастью в великом **страхе**: я не стремился к бесконечному продлению этой жизни. Мой **ужас** был в том, что после того, как Бог снизошел до меня, я увидел, какими язвами весь я поражен. Я осознал себя до конца неспособным к Царству Святого Бога. Я не в силах описывать ту скорбь, которая погружала меня в длительный глубинный плач»¹⁰⁰; «Исследуя самих себя чрез делание – жизнь по заповедям Господним, мы увидим себя до конца растленными и неспособными к добру. В **ужасе** от самих себя, мы каемся пред Богом и умоляем Его исцелить нас от поразившей нас смерти»¹⁰¹; «Благодать

⁹⁶ Софроний (Сахаров), архимандрит. Там же. С. 24.

⁹⁷ Софроний (Сахаров), архимандрит. Там же. С. 6.

⁹⁸ Софроний (Сахаров), архимандрит. Там же. С. 11.

⁹⁹ Софроний (Сахаров), архимандрит. Там же. С. 12-13.

¹⁰⁰ Софроний (Сахаров), архимандрит. Там же. С. 171.

¹⁰¹ Софроний (Сахаров), архимандрит. Видеть Бога как Он есть. С. 182.

покаяния раскрывает в нас образ Сына Отчего. О, сколь болезнен сей процесс. В сердце наше проходит меч своим раскаленным концом. И как говорить об **ужасе**, который овладевает нами при этом? И как описывать сей акт воссоздания нашего Богом?»¹⁰².

Может показаться, что лексема «ужас» употребляется в этих текстах как экспрессивное средство, не имеющее субстанционального содержания. Отчасти, это так. В то же время видно, что при всей схожести (как может показаться на первый взгляд), даже синонимичности состояний страха и ужаса, ужас – это совершенно особое духовное состояние, с помощью которого выражается нечто такое, что не совпадает с тем, что может быть описано с помощью лексемы «страх». Следуя святоотеческой традиции богослов конечно говорит о «страхе Божьем», а не об «ужасе Божьем». Последнее словосочетание вообще невысказуемо в богословском контексте. Это значит, что страх и ужас не абсолютные синонимы, и ужас не крайняя степень страха.

Но в то же время и страх овладевает, и ужас овладевает. Страх он называет «святым», «блаженным», а ужас «великим». Возможно, что это бессознательный выбор стилистических средств языка безотносительно к духовному содержанию понятий. И все же, всегда чувствуется определенная установка в выборе лексических единиц. Страх все же, как нам представляется, в большей степени богословское понятие; им обозначается состояние «богооставленности». Оно описывается так: «**Страх** отпадения от Бога, в Которого мы уверовали, велик. ... Конечно, наиболее тяжкое испытание для нас в том, что, несмотря на предельное для нас напряжение пребывать верными Богу, мы терпим периоды богооставленности. Нищета духовная, соединяясь с болью богооставленности, погружает нас в отчаяние. ... **Страх** объемлет душу, покинутую Богом. Мы можем не знать – за что? Мы стоим перед опасностью: она, любовь, что явилась нам во Свете, уходит, скрывается подобно заходящему солнцу... спускается мрачная ночь»¹⁰³.

¹⁰² Софроний (Сахаров), Там же. 54.

¹⁰³ Софроний (Сахаров), архимандрит. Видеть Бога как Он есть. С. 149, 156.

Но состояние богооставленности испытывает верующий человек, то есть человек, опытно познавший Бога и благодать пребывания с Богом. Богооставленность означает уход Бога из души верующего человека, в то время как ужас, как мы полагаем, может испытать душа всякого человека – и верующего и неверующего¹⁰⁴. Или сомневающегося, и верующего «по-своему». Как в случае «арзамасского ужаса», которое испытал Л. Н. Толстой, описав его в «Записках сумасшедшего» (об этом мы будем говорить подробнее в следующей главе). Ужас – это универсальное, (но не психологическое, а духовное состояние), близкое к состоянию богооставленности по структуре душевных переживаний, но все же ближе к тому, что описывается в экзистенциальной аналитике бытия. Ужас может и не привести в Богу, в то время, как страх непременно имеет цель познания Бога как Бога: «**Страх** и трепет отходят от нас, давая место «удивлению Богом»¹⁰⁵.

Мы конечно не можем настаивать на таком различии, но считаем, что здесь может содержаться некое предметное содержание, заслуживающее дальнейшего отдельного рассмотрения, поскольку более мы не имеем задерживаться на нем в этой работе.

Таким образом, анализ контекстуального употребления этих понятий позволяет заключить, что понятие «страх» имеет большее богословское содержание и означает разные состояния: *позитивное* («духовное озарение», «духовное чувство», «путь к совершенной любви», «потрясает душу», «порождает изумление») и *негативное*: («погружает нас в отчаяние», «спускается мрачная ночь»). Что касается понятия «ужас», то оно может употребляться как: 1. Эмфатическое средство; 2. Синоним страху 3. Особое метафизическое состояние, которое испытывает любой человек. Примечательно то, что в контексте богословия ужас – это не только ужас смерти (или ужас перед смертью), но и перед Божественной реальностью: «Едва мы решимся предать себя в «руки Бога

¹⁰⁴ Следует обратить внимание на работу Н. Ф. Федорова «Вопрос о братстве», имеющую подзаголовок: «Записка от неученых к ученым, духовным и светским, к верующим и неверующим».

¹⁰⁵ Софроний (Сахаров), архимандрит. Видеть Бога как Он есть. С.. 54.

Живого», как сии руки бросают нас в такие просторы, о которых мы никак не подозревали. Мы приходим в ужас пред открывающимися нам безднами»¹⁰⁶.

Феноменология «богооставленности», произведенная архимандритом Софронием (Сахаровым), позволяет сделать вывод о том, что, конечно, ужас испытывает и верующий, но в большей мере, это предельное метафизическое состояние, в котором человек вообще сталкивается с запредельным. Для верующего – это Бог, для неверующего – «экзистенциал». Но главное, что это благое для души состояние, приводящее, в конечном счете, к просветлению человека.

В русской богословской культуре есть один примечательный текст XVIII века «Рассуждение против ужасов смерти. Его автор архиепископ Славянский и Херсонский Евгений (Булгар) – выдающийся ученый и богослов своего времени. Работа написана в дидактической манере научения тому, как духовно преодолевать страх смерти. Есть некоторые моменты, на которых нужно остановиться.

Евгений (Булгар) считает, что невозможно «совершенное бесстрашие в рассуждениях смерти»: «Или Божественное вдохновение, освобождающее человека от забот и обязанностей житейских, или скотское безумие и энтузиастическое ослепление отдаляющее его от правильных суждений разума (третьего нет ничего), может принудить смотреть на разрушение собственного своего тела без всякого совершенно содрогания. Сие столь же есть справедливое, как и оное: это ест нечто или Божественное, или зверское. Или еще, может быть, нечто низшее самого зверства»¹⁰⁷.

С этих позиций он критикует стоиков, которые «отняли у человека то, что делает его человеком». В своей работе богослов использует преимущественно словосочетание «страх смерти», хотя встречается и лексема «ужас». Но здесь нет

---

¹⁰⁶ Софроний (Сахаров), архимандрит. Видеть Бога как Он есть. С. 299. Хотя, конечно, и в святоотеческом контексте **ужас** и **смерть** часто связаны. Например, свт. Иоанн Златоуст говорит: «страшна смерть и великого исполнена ужаса ... величайшее таинство Божией премудрости» (с.12-14). (Цит. по: Василиадис Н. Таинство смерти. М., 1998. 592 с.).

¹⁰⁷ Евгений (Булгар), архиеп. Рассуждение против ужасов смерти // «Из глубины возвах к тебе, Господи...» – М., 1996. С. 298.

тех тонких философско-богословских различий этих понятий, которые мы выявили у архимандрита Софрония (Сахарова). У Евгения (Булгара) как раз эти понятия употребляются как синонимичные. Это видно из следующих примеров: «Для ободрения духа против **ужасов смерти**, сверх многих других причин, мы можем представить следующую: смерть не от внешних каких-либо причин и насильственным образом, но собственно из нашей природы истекает.

Ужас и трепет рождается в душе не от приближения смерти, но единственно от представления многообразных скорбей и мучений, как по сю, так и по ту сторону гроба случающихся. ...

Итак, ежели смерть по причине сих зол **страшна и ужасна**, то жизнь должна быть еще ужаснее и самой смерти»¹⁰⁸.

В качестве самой надежной терапии страха смерти архиепископ предлагает обращаться к истинной философии, сущность которой состоит в том, «чтоб человек каждый день – каждый час занимался смертию. ...Таковая философия есть истинное занятие и приуготовление к смерти. Словом, погашение страстей, истребление удовольствий и наклонностей рождает в человеке великодушие и бесстрашие в рассуждении оной воспитываемый таковым образом не может содрогнуться под косою смерти»¹⁰⁹.

Таким образом, можно сделать некоторые выводы по этому параграфу.

1. Христианская парадигма ужаса может быть представлена следующим образом. На основании исследования тестов Библии и святоотеческого предания, можно сказать, что если в религии страх имеет значение как путь к вере, к духовному преображению человека, и в этом его безусловно положительное значение, то в психологических трактовках позитивное значение страха усматривается в его способности адаптировать человека к окружающей среде. Видно, насколько существенно различие религиозного и психологического подхода к феномену страха.

¹⁰⁸ Евгений (Булгар), архиеп. Там же. С. 324.

¹⁰⁹ Евгений (Булгар), архиеп. Там же. С. 339, 340.

2. Это различие касается и природы страха. Если с психологической точки зрения, как правило, стоящей на эволюционной парадигме, страх коренится в психологических особенностях человека как биологического существа, то с точки зрения богословия, страх – это своего рода Божий дар, с помощью которого человек, будучи по-преимуществу духовным существом, приходит к пониманию своего истинного положения. В то же время религия не исключает наличия в человеке низшего, психологического страха, в том числе и страха смерти. Но она относится к нему презрительно, считая его проявлением человеческой греховности и предлагая духовную терапию страха смерти через «памятование о смерти»».

3. Анализ богословских текстов показал, что употребление лексемы «ужас» носит не строгий характер; часто она употребляется как синоним «страху». Однако, за исключением тех случаев, когда употребляется устойчивое словосочетание «страх Божий». Изучение книги архимандрита Софрония (Сахарова) «Видеть Бога как Он есть» позволяет различить тонкие различия между понятиями «страх» и «ужас». Если страх относится в большей степени к богословию, и презентует некие духовные структуры человека, то ужас манифестирует метафизический пласт человека вне контекста его веры или неверия. В этом смысле, как нам кажется, понятие «ужас» более универсально и может быть отнесено к ключевым понятиям философской антропологии.

1.4. Эстетизация ужаса в современной медийной культуре

В современной культуре произошла трансформация образа смерти, повлекшая за собой изменение во всех фундаментальных структурах общества. В современном массовом сознании смерть однозначно воспринимается как негативная величина. Смерть здесь мыслится как крайне неприятный факт, связанный не просто с прекращением жизни, но также и с прекращением наслаждений, получаемых от нее. Избавиться от страха смерти значит высвободить жизненное пространство для беспрепятственного получения удовольствий, которыми в изобилии располагает цивилизация. Этому посвящено

большинство современных *гедонистически* ориентированных психотехник. Примеров приводить здесь можно много.

Например, книга В. Карандашева, имеющая характерное название «Жить без страха смерти». Автор стремится логическими аргументами избавить человека от деструктивной рефлексии над смертью. Он пишет: «односторонний взгляд на смерть делает ее слишком трагической. Рефлексия, в том числе и комическая, снимает этот трагизм, дает облегчение, т.е. выполняет защитную функцию». Это психологическая интерпретация, в основе которой метод конструирования дистанции между индивидуальной смертью и ее всеобщностью. Для создания такой дистанции необходимо апеллировать к естественнонаучной аргументации о закономерности и естественности смерти: «Смерть – не зло, а необходимое и неизбежное звено в системе «Жизнь – смерть», которой существует все живое»¹¹⁰.

Системная методика терапии страха смерти разработана в трансперсональной психологии. В результате уменьшаются иррациональные устремления и увеличивается «способность жить в настоящем и получать удовольствие от простых житейских занятий»¹¹¹. В той методике задействуются непроявленные резервы психики, которые высвобождают творческую энергию по мере избавления от страха смерти.

Особая технология в «установлении утраченного контакта человека с процессами смерти и умирания» представлена в практике современной танатотерапии. О результатах этой терапии можно судить по словам одного из главных представителей этого направления: «У прошедших процесс танатотерапии увеличилось стремление к автономии, к самоутверждению, к преодолению ограничений, появилась большая определенность в желаниях и целях. Изменилась и групповая динамика в сторону большей сплоченности и переструктурирования. Отмечалось уменьшение негативных чувств или их трансформация. Например, снизился уровень тревожности, стресса; страх, ненависть превратилась в спокойствие, напряженность и др. Актуализировалось стремление жить активно,

---

¹¹⁰ Карандашев В.Н. Жить без страха смерти. М., 1999. С. 274.

¹¹¹ Гроф С. Психология будущего: Уроки современных исследований сознания. М., 2001. 328.

без страхов и опасений. Так, если при первом упоминании о смерти (до танатотерапии) хотелось «не думать о ней», «закрыть глаза» и «ничего не делать», то после – появилось желание «успеть что-то сделать», «как можно больше успеть», «вообще что-то делать»¹¹².

Наличие этих практик – яркое свидетельство того, что прот. Александр Шмеман назвал «всепроникающим неврозом», характерным для секулярной культуры. Отношение к смерти в рамках этой парадигмы известный православный богослов в своих лекциях на тему «Литургия смерти и современная культура» объяснил таким образом: «Лишенная смысла, потерявшая значение события, придающего смысл жизни, смерть в нашей культуре превратилась в невроз, болезнь, требующую лечения. ...смерть сохраняет все присутствие в мире, но именно как невроз. Именно благодаря этой болезненной тревоге никогда не пустуют кабинеты психологов, психоаналитиков всех мастей и направлений, именно эта тревога (хотя никогда и не называемая прямо) лежит в основе бесконечных терапевтических бесед о социальной адаптации, идентичности, самореализации и т. п.»¹¹³.

О неврозе, охватившим современное общество, пишет в своей книге «Эра пустоты» Жиль Липовецки. Современную эпоху он характеризует в терминах нарциссизма, рождаемый забвением политических проблем. Он пишет: «Этот конец homo politicus и появление homo psychologicus, заботящегося о себе самом и о собственном благополучии»¹¹⁴. Однако, это крайне негативным образом отражается на психологическом и духовном состоянии современного индивида. «Недуги, вызванные нарциссизмом, все реже принимают форму заболеваний с четко выраженными симптомами и чаще проявляются в виде «душевных расстройств», которые носят рассеянный характер и поражают весь организм, производя ощущение внутренней пустоты и бессмысленности жизни, обуславливая неспособность воспринимать предметы и людей. ...Неспособность

¹¹² Баскаков В.Ю. Терапия танатоса // Психология телесности между душой и телом / ред.-сост. В.П. Зинченко, Т.С. Леви. М., 2007. С. 504.

¹¹³ Протопресвитер Александр Шмеман. Литургия смерти. М., 2013. С. 37-38.

¹¹⁴ Липовецки Ж. Эта пустоты. Очерки современного индивидуализма. СПб., 2001. С. 81.

чувствовать и переживать – таков конечный результат десубстанциализации, что указывает на подлинную причину процесса, поразившего нарциссов, – душевную пустоту»¹¹⁵.

Итак, анализ французского философа совпадает с мыслями православного богослова; оба говорят о неврозе как отличительной черте современности. Современный невроз и страх смерти связаны самым непосредственным образом. Его появление, согласно Ф. Арьесу, датируется XVIII-XIX вв.; именно в этот период он всецело завладел массовым сознанием, достигнув своего апогея в современную эпоху, которая всеми силами стремится избавиться от него как от наиболее деструктивного явления, мешающего человеку реализовывать свои цели. «Здесь страх не позволяет себя обуздать и зияет незаживающими ранами, ужас ужасает и рушит все, значит Бог умер (!?). Теперь интенсивность страха может обозначить и определить (в качестве симптома невроза страха) медицинский работник»¹¹⁶.

Однако в XX веке ситуация изменилась. Как пишет Ф. Арьес, «Сейчас общество восстало против смерти. Точнее, оно стыдится смерти, больше стыдится, чем страшится. Оно ведет себя так, как будто смерти не существует»¹¹⁷. Действительно, мы видим, что для современного массового сознания такие понятия как «ужас», «страх», «тоска», «смерть» вызывают однозначно негативную реакцию. Может быть, это уже *не страх, а стыд*, как утверждает Ф. Арьес, но в любом случае современность, не видя в них никакого позитивного смысла, построила целую систему «культурных запретов», в котором данные «депрессивные» состояния теряют всякую экзистенциальную значимость и нравственный смысл. Это связано в том числе и с тем, что современная культура по-преимуществу носит *гедонистический характер*, не предполагающий

¹¹⁵ Липовецки Ж. Там же. С. 116.

¹¹⁶ Дорохова Т. Реалии страха // Фигуры Танатоса. Выпуск 6. Кладбище. СПб., 2001. С. 76.

¹¹⁷ Арьес Ф. Человек перед лицом смерти. М., 1992. С. 490.

глубокой нравственной рефлексии над значимыми вопросами человеческого бытия и стремящейся вытеснить смерть из ценностного горизонта¹¹⁸.

В тоже время, именно современная культура парадоксальным образом отличается патологическими формами влечения к этим состояниям, которые обозначаются как «визуализация и эстетизация смерти», «эскалация ужаса». О крайне негативных следствиях этого процесса для личности говорит Ю. Н. Давыдов, описывая, прежде всего, духовное состояние западной культуры XX века, в которой возникла «метафизика ужаса», породившая немислимый «культ страха». В известной книге «Этика любви и метафизика своеволия» философ пишет: «общая эскалация страха в духовной атмосфере общества ничуть не снижается, наоборот – резко возрастает. Первобытный ужас, парализующий животворные истоки современной культуры... всеобъемлющ и коварен»¹¹⁹.

Пытаясь объяснить влечение к ужасному в современной культуре, Л. Свендсен говорит: «Бесспорно, есть что-то сладостное в том, чтобы быть напуганным романом, фильмом или компьютерной игрой почти до потери сознания»¹²⁰. Философ видит здесь парадокс, и задается вопросом, почему же все-таки людей так привлекают подобные фильмы и прочие продукты массовой культуры, если человеку по природе свойственно остерегаться того, что его пугает. Отвечая на это вопрос, он пишет: «Причина, по которой мы это делаем, заключается в том, что эти впечатления тем или иным способом вызывают в нас позитивные чувства и удовлетворяют потребность в эмоциональных переживаниях. Испытывая сильное эмоциональное воздействие, мы полнее ощущаем жизнь. Бывает мучительно сознавать, что жизнь не наполнена чувствами, что в жизни больше нет страсти. В такой ситуации чувства, которые изначально негативны, воспринимаются как позитивная альтернатива этой пустоте»¹²¹.

¹¹⁸ О тенденции индустриальной эпохи на элиминирование смерти см.: Роганов С.В. Критерий «смерть мозга» и трансформация понятия смерти в современной культуре (2007).

¹¹⁹ Давыдов Ю.Н. Этика любви и метафизика своеволия. М., 1989. С. 18.

¹²⁰ Свендсен Л. Философия страха. М., 2010. С. 135.

¹²¹ Свендсен Л. Там же М., 2010. С. 136.

Воззрения Л. Свендсена согласуются с воззрениями Жюль Липовецки о пустоте современной жизни. Страх, в конце концов, говорит норвежский философ, избавляет от «скуки повседневности». В этом его психотерапевтический эффект. Ужас связан со скукой. Как говорит Т. Горичева: «Современной европейской культуре пришлось поставить совершенно неожиданный вопрос: как снова найти табу, чтобы возбудиться, чтобы зажить хоть какой-нибудь жизнью, ужасной или прекрасной, это уж как получится. ... Я уверена, что ужас – это не вторичная проблема, не проблема эстетики и американских фильмов. Это духовная проблема. Живя на Западе, видишь, что люди больше вовсе не чувствуют ужаса и не знают, что это такое. Ужас выродился в пошлый страх, скажем, страх того, что какой-нибудь налог может вырасти на один процент. Это просто смешно»¹²².

Действительно, проблема в том, что трагические моменты человеческого бытия в контексте медийной культуры приобретают легковесный характер развлечения, из них уходит вся бытийная глубина, и они теряют свое нравственное значение. Как отмечает В. В. Варава «Культура полна проекциями банального ужаса, который по мере своей эстетизации теряет глубину и остроту»¹²³. Во многом это связано с тотальным характером современной медийной культуры, которая одновременно и производит, и контролирует. Коварность ее механизма в том, что, будучи якобы бесцензурной, она как раз и создает наиболее сильную форму цензуры, исключаящую фундаментальную философскую рефлексию над смыслом бытия. Власть медиа распространяется и на такие негативные явления современной жизни как террор: «Можно сказать, что и постсовременные манифестации террора также имеют своего концептуального персонажа. Это – масс-медиаальный шаман, пустая форма медиа-оператора, распределяющего насилие по социальному телу и формирующего экзистенциал «аудитории» – симулятивную форму сообщества»¹²⁴.

¹²² Ужас реального. С. 110.

¹²³ Варава В.В. Адвокат философии., М., 2014.

¹²⁴ Горичева Т., Иванов Н., Орлов Д., Секацкий Д. Ужас реального. СПб., 2003. С. 83.

М. Хайдеггер много говорил об отсутствии мышления в современную эпоху: «Призывающее мыслить в наше со-мнительное время – это то, что мы еще не мыслим»¹²⁵. И это, несмотря на повышенный интерес к философии, который отметил Хайдеггер в современной ему культурной ситуации. Но все дело в том, что это именно интерес: интересное сегодня завтра становится безразличным и скучным. Поэтому живой интерес к философии еще не свидетельствует о готовности к мышлению.

Отсутствие мышления в современную «со-мнительную» эпоху Хайдеггер объяснял метафизически. Он считал, что данное для мысли само отворачивается, отвращается и ускользает от человека. Поэтому он и не способен мыслить. Это имеет очень глубокие метафизические причины, связанные с судьбой западной культуры, глубочайшие механизмы которой Хайдеггер прочувствовал очень тонко и глубоко. Понятно, что его способ мысли весьма далек от повседневного массового сознания, которое вообще не подозревает о существовании вещей, о которых говорит немецкий философ. Но оно, используя тотальность медийных средств, как бы легитимизирует это состояние безмыслия, делает его некой нормой существования сегодня.

Именно в этой ситуации и возникла возможность *эстетизации ужаса и смерти*, которая далеко не в последнюю очередь имеет коммерческие причины. Но нас в большей мере в данном случае волнует не коммерческий аспект этой проблемы, а нравственный, раскрывающий сущность «духовной ситуации времени». Эта ситуация, которую часто именуют постмодернистской, обладает одной очень важной для нас характеристикой, которую современный философ-этик В. Н. Назаров обозначил как смену «этоса» на «эстезис»¹²⁶. Это означат, что этический дискурс приобретает все более частный и прикладной характер, уступая место фундаментальным эстетическим практикам. В числе таких практик находится то, что мы и обозначили как эстетизация ужаса.

---

¹²⁵Хайдеггер М. Что зовется мышлением. М., 2010. С. 37.

¹²⁶ Назаров В.Н. История русской этики. М., 2006. С. 289.

Смерть, попадая в контекст современной гипер-технологизированной и одновременно потребительской культуры, существенно видоизменяется. Ее видоизменение связано, прежде всего, с тем, что она теряет свой нравственный характер, способный оказывать этическое воздействие на личность человека. Потребительская культура основана на принципах гедонизма, который не предполагает никакой рефлексии над смертью, поскольку это имеет травматический эффект. Прот. Александр Шмеман, долгое время наблюдавшей за духовной ситуацией Запада, сделал вывод о том, что смысл смерти в современной культуре в том, что она не имеет смысла. Для обращения со смертью общество создало налаженный механизм, который «делает смерть настолько легкой, безболезненной и незаметной, насколько возможно»¹²⁷. Смерть, таким образом, считает известный православный богослов, лишается своего «жала» и превращается в событие хотя и печальное, но совершенно не нарушающее течение жизни.

Вот поэтому и возможно эстетизированную смерть проецировать на экран медийной культуры, совершенно не боясь того, что она нарушит душевный комфорт обывателя. Характеризуя ситуацию в европейской культуре, А. П. Попогребский отмечает: «Зачастую все, что связано со смертью, оказывается непристойностью, которой не место в «приличном обществе», но которую можно смаковать в сценах насилия на экранах кинотеатров или телевизоров»¹²⁸. Действительно, жанр хоррор сегодня, пожалуй, самый популярный: «Востребованность других традиционно популярных у аудитории жанров (комедия, мелодрама, боевик) может варьироваться от десятилетия к десятилетию, и лишь потребность пугаться и соответственно потребность в жанре ужасов остается неизменной»¹²⁹.

Эта ситуация уже в полной мере применима и для российской действительности. Описывая современные российские СМИ, социальный

¹²⁷ Шмеман А., прот. Литургия смерти и современная культура. М, 2013. С. 31.

¹²⁸ Попогребский А.П. Смысл жизни и отношение к смерти // Психология с человеческим лицом: гуманистическая перспектива в постсоветской психологии. М., 1997. С. 179.

¹²⁹ Артемьева О.Э. Эволюция эстетической модели жанра «хоррор» в американском кино : автореферат кан. . искусствоведения. М., 2010. С. 4.

журналист А. В. Белокрыльцева в статье «Смерть как информационный повод» пишет: «В российских СМИ регулярно поднимаются и подробно обсуждаются связанные со смертью темы: смерть известных людей и все связанное с их уходом, похоронами, наследством, криминальные смерти, маньяки-убийцы и каннибалы, право носит оружие, введение смертной казни, самоубийства, эвтаназия, сохранение тел путем заморозки, махинации с ритуальными услугами, убийства и пропажа детей, приближение конца света, опасности ядерной энергетики, новые виды оружия, запрет аборт, летаргический сон и заживо похороненные, эликсир бессмертия и т.д.»¹³⁰.

Здесь возникает следующий парадокс; с одной стороны, необыкновенный интерес к смерти со стороны СМИ и общества, с другой – страх и безразличие, нежелание всерьез говорить на эту тему. «В российских СМИ, – продолжает журналист, – смерть часто выступает как информационный повод: все связанное с ней вызывает неизменный гарантированный интерес у публики. При этом о паллиативной медицине, хосписах, благотворительной помощи безнадежно больным и старикам, так же как и о философско-религиозных аспектах темы, СМИ говорят очень редко»¹³¹.

Эстетизированная смерть – это смерть лишенная трагической глубины; своего рода анестезированная смерть, пригодная для употребления массовым зрителем без опасности нарушить его душевное спокойствие всерьез. Это вызывает своего рода «привыкание» к смерти, которое сопровождается потерей нравственного чувства. В статье «Медийная культура и смерть» В. В. Варава отмечает: «Пассивные потребители информации, приученные СМИ к духовному и нравственному инфантилизму, с удовольствием поглощают тонны этой смертоносной информации, уже почти что с безликим равнодушием – особо не возмущаясь, не поражаясь, не огорчаясь. Поскольку невозможно отреагировать на все вызовы смерти в современном мире, то у обывателя возникает синдром привыкания к несчастьям, в котором может сохраняться эмоциональное

¹³⁰ Белокрыльцева А.В. Смерть как информационный повод // Отечественный записки. 2013. № 5 (56). С. 97.

¹³¹ Белокрыльцева А.В. Там же. С. 98.

возбуждение при полном нравственном нечувствии к случившемуся. Нравственная реакция – это не психоэмоциональный всплеск, но деятельное соучастие в чужом горе, которое просто невозможно в данном случае. Поэтому СМИ бессовестно эксплуатируют тему смерти на различный лад, не боясь никаких последствий. Совершенно не преследуя цели искоренить зло и усовершенствовать моральную ситуацию в обществе, они преследуют лишь одно: сделать максимально эффективным информационный вброс»¹³².

Это ситуация свойственна не только России. Немецкий философ П. Слотердаик в книге «Критика цинического разума» так охарактеризовал ситуацию, сложившуюся в информационном пространстве: «Массмедиа могут говорить обо всем, потому что они окончательно отбросили тщеславную затею философии – понять то, о чем говорится. Они охватывают все, поскольку не схватывают и не понимают ничего; они заводят речь обо всем и не говорят обо всем равным счетом ничего. Кухня массмедиа ежедневно подает нам густое варево из бесконечно разнообразных ингредиентов, однако оно каждый день одинаково на вкус»¹³³.

Именно такая ситуация в СМИ создает возможность говорить о смерти без ответственности, и без трагизма. Слотердаик говорит об «аморальном уравнивании различного», которое создает ситуацию, когда «сообщения о массовых смертях в странах третьего мира по соседству с рекламой шампанского, репортажи об экологических катастрофах – рядом с объявлением об открытии салона новейшей автомобильной продукции»¹³⁴. Это и есть цинизм mass media, который со временем принимает все большие аморальные формы.

Ужас, о котором М. Хайдеггер говорил как о бытийной возможности человека, в современной медийной культуре полностью утрачивает свое метафизическое значение, превращаясь лишь в жгучий сюжет, способный вызвать сильную эмоциональную реакцию. Все позитивное действие ужаса, которое он

---

¹³² Варава В.В. Медийная культура и смерть // Время культуры. 2014. №11.С. 48-49.

¹³³ Слотердаик П. Критика цинического разума. М., 2009. С. 470.

¹³⁴ Слотердаик П. Указ. соч. С. 463.

может оказывать в экзистенциальном модусе, оказывается совершенно профанированным в модусе медийном.

При этом, современное массовое влечение к ужасу нельзя воспринимать исключительно отрицательно. П. С. Гуревич, описывая механизм романтизации страха, пишет о современном состоянии культуры: «Литература последних столетий – готический роман, детективы, триллеры, произведения ужасов – уже не просто удовлетворяют человеческую любознательность, пытливость в распознавании кошмаров. Она буквально обслуживает фантазии человека, обуреваемого страстью видеть, осязать, переживать страшное. Массовая культура наших дней немыслима без сюжетики криминальных убийств, погони и воздаяния, расправы и некрофильских влечений»¹³⁵.

Философ задает такой вопрос: «Неужели, преодолевая ужас, человек сам бессознательно устремляется к нему. Какие тайны человеческого естества открываются при этом?». Вопрос, поставленный П. С. Гуревичем требует тщательного анализа феномена ужаса, который, с нашей точки зрения наиболее продуктивен в рамках этического дискурса¹³⁶. Поскольку «тайны человеческого естества» есть самое, что ни на есть «человеческое в человеке». А этим более всего озабочена нравственная философия.

Таким образом, можно сделать следующие выводы по данному параграфу:

- современную медийную культуру возможно охарактеризовать как культуру эстетизации ужаса и смерти;
- эстетизация смерти снимает ее остродраматический характер и глубинный нравственный смысл, превращая ее в «информационный повод»;
- медийный модус смерти входит сегодня в противоречие с экзистенциальным модусом, свидетельствуя о ситуации глубокого антропологического кризиса;

¹³⁵ Гуревич П.С. Страх – молитва души // Философские науки. 1992, №2. С. 95.

¹³⁶ Интересный вывод диссертационного исследования: «в группе молодежи с сильным интересом к фильмам ужасов и мистики просмотр таких фильмов способствует повышению уровня психической активации, эмоционального тонуса и комфортности» (Черняновская Т.В. Психологические особенности интереса молодежи к фильмам ужасов и мистики : автореферат дис. канд. психол. наук, 2003).

- потребность ужаса у современного человека носит двойственный характер: с одной стороны, это показатель духовного кризиса, с другой, в этом стремлении проявляется некая «тайна человеческого естества», которые необходимо осмыслить в рамках этического анализа.

Выводы первой главы

В первой главе мы рассмотрели функционирование понятия «ужас» как лингвистической, эстетической, психологической, религиозной и культурологической единицы. При всей разницы трактовок этого понятия в данных контекстах, есть нечто общее. Во-первых, в этих контекстах, ужас выступает в качестве близкого синонима страха, представляя его количественную, но не качественную градацию и сущностно не различаясь с ним. Во-вторых, являясь сильным отрицательным состоянием (негативной эмоцией), ужас становится предметом преодоления, но не осмысления.

В данных концептуализациях страха отсутствует то, что А. де Вэленс назвал «вопрошающим смыслом страха», определив качественное отличие в подходе к страху, которая представляет экзистенциальная философия, следующим образом: «философская же традиция, которую мы исследуем, пытаюсь описать и понять само явление страха, не давая ему исчезнуть в его «причинах» и «лекарствах» от него»¹³⁷.

Сущностное не различие понятий «страх» и «ужас» приводит к их смешению в различных текстах, в том числе и в философских. Как сильное экспрессивное средство лексема «ужас» употребляется для обозначения предельного эмоционального состояния, как правило, отрицательного характера. Эту предельность лексема «ужас» получает от своей непосредственной связанности с лексемой «смерть», о чем свидетельствуют контексты их близкого употребления в художественных произведениях и в эмоциональных высказываниях в языке, когда эмоция «ужас» выступает как обозначение реакции,

---

¹³⁷ Вэленс А. Заметки о понятии страха в современной философии // Феномен человека. М., 1993. С. 297.

связанной с известием о смерти. Анализ фрагментов художественных произведений Л. Н. Толстого, Л. Н. Андреева, М. Н. Арцыбашева, В. В. Набокова продемонстрировал это.

Рассмотрение «ужасного» как эстетической категории обнаруживает наличие в нем таких компонентов как «безобразное» и «низкое» (в традиционной эстетике), «омерзение» (у Л. Липавского) и «отвращение» у (Ю. Кристевой). Все это крайне отрицательные состояния, свидетельствующие о том, что «ужасное» представляет собой иррациональную и враждебную силу, с которой человек пытается справиться, в том числе с помощью различных психотехник, сильно развитых в современном гедонистическом обществе («эра пустоты» по Ж. Липовецкому).

В этом обнаруживается противоречивый характер медийной культуры, которая с одной стороны, стремится замолчать (табуировать) серьезную рефлексию, связанную с ужасом и смертью. С другой, способствует «эскалации ужаса», тиражируя бесконечную медийную продукцию, в которой смерть – информационный повод, а ужас – недостающая эмоция, чтобы как-то развеять скуку и бессмысленность существования человека потребительской эпохи. «Эстетизация ужаса и смерти» является наиболее эффективным инструментом массового медийного производства.

Альтернативой психологии и массовой культуре является религиозное понимание страха, где он имеет духовное измерение, связанное с греховностью человека. Здесь выявляются существенные различия в религиозном и психологическом подходе к страху, проявляющиеся в том, что если христианство видит в страхе путь к вере и духовному преображению человека («страх Господень»), то в психологических трактовках позитивное значение страха усматривается в его способности адаптировать человека к окружающей среде, от которого нужно избавляться в том случае, если он становится препятствием для жизни в современном обществе.

Однако, *потребность в ужасном* у современного человека представляет и философский интерес, поскольку в этом стремлении проявляется «тайна

человеческого естества» (П. С. Гуревич), в которой заложены глубинные антропологические свойства человека, имеющие отношения к его нравственной сущности.

Глава 2. ПРАВСТВЕННОЕ ЗНАЧЕНИЕ УЖАСА

2.1. Ужас и страх: терминологические и онтологические различия

В первой главе мы говорили о различиях между понятиями «страх» и «ужас» в психологическом и религиозном контекстах. Наше исследование показало, что в этих контекстах употребительнее лексема «страх», которая проявлена в таких устойчивых словосочетаниях как «страх смерти» (психология) и «страх Божий» (религия). Лексема «ужас» чаще используется в художественных текстах, где оно имеет значение край экспрессивного стилистического средства.

В этой главе речь пойдет об этико-философском измерении феномена ужаса. Достаточно трудно говорить о *нравственной значимости ужаса*, поскольку психологически это явление воспринимается крайне травмирующим для психики. Однако, мы согласны с точкой зрения Т. Горичевой, которая сказала, что «ужас является совершенно необходимой частью духовного опыта и, в более широком

плане, неотторжимой чертой человеческого присутствия в мире»¹³⁸. Исходя из этого, мы собираемся обосновать в этой главе, что такие феномены как «состояние ужаса», «переживание ужаса» имеет позитивное нравственное значения для человека.

Нужно сказать, что философия ужаса – это результат новейшей философии. Конечно, в истории философской мысли, начиная с Аристотеля вплоть до Шопенгауэра и Ницше, можно встретить размышления и о страхе, и об ужасе. «Но это чувство, – пишет В. К. Кантор про ужас, – стало определяющим в XX веке». Исследователь связывает его с именем Кафки, в котором произошел мировоззренческий сдвиг в культуре *от трагедии к ужасу*, и характеризует его следующим образом: «На место свободного трагического героя, вступающего в борьбу с целым миром, пришел оцепенелый от ужаса герой, который не может вступить в борьбу с миром, с Бытием, ибо оно исчезло, вместо него Ничто, с которым априори ясно, что бороться невыносимо и бессмысленно»¹³⁹.

Таким образом, у Кафки ужас получает свое материальное воплощение: после него ужас – это не только эмоциональное состояние, и не эстетическая категория, это всеобщая ситуация, в которую погрузилась культура и человеческое бытие. По-другому она именуется с помощью понятия «абсурд». В данном случае, абсурд – это разновидность ужаса, его проявление. Первичен все-таки ужас, который появляется не столько из предшествующей традиции, сколько внезапно врывается в духовную жизнь современного человека. И поэтому об ужасе трудно говорить не только с этических позиций, о нем вообще трудно говорить. Это настолько новое философское явление, что, как верно заметил Д. Орлов: «Предметный разговор об ужасе – это разговор, при котором вопрос об основании мира в целом, о почве, на которой учреждается сущее как сущее, даже не может быть надлежащим образом поставлен, не говоря уже о том, чтобы решен».¹⁴⁰

¹³⁸ Ужас реального. С. 132.

¹³⁹ Кантор В.К. Ужас вместо трагедии (творчество Франца Кафки) // Вопросы философии. 2005. № 12. С. 72.

¹⁴⁰ Ужас реального. С. 115.

В самом феномене ужаса содержатся предпосылки, препятствующие его осмыслению. Об этом говорит Э. Сиоран, называя это состояние «неопределенным ужасом», которое характеризует следующим образом: «Критической точкой жизненной силы является не болезнь, поскольку болезнь – это борьба, а неопределенный ужас, который отвергает все и отнимает у желаний способность порождать новые ошибки. Чувства теряют свою свежесть, вены пересыхают, а органы перестают воспринимать что-либо иное, кроме интервалов, отделяющих их от их собственных функций. Все становится пресным: и пища, и грезы. Исчезает аромат в материи и загадочность в сновидениях. И гастрономия, и метафизика становятся в равной степени жертвами утраты нами жизненного аппетита. Нам только и остается, что часами дожидаться других часов, ждать мгновений, которые не убежали бы от времени, ждать верных мгновений, чтобы они вернули нас в обыденную пошлость здоровья... и позволили нам забыть о его подводных рифах»¹⁴¹.

Можно сказать, что сила этого «неопределенного ужаса» весьма значительна. Это делает ужас своего рода *антропологической константой*, о которой говорит П. С. Гуревич: «Ужас притаился в подсознании. Он только ждет опознавательного знака». Наличие ужаса связано с главным противоречием человека, заключающимся в том, что он одновременно и природное и неприродное существо: «Над ним [человеком] тяготеет своего рода проклятие: быть несвободным от этого противоречия, от собственных мыслей и чувств, сопряженных с ужасом бытия»¹⁴².

В философии XX века тематизация и проблематизация ужаса традиционно считается прерогативой экзистенциализма. В этом направлении дан системный анализ этих состояний и разработан категориальный аппарат. Однако, стоит отметить, что аналитика экзистенциалов носит по-преимуществу, *этически нейтральный характер*¹⁴³. Имеются некоторые исключения: разумеется, С.

¹⁴¹ Сиоран Э. Испытание существованием. С. 55.

¹⁴² Гуревич П.С. Страх – молитва души // Философские науки. 1992, №2. С. 90, 91.

¹⁴³ Из современных отечественных авторов об этических интенциях экзистенциализма см.: Ключова М.Л. Этика как апология жизни (от рационализма к экзистенциализму) (Вопросы философии. 2005.

Кьеркегор, Отто Ф. Больнов, в философии которого явно намечен поворот в сторону этики, педагогики и антропологии, Ж. П. Сартр, высказавшийся по вопросам морали в «Заметках по этике»¹⁴⁴. В целом экзистенциализм обладает достаточно замкнутым характером и фиксирует лишь негативные свойства «пограничных состояний», придавая им бытийный статус.

Безусловно, существуют различные трактовки экзистенциализма, в которых обнаруживается приближенность к этическому. Так, Г. Гадамер считает, что «критика эстетического сознания» Кьеркегора, раскрывшая внутренние противоречия «эстетической экзистенции», носила этический характер. В «Истине и методе» он пишет: «Его учение об эстетической стадии экзистенции набрасывалось с позиций этика, для которого неисцелимость и непрочность экзистенции возникают в чистой непосредственности и неконтиуальности»¹⁴⁵.

Известный отечественный философ-этик Т. А. Кузьмина также склоняется к тому, чтобы интерпретировать С. Кьеркегора этически, полагая, что он сделал «радикальный выбор в пользу этического существования». Давая общую оценку этому направлению, исследователь пишет, что экзистенциалистским философам «удалось заострить внимание на одной кардинально важной для этики проблеме: мораль – это не просто следование известным и общепринятым нормам, а специфический и живой опыт переживания некоего, отличного от обыденного, состояния, которое знаменует внутреннее изменение человека, поднимает его на новую ступень жизни и знания и требует постоянно и сознательно возобновляемого усилия по его удержанию, усилия, совпадающего по своему смыслу и конечной цели с утверждением собственно человеческого существования»¹⁴⁶.

Возможна этическая трактовка экзистенциализма через категорию «трагическое»: «В экзистенциальной философии трагическое мироощущение

№10); Исаев А.А. Апория преемственности: История философии (2005); Долгов К.М. От Киркегора до Камю: Очерки европейской философско-эстетической мысли XX века (1990).

¹⁴⁴ Среди западных авторов отражение этических аспектов экзистенциализма нам удалось также обнаружить у Н. Аббаньяно («Структура экзистенции») и Ф. Коплстона («История философии. XX век»).

¹⁴⁵ Гадамер Х.-Г. Истина и метод. М., 1988. С. 141.

¹⁴⁶ Кузьмина Т. А. Экзистенциализм // История этических учений. М., 2003. С. 742

преодолевается козырем пессимизма, т. е. утверждением, что бытие к смерти – основа человеческого существования. Это есть проект и бытия, и понимания: при познании своего приближения к смерти мы направляем себя в будущее, а это своим чередом заново формирует и прошлое. Выдвигая себе цели, мы сами создаем свой мир открытых возможностей. Тут трагическое – само строение бытия: человек, проживая, укорачивает свое бытие к смерти. Это происходит каждое мгновение, которое охватывает всё новое понимание нашего прошлого в свете создаваемого будущего»¹⁴⁷.

Одним из главных тезисов нашей работы является мысль о том, что понятие «ужас» является одним из центральных в структуре этических категорий. Нравственное переживание ужаса способно обогатить личность, раскрыть бытийные измерения, о которых она возможно ранее и не подозревала. В этом смысле становится актуальной *этическая аналитика феномена ужаса*, расширяющая горизонты современной этической теории, которые имеют непосредственное практическое значение для нравственного роста и совершенствования личности.

Оснований для подобных воззрений не так уж и много. Даже в русской философии, в которой большинство вопросов приобретает этический характер, ужас воспринимается, как правило, негативно. Однако те редкие исключения, которые имеются, обладают особо важным значением. Прежде всего, нужно обратиться к работе Н. А. Бердяева «Опыт парадоксальной этики», в которой философ утверждал, что «тоска и ужас могут иметь чисто нравственное и духовное значение»¹⁴⁸. В этой книге непосредственно говорится о *нравственном и духовном значении ужаса*. В понимании философа ужас – это «чистое переживание бездны, отделяющий наш греховный обыденный мир и нашу низшую природу от высшего, горнего, божественного мира, от бесконечной тайны бытия»¹⁴⁹.

¹⁴⁷ Качераускас Т. Об экзистенциальном пессимизме // Спектр антропологических учений. Вып. 4. М., 2012. С. 23.

¹⁴⁸ Бердяев, Н. А. Опыт парадоксальной этики / Н. А. Бердяев. – М. : АСТ; Харьков: Фолио, 2003. С. 260.

¹⁴⁹ Бердяев, Н. А. Там же. С. 260.

Много писал об ужасе и Лев Шестов, связывая его вообще с началом философии: «Фалес был отцом древней философии, его ужас и его, выросшие из ужаса, убеждения преемственно сообщились его ученикам и ученикам его учеников»¹⁵⁰. Сравнивая Достоевского с Плотиним, Шестов показывает какую роль играет ужас в приобретении того величайшего опыта, которым обладали эти люди: «Достоевский был не первым из людей, которому пришлось испытать это невообразимо страшное чувство перехода в инобытийное существование, состояние человека, вынужденного отказаться от той опоры, которая нам дается «принципами». За полторы тысячи лет до него величайший философ Плотин, тоже подобно Достоевскому попытавшийся взлететь над нашим «опытом» – знанием, рассказывает, что первое впечатление от этого взлета такое, будто все исчезло, и безумный страх, что осталось только чистое ничто. Прибавлю, что Плотин не все рассказал и, пожалуй, главное утаил. По-видимому, не только первое, но и второе, и все последующие впечатления остаются такие же. Душа, выброшенная за нормальные пределы, никогда не может отделаться от безумного страха, что бы нам ни передавали об экстатических восторгах.

Тут восторг не погашает и не исключает ужасов. Тут эти состояния органически связаны: **чтоб был великий восторг, нужен великий ужас** (выделено – А.Г.)»¹⁵¹.

Можно сказать, что эти воззрения русских философов являются определяющим в данном вопросе. Для того, чтобы прояснить нравственные измерения ужаса необходимо, прежде всего, отделить его от понятия «страха», которое, как мы показали в первой главе, является ближайшим синонимом ужаса и в психологическом, и в религиозном контекстах, а также в сознании массовой культуры, где, как правило, ужас мыслится количественно, как высшая стадия страха, и тем самым, сущностно не отделяется от него.

Собственно говоря, разделение на «страх» и «ужас» произошло уже у С. Кьеркегора, Н. А. Бердяева, М. Хайдеггера, Ф. Больнова и сегодня является

¹⁵⁰ Шестов Л. На весах Иова. М., 2001. 7.

¹⁵¹ Шестов Л. На весах Иова. С. 53-54.

академической нормой. П. П. Гайдено в «Новой философской энциклопедии» отразила это, разделив страх на *психологический* (причинный) и *метафизический* (беспричинный), связав последний с философией С. Кьеркегора, психоанализом З. Фрейда и экзистенциальной философией¹⁵². Такое же разделение принято в энциклопедическом словаре «Этика», где ужас трактуется как составляющая страха наряду с робостью, испугом, потрясением и мучением¹⁵³. В диссертационных исследованиях разделение на «страх» и «ужас» в различном соотношении является общим местом. Например, *ужас* наряду с *тоской* и *тревогой* рассматривается как основной «модус страха»¹⁵⁴.

В то же время, не все философы исходят из мысли о фундаментальном отличии страха и ужаса. Например, в книге Л. Свендесена «Философия страха», которая представляет собой многомерную реконструкцию феномена, используются оба понятия: и «страх» и «ужас». При этом «ужас» используется в неспецифическом для нас смысле (например, «фильмы ужаса», «пронизывающий ужас и т. д.) и речь идет преимущественно о страхе. При этом автор различает «страх» и «тревогу», о чем пишет следующее: «Случается, что человек, находясь в состоянии, подобном страху, не знает, чего боится. Вероятно, что такое состояние следует определять как тревогу. Переживание страха сродни переживанию тревоги. Оба содержат в себе представление об опасности или о возможных негативных последствиях. Опасность или угроза последствий могут быть достаточно конкретными или весьма неопределенными. Обычно страх и тревогу различают именно по этому критерию: страх имеет конкретный объект, тревога его не имеет. Такой принцип разделения, как правило, связывают с именами Кьеркегора и Хайдеггера»¹⁵⁵.

Сам автор не склонен абсолютизировать эти различия. Он пишет: «Надо признать, что на практике разницу между тревогой и страхом увидеть не так просто, как в теории, прежде всего потому, что страх также связан с элементом

¹⁵² Гайдено П.П. Страх // Новая философская энциклопедия. М., 2010. С. 645.

¹⁵³ Митько А.Е., Дружинин В.И. Страх // Этика: Энциклопедический словарь. М., 2001. С. 475.

¹⁵⁴ См.: Романова Е.Н. Основные смыслы категории «страх» в аспекте феноменологического и социально-философского анализа: диссертация канд. . филос. н. : 09.00.11. Омск, 2002.

¹⁵⁵ Свендсен Л. Философия страха. М., 2010. С. 65.

неопределенности, как восприятия самого объекта, так и возможностей дальнейшего развития ситуации: ты испытываешь страх перед определенным объектом, однако не понимаешь, что именно тебя в нем пугает, и не знаешь как на него реагировать. Для многих видов фобий также характерно наличие объекта, т. е. человек знает, чего он боится, однако остается неопределенным то, как объект может влиять на его жизнь. Я не стану подробно останавливаться на том, как следует – или возможно ли в принципе – проводить четкую границу между страхом и тревогой, а буду придерживаться традиционного критерия различия между ними, т. е. наличия или отсутствия конкретного объекта»¹⁵⁶.

В этом контексте нельзя обойти вниманием работу Л. Липавского, которая представляет собой философскую аналитику. По сути дела, это есть *метафизика ужаса*, в которой явлен *перихоресис страха и ужаса*. В первой главе мы говорили о смешанном употреблении лексем «страха» и «ужаса» в текстах Липавского, сейчас необходимо сказать о философском аспекте.

Представленный фрагмент представляет собой феноменологию ужаса: «Есть особый **страх** послеполуденных часов, когда яркость, тишина и зной приближаются к пределу, когда Пан играет на дудке, когда день достигает своего полного накала. ... Вдруг предчувствие непоправимого несчастья охватывает вас: время готовится остановиться. День наливается для вас свинцом. Катаlepsия времени! Мир стоит перед вами как сжатая судорогой мышца, как остолбеневший от напряжения зрачок. Боже мой, какая запустелая неподвижность, какое мертвое цветение кругом! Птица летит в небе и с **ужасом** вы замечаете: полет ее неподвижен. ... Неужели нет спасения из околдованного мира, окостеневший зрачок поглотит и вас? С **ужасом** и замиранием ждете вы освобождения взрыва. И взрыв разражается. ... Об этом, впрочем, есть у Гоголя. Древние греки тоже знали это чувство. Они звали его встречей с Паном, паническим **ужасом**. Это **страх полдня**»¹⁵⁷.

¹⁵⁶ Свендсен Л. Философия страха. С. 66.

¹⁵⁷ Липавский Л. Исследование ужаса. М., 2005. С. 20-21.

Здесь же дана весьма интересная типология страхов, включающая в себя такие феномены как «страх перед вязкой консистенцией», «страх перед однородностью», «страх перед неконцентрированной жизнью», «страх перед пузырчатостью», «страх перед мертвецом», «страх перед другим человеком», «страх перед не нашей, безличной жизнью» «страх темноты», «страх пустоты», «страх падения» и др. Вот один пример описания страха: «Страх перед пузырчатостью не ложен. В ней, действительно, видна безиндивидуальность жизни. Размножение и состоит в том, что в пузырьке появляется перетяжка и от него обособляется новый пузырек.

Об отростках. Мы имеем в виду жгутики, усики, щупальца, ножки, волосистость тела. Страх перед ними не ложен: в них, действительно, некоторая самостоятельность жизни, оторванная нога осьминога, паука-сенокосца и т.д.»¹⁵⁸.

Прежде всего, необходимо сделать некоторые терминологические и лексические уточнения, связанными с трудностями, возникающими при переводе слов «страх» и «ужас». Речь пойдет о немецком и русском языках, поскольку, как мы полагаем, именно на этих языках идея ужаса артикулирована наиболее существенным образом.

В «Бытии и времени» М. Хайдеггер употребляет лексемы «Furcht» и «Angst», которые в переводе В. В. Бибихина на русский язык передаются соответственно как «страх» и «ужас». (§ 30. Die Furcht als ein Modus der Befindlichkeit («Страх как модус расположения») и § 40. Die Grundbefindlichkeit der Angst als eine ausgezeichnete Erschlossenheit des Daseins (Основное расположение ужаса как отличительная разомкнутость присутствия))¹⁵⁹.

При этом оба слова («Furcht» и «Angst») могут переводиться на русский язык как «страх». «Angst», переводимый на русский как «ужас», в немецком означает «страх». Здесь важны семантические различия этих слов в немецком, которые позволяют Хайдеггеру их строго разделить, употребляя именно эту пару слов. Дело в том, что в тексте «Бытия и времени» встречается слово «Entsetzen»,

¹⁵⁸ Липавский Л. Исследование ужаса. С. 31.

¹⁵⁹ Heidegger, M. Sein und Zeit / M. Heidegger. Tübingen : Max Niemeyer Verlag, 1967. 437 S.

которое тоже переводится как «ужас». Однако Хайдеггер выбирает именно «Angst» для передачи экзистенциального страха (то есть ужаса), поскольку «Furcht» обозначает скорее «боязнь» чего-то, то есть причинный, мотивированный страх. Отечественный исследователь А. Демичев пишет по этому поводу: «В глубине нашего страха – страх фундаментальный, ужас по Хайдеггеру. Нечто родовое. Общечеловеческая родина и рана. Ничто. В ностальгически страшном зове пребывает наша сущность, отпущенная родиной в «чистое присутствие» с целью себя явить»¹⁶⁰.

Таким образом, то, что у Хайдеггера терминологически обозначается как «Angst» (экзистенциальный страх) в русском философском сознании воспринимается (и переводится) как «ужас»¹⁶¹. И соответственно то, что он обозначает словом «Furcht» (просто страх) в русском сознании воспринимается как «боязнь», «страх как боязнь», не имеющие никаких экзистенциальных измерений.

Именно здесь может происходить наложение понятий, которое может сбить с толку в том случае, когда экзистенциальный страх переводится на русский не как «ужас», а как «страх». Как, например, в книге Отто Ф. Больнова «Философия экзистенциализма», в которой VIII глава называется «Страх», а один из разделов «Боязнь и страх»¹⁶². Он как раз употребляет слова «Furcht» для «боязни», а «Angst» для экзистенциального страха, и поэтому можно было пару «боязнь и страх» перевести как «страх и ужас».

Это становится понятным из текста Больнова, в котором он указывает, с одной стороны, близость этих понятий, с другой, их фундаментальное отличие. Он пишет: «Своеобразную сущность страха экзистенциальная философия прежде всего отличает от родственного явления простой боязни. Сразу же следует заметить, что страх и боязнь весьма близки, и словоупотребление зачастую их

¹⁶⁰ Демичев, А. Введение / А. Демичев // Делюмо Ж. Идентификация ужаса. М. : Алгоритм, 2009. С. 5-7.

¹⁶¹ В.К. Кантор отмечает: «Angest у Кьеркегора и Angst у Хайдеггера можно перевести как страх, но у Хайдеггера сегодня переводят как ужас, и, как увидим, по смыслу эти понятия близки, хотя у датского мыслителя Angest более психологическое понятие, но поскольку это слово связано с библейскими темами, то его можно сблизить и с хайдеггеровским онтологическим понятием» (Кантор В.К. Ужас вместо трагедии. С. 71).

¹⁶² Больнов, О. Ф. Философия экзистенциализма. СПб. : Лань, 1999. С. 89-101.

неразличимо роднит. Но все же различие существует – чуткое ухо распознает его уже в обычном словоупотреблении, а экзистенциальная философия выявляет затем при помощи понятийных средств»¹⁶³.

Какие различия находит философ между «боязнью» и «страхом»? Прежде всего, боязнь связана с чем-то определенным, конкретным, зримым. Боязнь имеет предметное содержание, предстает в виде вреда или угрозы индивиду. В то время как какой-либо определенный предмет, вызывающий страх, в страхе отсутствует. Больнов относит «беспочвенность и предметную неопределенность» страха к его глубинной сущности.

На семантическую и даже онтологическую неопределенность отношений между «страхом» и «ужасом» указывает и М. Хайдеггер. В «Бытии и времени» он пишет: «Для анализа ужаса мы не совсем подготовлены. Правда, остается еще темным, как он онтологически взаимосвязан со страхом. Феноменальное родство явно существует. Признаком тому факт, что оба феномена большей частью остаются не разделены и ужасом обозначается то, что оказывается страхом, а страхом именуется то, что имеет характер ужаса»¹⁶⁴.

Это очень точное и важное для целей наше исследования наблюдение, повторим еще раз, акцентировав на нем внимание: **«и ужасом обозначается то, что оказывается страхом, а страхом именуется то, что имеет характер ужаса»**. Действительно ужас и страх часто оказываются неразличимыми и на уровне речевого употребления даже в текстах философии. Однако между ними существует не просто различие, но различие фундаментальное, на которое указывает М. Хайдеггер уже в другой работе «Что такое метафизика?» Здесь он говорит о «фундаментальном настроении ужаса», раскрывая *сущность ужаса* следующим образом: «Под ужасом» мы понимаем здесь не ту слишком частую способность ужасаться, которая, по сути дела сродни избытку боязливости. Ужас в корне отличен от боязни. Мы боимся всегда того или другого конкретного сущего, которое нам в том или ином определенном отношении угрожает. Страх

¹⁶³ Больнов, О. Ф. Философия экзистенциализма. С. 90-91.

¹⁶⁴ Хайдеггер, М. Бытие и время / М. Хайдеггер. М. : Академический проект, 2011. С. 185.

перед чем-то касается всегда тоже каких-то определенных вещей. Поскольку боязни и страху присуща эта очерченность причины и предмета, боязливый и робкий прочно связаны вещами, среди которых находятся...

...ужасу присущ какой-то оцепенелый покой. Хоть ужас это всегда ужас перед чем-то, но не перед этой вот конкретной вещью. Ужас перед чем-то есть всегда ужас от чего-то, но не от этой вот определенной угрозы. И неопределенность того, перед чем и от чего берет нас ужас, есть не просто недостаток определенности, а принципиальная невозможность что бы то ни было определить»¹⁶⁵.

Это ключевое рассуждение М. Хайдеггера, показывающее, с одной стороны, фундаментальное *различие ужаса и страха*, а с другой, указывающее на неопределенность, то есть беспричинность (в житейском и психологическом плане) и немотивированность ужаса. Философ связывает ужас с Ничто: «ужасом приоткрывается Ничто». Вот где основа всей *безосновности ужаса*, его непостижимого характера. Поскольку, как говорит мыслитель, «ужас делает человека заместителем Ничто», то он как бы спит в человеке, готовый проснуться в любую минуту. Человек испытывает «приступ ужаса», то есть действия в нем Ничто. Но когда приступ отошел, человек остался тем, кем он и был до этого. Ничего в нем не меняется. И Хайдеггер не говорит о духовном и нравственном преображении человека.

Ужас в этом смысле – аксиологически нейтральное состояние. Он имеет отношение к онтологии, но не к этике. Очень внятно эту отстраненность и отрешенность Хайдеггера, его беспристрастность к рассматриваемой теме показал Н. Иванов. Он считает, что хайдеггеровское нагнетание ужаса выглядит мнимым и несколько театральным, поскольку в такой ситуации, в ситуации нахождения в ужасе, трудно сохранить холодный разум. Он пишет: «Хайдеггер апеллирует к ужасу как к тому аутентичному состоянию, в котором человеку приоткрывается истина бытия, здесь человек впервые обретает опыт заглядывания по ту сторону

---

¹⁶⁵ Хайдеггер М. Что такое метафизика? / М. Хайдеггер // Время и бытие: Статьи и выступления. М. : Республика, 1993. С. 20-21.

сущего. При этом Хайдеггер принимает настолько серьезную позу, настолько сбрасывает с себя простой человеческий облик, так мерно и уверенно начинает вещать, что игре его «глубинной мысли» невольно перестаешь верить»¹⁶⁶.

Хайдеггер, полагает Иванов, сохраняет «невозмутимую мину» и описывает как бы со стороны внеположного субъекта то, что творится в покинутой им реальности. Иначе, нельзя быть таким беспристрастным как Хайдеггер в описании такого феномена как ужас. Отсюда и неверие Хайдеггеру.

В этом смысле представляет интерес опыт письма об ужасе Ю. Кристевой, которое является альтернативой спокойствию Хайдеггера. Философ резюмирует свою работу над проблемой: «Под закрытыми и цензурированными поверхностями цивилизаций я обнаруживаю питающий их ужас, который они пытаются устранить. Я очищаю, систематизирую, осмысливаю ужас, который возникает с возникновением цивилизаций и поддерживается их существованием. Спокойно ли это место стороннего наблюдателя, которое я определяю для себя? Я понимаю это состояние скорее как состояние разочарования, фрустрации, опустошенности... Вероятно, это единственный противовес отвращению»¹⁶⁷.

Вообще, это тема отдельного исследования – сопоставить *дискурсы ужаса* Кристевой и Хайдеггера. Сейчас важно указать на то, что хайдеггеровская аналитика ужаса отличается в целом аксиологической нейтральностью. Хотя в «Бытии и времени» можно обнаружить рассуждения про ужас, имеющие отношение к плану этики. Ужасом раскрывается не только Ничто, ужас мыслится Хайдеггером как «бытийная возможность присутствия». Он пишет: «перед чем ужасается ужас, есть само бытие-в-мире»¹⁶⁸. Ужас размыкает присутствие, позволяя последнему сбыться. «Захваченность ужасом размыкает исходно и прямо мир как мир».

Далее философ пишет: «Ужас обнажает в присутствии *бытие к* наиболее своей способности быть, т.е. *освобожденность для* свободы избрания и выбора

¹⁶⁶ Ужас реального. С. 105.

¹⁶⁷ Кристева Ю. Силы ужаса. С. 246.

¹⁶⁸ Хайдеггер, М. Бытие и время / М. Хайдеггер. М. : Академический проект, 2011. С. 187.

себя самого. Ужас ставит присутствие перед его *освобожденностью* для... (propensio in...) собственности его бытия как возможности, какая оно всегда уже есть. Это бытие однако есть вместе то, которому присутствие вверено как бытие-в-мире»¹⁶⁹. В конечном счете, ужас «извлекает присутствие назад из его падающего растворения в «мире»»¹⁷⁰.

Что дает это размыкание присутствия ужасом? Хайдеггер говорит: «в ужасе лежит возможность отличительного размыкания, поскольку он уединяет. Это одиночество возвращает присутствие из его падения и показывает ему собственность и несобственность как возможность его бытия»¹⁷¹. Человек, тем самым, подпадает, если и не в ситуацию этического выбора, то, по крайней мере, ему высвечиваются этические смыслы его бытия.

Для Н. А. Бердяева принципиально важным является фундаментальное разделение «ужаса» и «страха», имеющее по своей сути этический характер. И для того, чтобы понять *нравственный характер ужаса*, необходимо понять *безнравственный характер страха*.

Рассмотрим этот аспект подробнее. Н. А. Бердяев вслед за С. Кьеркегором и М. Хайдеггером придерживается различия между «Furcht» и «Angst». При этом философ дает такую уничтожающую картину страха: «Страх есть состояние дрожащей, трепещущей, падшей твари, которая находится в низинах бытия и которую со всех сторон подстерегают опасности. Страх есть ожидание страданий, ударов, лишений, наступления врага, который отнимет блага жизни, отнимет и самую жизнь, ожидание болезни, бедности, беспомощности и беззащитности. В переживание страха не входит представление о высоте бытия, которую человек хотел бы достигнуть, и оторванность, от которой его мучит. В переживании сильного страха человек обыкновенно забывает о всякой высоте и склонен жить в низинах, лишь бы освободили его от ожидаемых опасностей, лишений и страданий. Страх – оппортунистичен, и в

¹⁶⁹ Хайдеггер, М. Там же. С. 188.

¹⁷⁰ Хайдеггер, М. Там же. С. 189.

¹⁷¹ Хайдеггер, М. Там же. С. 191.

состоянии сильного страха человек на все бывает согласен. Страх есть состояние унижающее, а не возвышающее человека»¹⁷².

Таким образом, согласно Н. А. Бердяеву, страх, который является «самым древним аффектом человеческой природы», оказывает парализующее действие на нравственную волю человека: «Страх искажает все нравственные оценки и извращает все нравственные действия. Страх – оппортунистичен. Этика страха определяется не из духовного источника, она имеет своим источником социальную обыденность. Страх парализует свободу совести и засоряет ее чистоту. И нужно освободиться от аффекта страха, чтобы совесть совершала нравственные оценки и акты»¹⁷³. Иными словами, ужас и страх противостоят, прежде всего, по степени нравственного воздействия на человека.

Из современных авторов о *негативном действии страха* на человека в схожем с Н. А. Бердяевым духе ярко пишет А. Демичев: «Страхи воздействуют и на материальную, и на духовную сторону жизни. Страх мешает человеку удовлетворять свои основные жизненные потребности – обеспечивать себя пищей, кровом, одеждой. Страх разрушает в человеке такие качества, как инициатива, энтузиазм, честолюбие. Он подрывает уверенность в себе и душит воображение. Страх делает человека жадным, беспечным, брюзгливым, подлым, жестоким и раздражительным в отношении с другими людьми»¹⁷⁴.

Таким образом, грех и страх связаны бытийно. Нравственно негативный характер страха Н. А. Бердяев объясняет религиозными причинами: *страх есть основа греховной жизни*. Можно сказать, что страх – это не столько основа греха, сколько его следствие. Человек испытывает страх, потому что греховен. Страх у христианского мыслителя Н. А. Бердяева является знаком греховности, а значит нравственной порочности. У М. Хайдеггера этого нет; он страх рассматривает скорее психологически, в то время как ужас онтологически.

¹⁷² Бердяев, Н. А. Опыт парадоксальной этики / Н. А. Бердяев. – М. : АСТ; Харьков: Фолио, 2003. С. 255-256.

¹⁷³ Бердяев, Н. А. Там же. С. 259.

¹⁷⁴ Демичев, А. Введение / А. Демичев // Дельмо Ж. Идентификация ужаса. – М. : Алгоритм, 2009. – С. 5.

Для Н. А. Бердяева страх низменен, так как греховен. И страху противостоит духовно и нравственно возвышающий человека ужас. О нем он говорит в самых метафизически приподнятых тонах: «И подлинный ужас можно испытывать только перед тайной бытия или перед темным хаосом, а не перед опасностями обыденной жизни»¹⁷⁵. Здесь ключевое понятие «тайна бытия», вызывающая ужас, который иногда Бердяев называет *священным ужасом*, который обладает несомненно нравственным значением. Об этом он говорит так: «То же, что я называю «ужасом», – бескорыстно, не утилитарно, не эвдемонистично, не означает озабоченности и страха перед будущими страданиями, а чистое переживание бездны, отделяющей наш греховный обыденный мир и нашу низшую природу от высшего, горнего, божественного мира, от бесконечной тайны бытия. Поэтому и тоска и ужас могут иметь чистое нравственное и духовное значение»¹⁷⁶.

Н. А. Бердяев мыслит в одном русле с Кьеркегором, полагавшим, что грех находится в основе страха. При этом нельзя забывать, что Кьеркегор, чья работа переводится как «Понятие страха», говорит об в нашей терминологии об «ужасе» (работа называется «Der Begriff der Angst»). Бердяев строго разводит *греховный страх* и *священный ужас*. Страх – свидетельство падшей, низменной природы человека, в то время как ужас есть свидетельство «высшей, горней, богоподобной природы человека, обличение его призвания к высшей жизни»¹⁷⁷.

У Кьеркегора страх-ужас также как и у Н. А. Бердяева имеет духоносный характер, однако, ход его рассуждений несколько иной. Следующий фрагмент из работы С. Кьеркегора «Понятие страха» прямо указывает на духовный характер страха-ужаса. Философ говорит, что у животного невозможно обнаружить страх, потому что его природа не определена как дух. Человек же, будучи духовным существом, способен на страх-ужас. Более того, именно страх-ужас и делает человека духовным. Он пишет: «Наблюдение за детьми позволяют обозначить этот страх как жадное стремление к приключениям, к ужасному, к загадочному.

¹⁷⁵ Бердяев, Н. А. Опыт парадоксальной этики. 257.

¹⁷⁶ Бердяев, Н. А. Там же. 260.

¹⁷⁷ Бердяев, Н. А. Опыт парадоксальной этики. С. 257.

То, что бывают дети, в которых этот страх не обнаруживается, еще ничего не доказывает: ведь у животного его тоже нет, и чем меньше духа, тем меньше страха. Такой страх столь сущностно свойственен ребенку, что тот вовсе не хочет его лишиться; даже если он и страшит ребенка, он тут же опутывает его своим сладким устрашением. И во всех народах, где детскость сохранилась как грезы духа, этот страх есть; и чем он глубже, тем глубже сам народ. Только прозаическая пошлость может полагать, будто тут содержится какое-то искажение»¹⁷⁸.

Эта парадоксальная формула Кьеркегора: «чем меньше духа, тем меньше страха» полностью противоречит установкам здравого (обыденного или героического сознания), которое как раз считает страх проявлением малодушия, слабости. У Кьеркегора наоборот: страх является показателем духовности, в то время как именно бездуховные люди не способны испытывать страх. В своей книге о датском философе Л. Шестов разъясняет его понимание страха: «Киргегард настаивает, что страх первого человека нужно отличать от боязни, опасностей и других подобных душевных состояний, всегда вызываемых какими-нибудь определенными причинами»¹⁷⁹.

Апофеозом апологии страха (ужаса) у Кьеркегора можно считать сравнение *страха с головокружением*. Он пишет: «страх – это головокружение свободы, которое возникает, когда дух стремится полагать синтез, а свобода заглядывает вниз, в свою собственную возможность, хватаясь за конечное, чтобы удержаться на краю»¹⁸⁰.

Комментируя эти слова Кьеркегора Отто Ф. Больнов говорит, что только через страх (то есть ужас) открывается подлинное существование. «Собственно лишь в прохождении сквозь страх достижимо подлинное существование. ... Страх подобен огню, поглощающему собой е несущественное, все конечное перед ним вянет, в прохождении сквозь этот болезненный процесс уничтожаются все крепы, оболочки и гарантии, и человек оказывается целиком отдан

¹⁷⁸ Кьеркегор, С. Понятие страха // Страх и трепет. М., 1993. С. 144.

¹⁷⁹ Шестов Л. Киргегард и экзистенциальная философия (Глас вопиющего в пустыне). М., 1992. С. 85

¹⁸⁰ Кьеркегор С. Понятие страха / С. Кьеркегор // Страх и трепет. – М. : Республика, 1993. С. 160.

незащищенности, лишь только в которой и обретается экзистенциальное существование»¹⁸¹.

Примечательна также характеристика Кьеркегора, данная П. Тиллихом, назвавшим датского философа одной из «пророческих душ XIX в.», которые сформировали ситуацию XX столетия. Американский теолог пишет, что «им всем была свойственна смесь духовного ужаса, пророческого гнева, меланхолической покорности, этической страсти, интеллектуальной агрессивности»¹⁸².

Выражение «духовный ужас» очень точно передает истинный смысл экзистенциальных исканий, главной целью которых является неустанное продвижение к подлинному бытию. Вообще, экзистенциальная категория «подлинного существования» имеет, по сути, этический характер. И то, что она достигается посредством ужаса, свидетельствует в пользу его нравственного характера. Это становится еще более понятным из следующих слов Больнова: «становится понятным, насколько неверен упрек, полагающий, что страх можно было бы отвергнуть, расценивая как слабость. Слабость выражается скорее в том, что человек бежит от страха, поворачивается назад в шумную суету повседневной жизни, пытаясь заглушить этот предостерегающий голос различного рода рассеянием. Напротив, для того чтобы выдержать страх, всегда уже требуется неслыханное напряжение, поэтому страх представляет собой нечто совершенно иное, нежели простую боязнь. ...

Отсюда выдерживание страха становится тем требующимся от человека высочайшим достижением, в котором единственно реализуется подлинность его существования»¹⁸³.

Это соотносится с тем, как понимал ужас Шестов, считая его своеобразным духовным катализатором на пути к истинному бытию: «Только ужас, который испытывает человек, когда он чувствует, что почва исчезла под его ногами, что он

¹⁸¹ Больнов, О. Ф. Философия экзистенциализма. С. 94.

¹⁸² Тиллих П. Кьеркегор как экзистенциальный мыслитель / П. Тиллих // Избранное : Теология культуры. М. : Юрист, 1995. С. 457.

¹⁸³ Больнов, О. Ф. Философия экзистенциализма. С. 96.

проваливается в бездонную глубину, может привести его к «безумному» решению отвергнуть «закон» и пойти наперекор всеми признанным истинам»¹⁸⁴.

Рассмотрим современные воззрения на природу ужаса. В книге «Ужас реального» имеет место рассмотрение ужаса в онтологическом ключе; здесь даны сущностные описания ужаса в его отличие от страха. Книга выполнена в диалогическом жанре философской беседы, в которой несколько участников попеременно, дискутируя друг с другом, обсуждают заданную тему. Коснемся основных идей этой книги, имеющих непосредственное отношение к теме нашего исследования.

Говоря о сложности разговора об ужасе, Д. Орлов отмечает, что ужас реального обозначает «самое крайнее в ряду возможностей нашего экзистенциального опыта, и даже не столько крайнее, сколько заокраинное»¹⁸⁵. Это своего рода предельный опыт, раскрывающий особое положение человека, которое характеризуется негарантированностью существования: «Сумерки бытия сгущаются пепельными тенями на кромках строго выстроенной предметности, безвидные и безымянные призраки приближаются вплотную и незримо проходят сквозь нас. Вот здесь, в точке наивысшей неопределенности, негарантированности и неподтвержденности человеческого существования, впервые обретается известная ясность, просветляется мировая ночь. Реальный до ужаса смысл нашего бытия не в мире, а где-то между мирами, не в очерченном бытии, а в смещении и становлении, не в обустройстве домашнего, а в беспочвенном странничестве»¹⁸⁶.

Автор делает интересное наблюдение над *эволюцией ужаса*: «До тех пор, пока человек испытывал великое изумление и трепет перед непостижимой тайной сотворенного мира и пока умел видеть в созданном им то, чего никогда не сможет понять до конца, он знал не понаслышке, что такое ужас. Однако со временем святые имена пришли в забвение, фундаментальные различия стерлись, и первоначальное отношение к миру, в котором бесконечное удивление

¹⁸⁴ Шестов Л. На весах Иова. М., 2001. С. 260.

¹⁸⁵ Ужас реального. СПб., 2003. С. 93.

¹⁸⁶ Там же. СПб., 2003. С. 98.

смешивалось с безмерным ужасом, утратило напряжение и растворилось в смутных переживаниях души, с которыми поначалу не имело совсем ничего общего»¹⁸⁷.

Ужас, таким образом, связан с удивлением, а удивление, как хорошо известно, есть начало философии. Этот ужас отличен от страха: «ужасно вовсе не то, от чего теряют рассудок, бегут сломя голову или лишаются чувств. Это принято называть, скорее, «животным страхом». Ужасно также и не то, что обусловлено наличной опасностью и что Фрейд обозначал понятием *Realangst*»¹⁸⁸.

А. Секацкий акцентирует внимание на «мотиве бесприютности». Он полагает, что «ужас конституирует саму реальность, по крайней мере, реальность человеческого типа, *Dasein*, аутентичность бытия от первого лица. Беспредпосылочный ужас обнаруживается в той же самой точке, где обретается достоверность Я: нет его, нет и меня»¹⁸⁹. Ужас, тем самым, непосредственно соотносится с реальностью, как бы легитимизуя мыслящее Я, давая ему возможность стать собой. И в этом его фундаментальное отличие от *испуга*, который такой функции не выполняет.

Ссылаясь на Декарта и Гегеля, А. Секацкий говорит: «если сознание не испытало настоящего ужаса, полноты неудержимого трепета, а испытало только легкий испуг, который не проник до самых глубин, то о разумной самости говорить еще нет никаких оснований»¹⁹⁰. И далее следует онтологическое утверждение ужаса: «Неизменное приведение нас в чувства через ощущение ужаса действительно является основополагающим актом реальности»¹⁹¹. Сам же ужас как таковой – это «ужас неизменности», ужас того, что невозможно «поименовать неизменное».

Отличную от предыдущих участников точку зрения высказывает Н. Иванов, полагая, что ужас «онтологически ущербен» и «трансцендентно невменяем, туп»: «Онтологически ужас вообще ущербен. Во-первых, это некий

¹⁸⁷ Там же. С. 117.

¹⁸⁸ Там же. С. 117.

¹⁸⁹ Ужас реального. С. 99.

¹⁹⁰ Там же. С. 99.

¹⁹¹ Там же. С. 100.

отклик, а не зов, то есть нечто заведомо производное, вторичное. А во-вторых, и отклик-то на зов, субстанциально ничем не подтвержденный. Что бы мы ни рассматривали в качестве мотива, источника, причины ужаса, охватывающего человеческую душу, в любом случае это будет нечто, с изъятием чего из состава сущего ничего не случится с самим миром. Космологические архетипы ужасающей реальности — образы *разверзающихся* неба и земли: разверзаясь, они сводят сущее на нет. Но именно поэтому, сами сведенные на нет, они ничем сущему не угрожают»¹⁹².

Онтологическая ущербность ужаса, а также его «исконная вторичность» и «имманентная паразитарность» связана с его «эпистемологической ущербностью», проявляющаяся в том, что невозможно приписать качество ужасного высшей ценности познания, то есть самой истине. Истина может быть чем угодно, но только не тем, что приведет познавшего ее субъекта к ужасу, потому как он вовсе не имеет права ни на что душевно определенное. Вот почему предмет ужаса «трансцендентально невменяем, туп». Автор высказывает интересную мысль, что ужаса человек не испытывает не только в раю, но и в аду, что все онтологически ужасное – во сне.

Н. Иванов выделяет *три модуса ужаса: эмпирический, трансцендентальный и экзистенциальный*. Автор делает вывод: «у ужаса нет онтологического обеспечения, не существует субстанциального ужаса, сущего в-себе-и-для-себя. Именно поэтому классическая философия, с ее страстью к предельным основаниям, так редко смотрела в эту сторону»¹⁹³. Вот почему, он заключает далее: «апелляция к ужасу никогда не будет апелляцией к субстанции, к более или менее предельному основанию. За ним всегда будет зиять бездна, которую может осветить только человеческий разум»¹⁹⁴.

Мы полагаем, что это очень важное объяснение того, почему в философии так мало рефлексии над ужасом. Все дело в *безосновности ужаса*, в его неспособности стать предельным основанием.

¹⁹² Там же. С. 103-104.

¹⁹³ Ужас реального. С. 106.

¹⁹⁴ Там же. С. 111.

А. Погребняк далее говорит: «Психологически ужас – это ситуация, в которой все хотят взяться за руки, но онтологически никто никого за руку не берет, потому что оказывается один»¹⁹⁵. Он задает вопрос: «Почему у ужаса нет сущности?» И отвечает: «Потому что в нем нельзя отделить существенное от несущественного. Если ужас – это на самом деле ужас, то в нем существенно все»¹⁹⁶. В конечном счете, «ужас – это то, что конституирует повседневность».

Здесь проявляется, пожалуй, самая фундаментальная черта ужаса. А. Погребняк задает такой вопрос: «В чем ужас ужаса?» Он полагает, что ужас в безвыходности: «Ужас – это переход в иной мир, обнаруживающий, что никакого иного мира нет. Можно отлично жить в дантовом аду, причем жить спокойно, да еще и никогда не умереть. Конечно, там нет места ужасу. Между тем, ужас заключается в самой реальности, в ее навязчивом повторении и вечном возвращении, связанном с тем, что единожды колесо было запущено и с тех пор никак не может остановиться. ... Ужас ничего не изменяет в мире, он просто показывает, что данный порядок вещей бесконечен и всегда один и тот же»¹⁹⁷.

Следующий участник беседы М. Михайлова делает акцент на том, что нужно различать *страшное* и *ужасное*. Она пишет: «Это совершенно разные вещи. Страх содержит невротический момент, он может быть включен в ткань символической реальности и постоянно преследовать человека. С религиозной точки зрения страх – это один из компонентов падшего существования. Он обладает определенной цикличностью, то есть человек остается в пределах самого себя, испытывая страх или страхи. Они могут меняться или оставаться одними и теми же, но в любом случае здесь имеет место пребывание в определенном круге. Тогда как **ужас обладает свойством исторжения человека в иные порядки бытия** (выделено – А.Г.). Ужас таков, что в тот момент, когда он переживается, человек перестает присутствовать в символических порядках реальности. Он вдруг обнаруживает себя в диком одиночестве, в котором совершенно не на кого

---

¹⁹⁵ Там же. С. 118.

¹⁹⁶ Ужас реального. С. 118.

¹⁹⁷ Там же. С. 132.

опереться. При этом он вынужден как-то воспринимать себя в этой ситуации – в ситуации полного несовпадения с привычными сетками значений»¹⁹⁸.

Интересное размышление об ужасе у Т. Горичевой. Она ссылается на о. Павла Флоренского, у которого ужас и семантически, и онтологически связан с усией, сущностью. «Усия в «Столпе и утверждении истины» понимается как страх Божий. И при этом как самое непосредственное. А мы усию гипостазируем, делаем личностной. И таким образом приводим в нашу жизнь и ужас, который преследует нас всегда, в каждый момент жизни»¹⁹⁹.

Таким образом, выявляется достаточно четкая оппозиция страх/ужас, которая свойственна не только экзистенциальной философии, но также и русской религиозной (главным образом в лице Н. А. Бердяева) и современной мысли.

Итак, рассмотрев различные философские построения относительно ужаса, можно сделать некоторые выводы относительно нравственного характера этого феномена:

- феномен ужаса имеет двойственный характер – онтологический и этический; первый в большей мере присущ западной философской традиции (М. Хайдеггер), второй русской философии (Н. А. Бердяев, Л. Н. Толстой);

- на этическом уровне имеет сущностное значение бинарная оппозиция страх/ужас; если первый трактуется как проявление низменной (греховной) природы человека, то второй имеет однозначно положительный характер («духовный ужас» в терминологии П. Тиллиха), связанный с духовно-нравственным восхождением человека;

- экзистенциальный страх (ужас) имеет немотивированный и беспричинный характер, обусловленный его связанностью с Ничто, что исключает возможность его рационального постижения (в том числе психологического контроля и регуляции). Однако, это открывает возможность его нравственного переживания, что приводит к подлинному бытию (экзистенциализм) или к тайне бытия (русская философия);

---

¹⁹⁸ Там же. С. 122.

¹⁹⁹ Ужас реального. С. 111.

- философская лексика русского языка обладает достаточным семантическим богатством, позволяющим раскрывать не только психологические, но этические параметры ужаса. Это способствует более глубокому антропологическому постижению человека.

- игнорирование ужаса, стремление от него избавиться лишает человека собственной бытийной возможности на обретение свободы и смысла, а значит этически осмысленной и нравственно достойной жизни.

2. 2. Амбивалентный характер ужаса

Амбивалентный характер ужаса заключается в том, что, с одной стороны, ужас связан со смертью, то есть небытием (*ужас смерти*); а с другой, ужас – это ужас бытия, перед тем, что есть (*ужас реального*). Рассмотрим подробнее эту антиномию.

Ужас, прежде всего, связан со смертью. И в обыденном, и в философском сознании понятия «ужас» и «смерть» сопряжены на самом глубоком уровне. Хорошо известны слова В. В. Розанова: «Смерти я боюсь, смерти я не хочу, смерти я ужасаюсь»²⁰⁰. А Лев Шестов конкретизирует, в чем заключен ужас смерти: «Даже внешний вид смерти ужасен. ... вопреки Платону, смерть есть самое неестественное, таинственное и загадочное из всего, что вокруг нас происходит. И обставлена она такими ужасами и страхами не случайно, а, пожалуй, именно затем, чтобы подчеркнуть ее загадку. Стало быть, вовсе нет и надобности прикрашивать смерть, делать ее менее страшной и проблематической. Ужасы смерти не случайны, а внутренне связаны с самым ее существом, и связаны узами нерасторжимыми»²⁰¹.

Во многом ужас – это ужас смерти, ужас ничто. Смерть ужасна, а ужас смертелен – так можно выразить глубокую взаимосвязь этих понятий и состояний. Французский философ Владимир Янкелевич отмечает парадоксальные свойства смерти: «Почему же чья-то смерть всегда приводит нас в такое

²⁰⁰Розанов В.В. Опавшие листья. М., 1990. С. 276.

²⁰¹Шестов Л.. На весах Иова. М., 2001. С. 276.

смущение? Почему это вполне нормальное событие пробуждает в очевидцах такую смесь любопытства и ужаса?»²⁰².

Действительно, смерть вызывает самые противоречивые реакции и чувства, но ужас присутствует неизменно, это вечный спутник смерти. А. П. Попогребский полагает, что «первичный ужас» возникает при столкновении не просто со смертью, а с абсолютностью небытия: «Разум сталкивается с непробиваемой стеной мрака, за которой сами понятия нашего восприятия, осознания и воображения не имеет смысла. В этом мраке разлит **первичный ужас** (выделено – А.Г.). Идея полного своего отсутствия в мире ужасна для человека. ... Не смерть как таковая и не ее неумолимая необходимость являются источником первичного ужаса, а именно абсолютность небытия, следующего за смертью»²⁰³.

В этом смысле можно сказать, что *ужас смерти* – это глубокая антропологическая константа, которую нельзя устранить, не затронув человеческой природы как таковой, ее этических, антропологических, духовных и психологических оснований. Как это ни парадоксально, но ужас выступает в роли «нравственного гаранта» правильного восприятия смерти.

Существующее выражение «ужас смерти» точно отражает фундаментальную тождественность этих понятий и состояний. М. Хайдеггер в «Бытии и времени» прямо говорит: «Люди не дают хода мужеству перед ужасом смерти»²⁰⁴. Психологические это объяснимо вполне рационально: ужас является одной из наиболее сильных эмоциональных реакций на факт уничтожения человека. Однако, философский анализ этих понятий дает более сущностное понимание не только психологической, но и нравственной природы человека.

Ужас может быть вызван множеством различных причин. Однако предельный ужас, «чистый ужас», ужас как таковой вызывается чаще всего смертью. Смерть ужасна, причем любая смерть, а не какая-то особенная «ужасная смерть». Смерть, как правило, ассоциируется с пустотой, темнотой и полным

²⁰² Янкелевич В. Смерть. М., 1999. С. 11-12.

²⁰³ Попогребский А.П. Смысл жизни и отношение к смерти // Психология с человеческим лицом: гуманистическая перспектива в постсоветской психологии. М., 1997. С. 177, 178.

²⁰⁴ Хайдеггер М. Бытие и время. М.: Академический Проект, 2011. С. 254.

неведением. Ж. Батай пишет о скольжении «над бездной в совершенной темноте», в которой испытывается «весь ее ужас»²⁰⁵. Это и есть состояние смерти, которое непременно натывается на ужас как наиболее точное выражение для этого состояния. Батай продолжает: «Мое «я», умирающее ... отвратительной смертью, внимает разуму не более, чем какая-нибудь собака, по доброй воле замыкается в ужасе»²⁰⁶.

Экзистенциальная аналитика ужаса в его сцепке со смертью более всего представлена в работах М. Хайдеггера. «Бытие к смерти есть сущностно ужас»²⁰⁷, снова читаем в «Бытии и времени». Таково своеобразное феноменологическое кредо философа, *связывающее ужас и смерть*. Что же такое ужас по его мысли? Это то, в чем «присутствие расположено *перед* ничто». Здесь появляется важное понятие «Ничто», которое, конечно является самым ближайшим синонимом смерти, но в тоже время имеет свою бытийную основу в конечности человека. Смерть мгновенна, она раскрывает «путь в Ничто», в «состояние Ничто». Само же Ничто имеет длительный характер, оно сопровождает человеческое бытие как бытие конечное до самой смерти. В этом смысле есть некоторое различие между смертью и Ничто.

В лекции «Что такое метафизика?» М. Хайдеггер дает развернутую аналитику Ничто и ужаса как способа раскрытия Ничто. Он говорит: «Ужасом приоткрывается Ничто»²⁰⁸. И далее: «Сплошная пронизанность нашего бытия ничтожащим поведением – свидетельство постоянной и, разумеется, затененной распахнутости Ничто, в своей исходности раскрываемого только ужасом»²⁰⁹. Проекция на человеческое существование дает такие известные метафоры философа: «человек как заместитель Ничто», «человеческое присутствие означает: выдвинутость в Ничто». Ужас, тем самым, выполняет важную антропологическую функцию: он позволяет человеческому бытию раскрыть свою

²⁰⁵ Батай Ж. Человек перед страхом смерти и пустоты // Делюмо Ж. Идентификация ужаса. М.: Алгоритм, 2009. С. 198.

²⁰⁶ Батай Ж. Там же. С. 210.

²⁰⁷ Хайдеггер М. Бытие и время. С. 266.

²⁰⁸ Хайдеггер М. Что такое метафизика? // Время и бытие: Статьи и выступления. М.: Республика, 1993. С.21.

²⁰⁹ Хайдеггер М. Что такое метафизика. С. 24.

подлинность как конечного существа. В повседневном существовании человек забывает, не думает, игнорирует именно свою конечность, а значит, он пребывает в неподлинном состоянии.

В тоже время, ужас обладает парализующим волю человека действием. И в этом смысле трудно говорить, насколько ужас продуктивен для раскрытия человеческой подлинности. В любом случае важно то, что феноменологическая философия в лице Хайдеггера фундировала понятие ужаса, лишив его всех его психо-эмоциональных характеристик и представив в виде значимого для человеческого бытия экзистенциала. П. П. Гайденко пишет по этому поводу: «...поскольку наиподлиннейшее будущее для вот-бытия – это смерть, то смерть и являет собой онтологический горизонт времени. Отсюда – фундаментальная роль у Хайдеггера экзистенциала ужаса, страха (Angst), источником и подлинной формой которого является ужас смерти»²¹⁰.

Таким образом, Ничто, ужас, человеческое присутствие оказываются бытийно связанными феноменами. Это и есть «антропологический контур» человеческого существования, раскрываемого философией.

Необходимо сказать о том, что С. Кьеркегор один из первых заговорил о связанности Ничто и ужаса (в его терминах «страха»). Этому посвящена работа «Понятие страха», в которой находим такие рассуждения: «Какое же воздействие имеет ничто? Оно порождает страх»; «Что означает умереть, Адам конечно же совсем не понимает, однако если допустить, что это было ему сказано, его непонимание не препятствует тому, что он получает представление об ужасном»; «Страх и Ничто постоянно соответствуют друг другу»²¹¹. Но этот ужас не только психологическая реакция на ничто, но и желание бытийной укорененности субъекта. Как пишет современный исследователь: «Страх ничто открывается человеку в его желании быть»²¹².

²¹⁰ Гайденко П.П. Мартин Хайдеггер: изначальная временность как бытийное основание экзистенции // Вопросы философии. 2006. №3. С. 177.

²¹¹ Кьеркегор С. Понятие страха // Страх и трепет. М.: Республика, 1993. С. 143, 146, 191.

²¹² Шевцов К.П. Экзистенция между воспоминанием и повторением // Исторические, философские, политические и юридические науки, культурология и искусствоведение. Вопросы теории и практики. Тамбов: Грамота, 2015. № 3 (53): в 3-х ч. Ч. II. С. 221.

Итак, для Кьеркегора: «Ничто, являющееся предметом страха, вместе с тем все больше и больше превращается в Нечто». Это Нечто есть первородный грех, который лежит в основании страха. Именно он является причиной безотчетного, немотивированного, беспричинного страха, который в виде заботы или тоски постоянно проявляется в человеческом бытии. Философ дает религиозную трактовку связанности понятий Ничто и страха, позволяющую ему более тонко и глубоко проанализировать предельные экзистенциальные состояния человека, поскольку господствующая в то время рациональная метафизика не позволяла это сделать. Христианская догматика, на почве которой выросло учение Кьеркегора, оказалась наиболее приемлемым и адекватным методом проникновения в духовные глубины человека²¹³.

П. П. Гайденко отмечает, что в «Бытии и времени» М. Хайдеггера совершенно очевидно влияние С. Кьеркегора. Однако, есть существенные отличия, о которых необходимо сказать: «Хайдеггер в своем обращении к страху смерти рассуждает совсем по-другому, чем это делают отцы церкви и христианские богословы: ведь их напоминание человеку о его смертности движимо стремлением вырвать человека из мирской суеты, чтобы направить его взор к Богу – т.е. к бытию вечному и бессмертному. Совсем не то – у Хайдеггера. Ведь Хайдеггер как раз устраняет из метафизики именно божественное и неизменное, а потому для него страх и смерть – это последняя и высшая реальность»²¹⁴.

Обратимся к отечественной философской традиции, в которой также находим глубокую проработку данной проблемы.

В романе «Война и мир» Л. Н. Толстой говорит о связи *ужаса и смерти*: «Когда человек видит умирающее животное, **ужас охватывает его** (выделено – А.Г.): то, что есть он сам – сущность его, в его глазах очевидно уничтожается – перестает быть. Когда умирающее есть человек, и человек любимый, тогда,

²¹³ Для более углубленного исследования данной проблематики см. книгу Л. Шестова «Кьеркегор и экзистенциальная философия» (особенно главы «Страх и Ничто» и «Страх и первородный грех».

²¹⁴ Гайденко П.П. Мартин Хайдеггер: изначальная временность как бытийное основание экзистенции. С. 178.

кроме ужаса (выделено – А.Г.), ощущаемого перед уничтожением жизни, чувствуется разрыв и духовная рана, которая, так же как и рана физическая, иногда убивает, иногда залечивается, но всегда болит и боится внешнего раздражающего прикосновения»²¹⁵.

Здесь писатель выявляет нравственные страдания, которые приносит смерть, особенно смерть близкого человека. Но в любом случае, когда человек сталкивается со смертью (животного или человека) всегда приходит *чувство ужаса*. Ужас в этом смысле – неизменный спутник смерти. В некотором смысле, это даже синонимы. Здесь возникает вопрос, насколько понятие «ужас», употребляемого Л. Толстым, близко к хайдеггеровскому пониманию ужаса?

Возможно, что Толстой как писатель выбирает наиболее эмоционально окрашенную лексему, чтобы передать соответствующие предельные психологические переживания человека. Но при этом, у Толстого появляется сильный *этический акцент*, поскольку он говорит о «духовной ране» и боли, которые приходят «кроме ужаса». У Хайдеггера ужас – некое предельное экзистенциальное состояние, раскрывающее Ничто; у Толстого ужас скорее эмоциональная реакция, после которой наступает реакция этическая. Здесь *психологическое* переходит в *нравственное*, что соответствует этикоцентричным традициям отечественной литературы и философии.

Классическим описанием *ужаса смерти* является рассказ Л. Н. Толстого «Записки сумасшедшего», в котором представлен «арзамасский ужас», ставший во многом каноническим описанием данного феномена. На это произведение стоит обратить особое внимание, поскольку, как пишет Лев Шестов, «Записки сумасшедшего» в некотором смысле могут считаться ключом к творчеству Толстого»²¹⁶.

Примечательным является письмо к С. А. Толстой от 4 сентября 1869 года, в котором говорится о реальности приступа «тоски и страха»: Третьего дня в ночь я ночевал в Арзамасе, и со мной было что-то необыкновенное. Было два часа

²¹⁵ Толстой Л.Н. Война и мир. Собр. соч. в четырнадцати томах. Т. 7. М.: Худ. Лит., 1951. С. 177.

²¹⁶ Шестов Л. На весах Иова. М.; Харьков, 2001. С. 114.

ночи, я устал страшно, хотелось спать и ничего не болело. Но вдруг на меня нашла тоска, страх, ужас такие, каких я никогда не испытывал... Я вскочил, велел закладывать. Пока закладывали, я заснул и проснулся здоровым» (343)²¹⁷.

Важно то, что здесь показан *немотивированный* характер этого состояния (смесь тоски, страха и ужаса), которое будет всестороннее и глубоко описано в рассказе «Записки сумасшедшего». Толстой не случайно назвал так произведение, показав, что подобные состояния для окружающих людей являются психопатологией. Но он сам был здоров, и в письме к жене он об этом прямо говорит. Значит, Толстой раскрыл некое состояние человека (здорового, обычного человека) и как писатель-философ проанализировал его, выдав свои открытия за мысли «сумасшедшего» человека. Коснемся основных идей этого произведения.

В самом начале Толстой показывает, что наука не в силах распознать состояние героя, который сам себя считает сумасшедшим: «Сегодня возили меня свидетельствовать в губернское правление, и мнения разделились. Они спорили и решили, что я не сумасшедший. Но они решили так только потому, что я всеми силами держался во время свидетельствования, чтобы не высказаться. Я не высказался, потому что боюсь сумасшедшего дома; боюсь, что там мне помешают делать мое сумасшедшее дело. Они признали меня подверженным аффектам, и еще что-то такое, но – в здравом уме; они признали, но я-то знаю, что я сумасшедший. Доктор предписал мне лечение, уверяя меня, что если я буду строго следовать его предписаниям, то это пройдет. Все, что беспокоит меня, пройдет» (с. 323).

Вот первый приход этого состояния еще в детстве: «И мне становится больно, и **страшно**, и непонятно, и **ужас, холодный ужас** находит на меня, и я прячусь с головой под одеяло» (с. 324). Постом наступает обычная жизнь взрослого человека, продолжающаяся до тридцати пяти лет, пока внезапно не наступает снова это состояние: «Поездка была для меня очень веселая. Слуга,

---

²¹⁷ Здесь и далее в скобках указаны страницы страниц на издание: Толстой Л.Н. Повести и рассказы. Т. 10. М., 1952. С.

молодой, добродушный человек, был так же весел, как и я. Новые места, новые люди. Мы ехали, веселились. До места нам было двести с чем-то верст. Мы решили ехать не останавливаясь, только переменяя лошадей. Наступила ночь, мы все ехали. Стали дремать. Я задремал, но вдруг проснулся. Мне стало чего-то **страшно**. И как это часто бывает, проснулся испуганный, оживленный, – кажется, никогда не заснешь. «Зачем я еду? Куда я еду?» – пришло мне вдруг в голову. Не то чтобы не нравилась мысль купить дешево имение, но вдруг представилось, что мне не нужно ни за чем в эту даль ехать, что я умру тут в чужом месте. И мне стало **жутко**. ... Я заговорил о здешнем крае, он отвечал, шутил, но мне было скучно. ... Но кроме того, что мне скучно, жутко было, я стал чувствовать усталость, желание остановиться» с. 326).

Приходит мысль о смерти, постепенно разрастаясь и усиливаясь. Примечательно, как Толстой описывает это свое *жуткое (ужасное) состояние*: «Он и ехал не скоро и скучно. ... Ехали, ехали в темноте, **ужасно** мне казалось долго. ... Домик был белый, но **ужасно** мне показался грустный. Так что **жутко** даже стало. ... И звуки его ног наводили на меня тоску. Я вошел, был коридорчик, заспанный человек с пятном на щеке, пятно это мне показалось **ужасным**, показал комнату. Мрачная была комната. Я вошел, еще **жутче** мне стало» (с. 326).

Затем уже дикий приступ, в котором смерть: «Я вышел в коридор, думая уйти от того, что мучило меня. Но оно вышло за мной и омрачало все. Мне так же, еще больше страшно было. «Да что это за глупость, – сказал я себе, – Чего я тоскую, чего боюсь». – «Меня, – неслышно отвечал голос смерти. – Я тут»". Мороз подрал меня по коже. Да, смерти. Она придет, она вот она, а ее не должно быть. Если бы мне предстояла действительно смерть, я не мог испытывать того, что испытывал, тогда бы я боялся. А теперь и не боялся, а видел, чувствовал, что смерть наступает, и вместе с тем чувствовал, что ее не должно быть. Все существо мое чувствовало потребность, право на жизнь и вместе с тем совершающуюся смерть. И это внутреннее раздирание было ужасно. Я попытался стряхнуть этот **ужас**» (с. 327).

Затем следует такое описание ужаса: «Все заслонял **ужас** за свою погибающую жизнь. Надо заснуть. Я лег было. Но только что улегся, вдруг вскочил от **ужаса**. И тоска, и тоска, такая же духовная тоска, какая бывает перед рвотой, только духовная. Жутко, страшно, кажется, что смерти страшно, а вспомнишь, подумаешь о жизни, то умирающей жизни страшно. Как-то жизнь и смерть сливались в одно. Что-то раздирало мою душу на части и не могло разодрать. Еще раз прошел посмотрел на спящих, еще раз попытался заснуть, все тот же **ужас** красный, белый, квадратный» (с. 328).

Крайне экспрессивное, почти что сюрреалистическое описание состояния ужаса. Ужас сопровождает смерть, являясь ее темной тенью: «Но только что мы вошли в коридор с завернутой лампой и меня охватил запах гостиницы, холод **ужаса** пробежал мне по спине. ... Я провел **ужасную** ночь, хуже арзамасской... Всю ночь я страдал невыносимо, опять мучительно разрывалась душа с телом. — «Я живу, жил, я должен жить, и вдруг смерть, уничтожение всего. Зачем же жизнь? Умереть? Убить себя сейчас же? Боюсь. Дождаться смерти, когда придет? Боюсь еще хуже. Жить, стало быть? Зачем? Чтоб умереть». Я не выходил из этого круга. Я брал книгу, читал. На минуту забывался, и опять тот же вопрос и **ужас**. Я ложился в постель, закрывал глаза. Еще хуже. Бог сделал это. Зачем?» (с. 330).

И вот финальный накат ужаса смерти, после которого наступило просветление, преобразование, которое автор назвал сумасшествием: «Я испугался, остановился, и на меня нашел весь арзамасский и московский **ужас**, но в сто раз больше. Сердце колотилось, руки, ноги дрожали. Смерть здесь? Не хочу. Зачем смерть? Что смерть? Я хотел по-прежнему допрашивать, упрекать бога, но тут я вдруг почувствовал, что я не смею, не должен, что считаться с ним нельзя, что он сказал, что нужно, что я один виноват. И я стал молить его прощенья и сам себе стал гадок. **Ужас** продолжался недолго» (с. 332).

Толстой с потрясающей достоверностью и правдивостью описывает все душевные терзания своего героя, столкнувшегося с ужасом, который есть, как кажется писателю, ужас смерти. Это обостренное чувство Толстого является его

главной особенностью. В. Н. Ильи, анализируя личность и творчество писателя, говорит о «натуралистическом ужасе Толстого перед смертью», который проходит «лейтмотивом через все его творчество и через всю его жизнь»²¹⁸. Это «панический ужас смерти», повлиявший и на его пессимизм, и на опрошенческую и антикультурную установку, является очень важным для понимания фундаментальной связи ужаса и смерти.

М. Арцыбашев сопоставляет *смерть и ужас* в одном контексте размышления и переживания. Вот состояние умирающего, осознающего свою смерть. Оно характеризуется нарастанием ужаса, передаваемого выразительными средствами: «Ощущение близости круглой, черной дыры появлялось в нем только по вечерам, когда он оставался один. Если он тушил лампу, ему казалось, что в темноте что-то бесформенное и безликое немедленно встает над ним и неумолчно шепчет: шш... шш... шш... – и на этот беззвучный, непрерывный шепот мрака в нем самом что-то отвечает шепотом, тоскливым и страшным. И тогда он чувствовал, будто все больше и больше сливается с этим шепотом, пустотой и мраком и собственное тело колеблется в этом хаосе шепота, пустоты и мрака, как тоненькая, жалкая лучинка, каждое мгновение готовая раствориться, исчезнуть без следа. ...

Но все-таки и тогда шепот слышался из тех углов, куда не проникал свет лампы: там сгущалась темнота и чудилась все та же всасывающая, как бездонная тряпина, пустота. Семенов боялся смотреть в темноту и думать о ней. Стоило ему только вспомнить о тьме и пустоте, как они выступали из всех углов, наполняли комнату, обступали Семенова, гасили лампу, заглушали заботы и закрывали от него мир непроницаемой пеленой жуткого холодного тумана. Это было невыразимо **ужасно** и мучительно» (с. 93).

А вот ощущения человека, наблюдающего со стороны: «Смерть Семенова произвела на Юрия смутное и тягостное впечатление, разобраться в котором казалось и необходимым, и невозможным.

«Что ж, все это очень просто, – пытался Юрий провести в мозгу прямую и короткую линию – человека не было раньше, чем он родился, и это не кажется

---

²¹⁸Ильин В.Н. Миросозерцание графа Льва Николаевича Толстого. СПб., 2000. С. 63.

ужасным и непонятным... человека не будет, когда он умрет, и это так же просто и понятно... Смерть, как полная остановка машины, вырабатывавшей жизненную силу, вполне понятна, и в ней нет **ужаса**...» (с.96).

Так утешает себя герой, пытаясь рациональными аргументами снять ужас, непременно сопутствующий смерти. Какие бы он аргументы не приводил, всегда: «...тень огромного **страха перед Неведомым**, страха, о существовании которого в своей душе Юрий забыл и не хотел думать, легла на остановившуюся мысль. Эту тайную боязнь Юрий почувствовал и оскорбился ею» (с. 179).

Интересно, как японский исследователь К. Накамура трактует связанность смерти с «чистым ужасом» у Ф. М. Достоевского. Он пишет: «Для Достоевского смерть была не тем, чем она является в эссе моралиста, – если можно так выразиться, неподвижным объектом натюрморта; и не спутником, тихо и постепенно истончающим пламя человеческой жизни, но террористом, что без предупреждения нападает на вас, среди светлой жизни и сталкивает в черный, страшный овраг... Для Достоевского смерть – осязательно-непосредственное ощущение, не оставляющее места рефлексии, и его героям смерть является прежде всего в виде чистого ужаса»²¹⁹. «Чистый ужас» здесь не аксиологически нейтральная категория, но состояние, имеющее явную этическую импликацию, поскольку смерть внезапно («террористом») прерывает «светлую жизнь» и лишает человека всяческой рефлексии. Явно, что смерть здесь предстает как зло, причем как высшее зло, рождающее такое переживание как «чистый ужас».

На связь *ужаса и смерти* указывает русский философ Ф. Шперк. Он подчеркивает рефлексивный момент смерти, который в своей финальной фазе заканчивается ужасом. Он пишет: «смерть есть ничтожество *в своей рефлексии*, и в этом последнем, в этой рефлексии весь ужас такого ничтожества, весь ужас смерти»²²⁰. Рефлексивное ничтожество смерти – это невозможность промыслить смерть до конца, что также порождает ужас.

²¹⁹ Накамура К. Чувство жизни и смерти у Достоевского. СПб.: Дмитрий Буланин, 1997. С. 98, 99.

²²⁰ Шперк Ф. О страхе смерти и принципе жизни. С.-Петербург, 1895. С. 12.

Другой русский философ В. Эрн *ужас смерти* вводит в контекст ее бессмысленности. Рассуждая о социалистической утопии, философ указывает на ее самое уязвимое место; оно связано как раз с неустранимостью смерти. «Смерть по-прежнему останется в силе. И на фоне достигнутых результатов, на фоне довольства и отсутствия беспокойства за завтрашний день, только ярче, только безжалостнее подчеркивается вся бессмысленность, вся нелепость, вся ненужность и весь **ужас смерти**»²²¹. «Нелепость» и «ненужность» смерти венчается ужасом, который бесконечно усиливает эту ненужность и нелепость.

Из этих высказываний видно, что, во-первых смерть вызывает крайний, предельный ужас в человеке; во-вторых, этот ужас воспринимается крайне отрицательно, прежде всего, с этической перспективы. Можно заметить, что русским философам свойственно общее стремление к *преодолению смерти и ужаса* как ее главного сопутствующего фактора. Это заметно уже в творчестве А. С. Пушкина, интересную трактовку которого дает О. Г. Постнов. Исследователь выделяет «три ярких образа смерти» в творчестве поэта, которые он обозначает так: *аполлонический* (смерть поэта), *героический* (смерть воина) и *эротический* (смерть мудреца). «Все три типа, – отмечает исследователь, – имеют тенденцию к преодолению тем или иным образом **ужаса смерти** (выделено – А.Г.), и это сближает их между собой»²²².

Характеризуя учения Н. Ф. Федорова, В. В. Варава пишет: «Если это традиция отечественной философии, то это, при сохранении исконного благоговения перед невыразимым и непостижимым откровением бытия, то есть явленности в мир всего, что в нем есть, это еще и нравственная боль от осознания зла и неправды, которое также присутствует в мире на бытийном уровне. Поэтому здесь важна интуиция «больного бытия», составляющая нравственный стержень отечественной философии и духовной культуры в целом»²²³. Эта интуиция

²²¹ Эрн В. Социализм и проблема свободы // Новая жизнь. 1907. №2. С. 78.

²²² Постнов О.Г. Смерть в России X-XX вв.: историко-этнографический и социокультурный аспекты. Новосибирск: Изд-во СО РАН, 2001. С. 93.

²²³ Варава В.В. Неведомый Бог философии. М.: Летний сад, 2013. С. 172.

вызывает не столько к беспристрастному анализу этого состояния бытия, сколько к его преодолению.

Современный философ Г. Л. Тульчинский отмечает: «Ужас смерти универсален и для эгоиста, думающего только о себе, и для альтруиста, думающего о других. С мыслью о смерти – своей и других не могут примириться ни тот, ни другой»²²⁴. Невозможность примирения с ужасом смерти придает этому явлению не просто универсальный характер, но этически универсальный, поскольку в орбиту непримирения попадают «другие». А этика во многом и определяется отношением к другому как «субъекту нравственной рефлексии».

Г. Л. Тульчинский пишет о необходимости преодоления ужаса через осмысление бытийной ситуации человека и через попрание смерти как главного «активатора» ужаса: «Ужас и смерть – не формы, а сама ткань бытия. И дело человеческое – формовать из этой ткани его – бытия – осмысленное. Смертью смерть поправ»²²⁵.

Интересно и важно отметить, что «ужас смерти» не тождественен «страху смерти». Связанность страха и смерти не подвергается сомнению: «С категорией смерти в сознании человека неразрывно связана категория страха»²²⁶; «Всякий страх – это страх смерти»²²⁷. То же самое можно сказать и о связанности ужаса и смерти: «Самый настоящий ужас, который нас преследует всю жизнь, – говорит М. Михайлова – это ужас смерти. Все остальное — из области страхов, более или менее сильных»²²⁸. Причины для непреходящего ужаса смерти коренятся в антропологических особенностях человека: «Процесс мышления, осуществляющийся в нашей голове, быть вынесенным вовне не может, а потому угроза разрушения тела и вызывает в нас такой ужас»²²⁹.

²²⁴ Тульчинский Г.Л. Жуть и путь, или Опыт обыденного философствования // Фигуры Танатоса: Искусство умирания. Сб. статей. СПб.: Издательство СПбГУ, 1998. С. 155.

²²⁵ Тульчинский Г.Л. Там же. С. 160.

²²⁶ Смагин М.А. Ядерная смерть: философия стратегии уходящего века // Фигуры Танатоса: Искусство умирания. СПб., 1998. С. 199.

²²⁷ Дугин А. О страхах // <http://zonakz.net/articles/?artid=2079>

²²⁸ Ужас реального. С. 123.

²²⁹ Кузнецова В.В., Щелоков О.Л. Причины страха смерти и асимметрия времени // Фигуры Танатоса. Философский альманах. Пятый специальный выпуск. СПб., 1995.

Как было показано в прошлой главе эти понятия различаются в религиозном и психологическом контекстах. Теперь нужно сказать и о философском различии *страха смерти* и *ужаса смерти*. При всей безусловной и бесконечной схожести понятий «страх смерти» и «ужас смерти» они все же различаются. Можно, конечно, сказать, что ужас смерти – это предел и кульминация страха. А. Демичев говорит: «В мутной глубине страха – смерть, ничто»²³⁰. Но на самом дне страха все же ужас, далее которого уже идти нельзя. Однако, они имеют разную природу, в которой проявляется *онтологическая связанность ужаса и смерти* и *психологическая страха и смерти*.

Важно подчеркнуть всеобщность страха смерти, его непрекращающийся характер: «...страх смерти пронизывает все наше существование независимо от того, осознаем мы это или нет. ...трудно представить себе страх более всеобщий и изначальный, чем страх смерти»²³¹. Ужас смерти тоже универсален, однако его отличие от страха смерти в том, что последний стабильно присутствует в человеческой психике, являясь нормальным показателем ее правильного функционирования, в то время как ужас появляется не всегда, и его появление непредсказуемо. Не обязательно прямое столкновение со смертью вызовет ужас, оно обязательно вызовет страх, но ужаса может и не быть. И наоборот, ужас может прийти и вне непосредственного соприкосновения со смертью.

Выражение «страх смерти» имеет скорее этически отрицательный характер, в то время как выражение «ужас смерти» подчеркивает ее метафизический характер. Человек, испытывающий ужас смерти не проявляет никаких этически отрицательных свойств; он не труслив, не малодушен, он впал, по Хайдеггеру, в «оцепенелый покой». Это не значит, что он не стремится не просто избавиться от этого состояния как неприятного, но нравственно преодолеть его как недолжного.

К. Ясперс говорит об «экзистенциальном страхе» («ужас перед небытием»), который гарантирует подлинность и достоверность существования. Он пишет:

²³⁰ Демичев А. Введение // Делюмо Ж. Идентификация ужаса. М.: Алгоритм, 2009. С.6.

²³¹ Попогребский А.П. Смысл жизни и отношение к смерти // Психология с человеческим лицом: гуманистическая перспектива в постсоветской психологии. М., 1997. С. 177, 183.

«Жажда жизни релятивирует экзистенциальный страх, уничтожает экзистенцию и порождает растерянный страх смерти»²³².

Это очень важное разделение «*экзистенциальный страх*» и «*растерянный страх смерти*». Именно последний лишает жизнь возможности обрести подлинность, поскольку заставляет бояться смерти. Ясперс пишет: «Перед лицом смерти жизнь становится глубже, экзистенция получает большую достоверность самой себя; но жизни по-прежнему грозит опасность пугливо потерять самое себя в той пустоте, в которой помрачатся экзистенция»²³³.

Обыкновенно такой «растерянный страх смерти» в большей мере трактуется *негативно*. Это свидетельство капитуляции разума мыслить смерть рационально, и вообще парализация духовной и нравственной воли человека. Современный исследователь В. Ш. Сабиров отмечает: «Страх смерти – одно из самых мучительных душевно-духовных страданий личности. В нем сконцентрирован трагический пафос жизни человека как разумного существа»²³⁴. Но в этом заложена и возможность его преодоления, поскольку страх смерти есть предельное испытание духовной стойкости и достоинства человека.

На этой противоречивости страха смерти стоит остановиться.

Религиозно-философский анализ феномена страха смерти помогает раскрыть иную сторону этого феномена. Очень глубоко позитивное значение страха смерти показал о. Георгий Флоровский. В статье «О смерти крестной» есть такие слова: «В страхе смерти, пусть часто малодушном и темном, сказывается некий глубокий метафизический трепет – не только греховная привязанность к плоти мира. ...В страхе смерти сказывается пафос человеческой цельности»²³⁵. Здесь мы видим глубокое прозрение в метафизическую сущность страха смерти, которая способна сообщить человеку важные этические смыслы.

Современный автор говорит о позитивном значении страха смерти для религиозного осмысления мира. «Импульсом к серьезному религиозному поиску,

²³² Ясперс К. Философия. Книга вторая. Просветление экзистенции. М., 2012. С. 229.

²³³ Ясперс К. Там же, с. 230.

²³⁴ Сабиров В.Ш. Критический анализ философско-этических оснований современной танатологии // Философские науки. 1995. №3. С. 102.

²³⁵ Прот. Георгий Флоровский. Догмат и история. М., 1998. С. 194.

принятию той или иной веры и последующему духовному совершенствованию очень часто является страх смерти. Его преодоление – важнейшая черта религиозной практики»²³⁶. В религиозной практике открывается совершенно другой модус преодоления страха смерти, не связанного с гедонистическими целями. Преодоление страха смерти в религиозной традиции трактуется как духовное преображение личности: «Страх Смерти, а посему и сама Смерть, свойственны человеку тварному, природному и греховному. Для человека, любящего Бога, чувство страха перед тем, что находится в мире дольном, пусть и господствуя над ним, неведомо»²³⁷.

Представляют интерес мысли епископа Варнавы (Беляева). Богослов полагает, что «...через страх человек достигает любви, а не иначе». В подтверждении своих взглядов епископ обращается к обширному корпусу святоотеческих текстов. В числе его авторов – св. Иоанн Златоуст, преп. Исаак Сирийский, преп. Ефрем Сирийский, преп. Иоанн Лествичник, авва Дорофей, авва Херемон, преп. Симеон Новый Богослов, св. Тихон Задонский, преп. Серафим Саровский. В результате складывается достаточно впечатляющая картина религиозного понимания страха. Особенно показательны в этом контексте отношения богослова к материалистическому восприятию страха. Он пишет не без иронии: «Смешные эти культурные люди, будь то ученый профессор, психолог, или психиатр, или нахватавшийся полтора десятка иностранных слов полуграмотный парень из деревни, не знающий их истории, смысла и происхождения. Проповедуют строго материалистическую логику, требуют всегда наличия закона причинности и в то же время допускают какой-то «безотчетный» страх. Не признают существования духовного мира и бесов, учат, что все управляется только механическими законами природы, и в то же время в *пустой* темной комнате им делается иногда страшно, при встрече с монахом или со священником у них портится настроение

²³⁶ Солдатов А. Преодоление страха смерти в разных религиозных традициях // Отечественные записки. 2013. № 5(56). С. 46.

²³⁷ Варнава (Беляев), епископ. Основы искусства святости. Опыт изложения православной аскетики. В 4-х томах. Нижний Новгород., 1998. Т. 4. С. 15.

на целый день, и они думают, что встреча эта из-за «духовности» лица приносит им несчастье. Это при механистическом-то восприятии окружающего мира!»²³⁸.

В этом контексте возникает вопрос о природе страха и особенно *страха смерти*: «чего же в действительности боится человек, когда речь идет о страхе смерти?» Французский философ В. Янкелевич, написавший уникальный в истории философской мысли труд «Смерть», говорит, что «страх – это растерянность сознания, сделавшего попытку помыслить смерть»²³⁹. Это значит, что в основе любого страха лежит некий опыт столкновения со смертью. Немецкий психолог Ф. Риман говорит, что «Надежда на возможность прожить без страха остается иллюзией; он содержится в нашем существовании и является отражением нашей зависимости и нашего знания о неизбежности смерти»²⁴⁰. Русский философ В. Н. Ильин связывает смерть и страх смерти с человеческой экзистенцией: «одна из самых больших горечей экзистенции – это страх смерти, ибо смерть ведь принадлежит к составу экзистенции»²⁴¹. В этом смысле, страх неустраним, пока есть смерть. Вот именно от этой «горечи экзистенции» и пытается избавиться человек современной гедонистической культуры.

Помимо религиозного страх смерти имеет и нравственное значение, которое отмечается философами-этиками. Вот мнение известного философа Н. Н. Трубникова: «Через страх смерти к бессмертию. От страха смерти к страху бессмысленной смерти, т.е. бессмысленной, пустой жизни»²⁴².

Достаточно неожиданный (нравственно-аристократический) подход к преодолению страха смерти предлагает В. П. Фетисов: «Наблюдение за смертью другого усиливает страх, а переживание смерти друга освобождает от страха. Стыдно бояться собственной смерти, если он уже умер. ... И чем сильнее было наше переживание, тем меньше остается страха. Зато ужасной и дикой представляется нам прежняя жизнь. Поэтому к мучительному вопросу «Как я могу жить, если он умер?» добавляется утешительное прозрение «Как я мог жить так

²³⁸ Варнава (Беляев), епископ. Там же. С. 112.

²³⁹ Янкелевич В. Смерть. С. 42.

²⁴⁰ Риман Ф. Основные формы страха. С. 11.

²⁴¹ Ильин В.Н. Эссе о русской культуре. СПб., 1997. С. 210.

²⁴² Трубников Н.Н. О смысле жизни и смерти. М., 1996. С. 68.

раньше, до его смерти!» Страх перед смертью уменьшается как раз настолько, чтобы быть готовым, если нужно, рисковать своей жизнью, а стремление жить по-новому открывает то, ради чего смертельный риск не только допустим, но и необходим»²⁴³.

Таким образом, ужас и страх связаны со смертью: ужас – это ужас перед смертью. Однако, ужас может быть вызван не только небытием, но и бытием. Н. Иванов отмечает, что «Древний ужас является собою потому, что его предмет – судьба. То есть потому, что его предмет абсолютен, безотносителен к тому, какова его природа и как мы будем к ней относиться. ... Человек очень легко научался идентифицировать себя с силами, сущими по ту сторону хтонических божеств, – ужас перед судьбой сменялся богочинностью и богопочитанием, тем же страхом Божьим»²⁴⁴.

Судьба – это модус будущего. При том есть ужас, связанный с настоящим, не будучи при этом связан со смертью. О таком ужаса повествует рассказ В. Набокова, который так и называется «Ужас».

В этом рассказе дано описание, как его называет автор, «высшего ужаса», который рожден далеко не смертью. Есть обыкновенное состояние ужаса, которое произведено страхом смерти, и его автор тоже испытывает и соответственно описывает: «Бывало со мной и другое: ночью, лежа в постели, я вдруг вспоминал, что **смертен**. Тогда в моей душе происходило то же, что происходит в огромном театре, когда внезапно потухает свет, и в налетевшей тьме кто-то резко вскрикивает, и затем вскрикивает несколько голосов сразу,- слепая буря, темный панический шум растет, – и вдруг свет вспыхивает снова, и беспечно продолжается представление. Так, бывало, душа моя задохнется на миг, лежу навзничь, широко открыв глаза, и стараюсь изо всех сил побороть **страх**, осмыслить **смерть**, понять ее по-житейски, без помощи религий и философий. И потом говоришь себе, что смерть еще далека, что успеешь ее продумать, – а сам

²⁴³ Фетисов В.П. Философия морали. Воронеж, 1995. С. 90-91.

²⁴⁴ Горичева Т., Иванов Н., Орлов Д., Секацкий Д. Ужас реального. СПб., 2003. С. 77.

знаешь, что все равно никогда не продумаешь, и опять в темноте, на галерке сознания, где мечутся живые, теплые мысли о милых земных мелочах, проносится крик – и внезапно стихает, когда наконец, повернувшись на бок, начинаешь думать о другом» (398)²⁴⁵.

Здесь все естественно: подобное испытывают многие люди, если не все. Однако, описанное далее состояние *высшего ужаса* имеет совершенно иную природу. «Когда я вышел на улицу, я внезапно увидел **мир таким, каков он есть на самом деле**. Ведь мы утешаем себя, что мир не может без нас существовать, что он существует, поскольку мы существуем, поскольку мы можем себе представить его. Смерть, бесконечность, планеты – все это страшно именно потому, что это вне нашего представления. И вот, в тот страшный день, когда, опустошенный бессонницей, я вышел на улицу, в случайном городе, и увидел дома, деревья, автомобили, людей, – душа моя внезапно отказалась воспринимать их как нечто привычное, человеческое. Моя связь с миром порвалась, **я был сам по себе, и мир был сам по себе, – и в этом мире смысла не было**. Я увидел его таким, **каков он есть на самом деле**: я глядел на дома, и они утратили для меня свой **привычный смысл**; все то, о чем мы можем думать, глядя на дом... архитектура... такой-то стиль... внутри комнаты такие-то... некрасивый дом... удобный дом... – все это скользнуло прочь, как сон, и остался только **бессмысленный облик**, – как получается бессмысленный звук, если долго повторять, вникая в него, одно и то же обыкновеннейшее слово» (400-401).

Описанное есть феноменология чистого ужаса: мир, *каков он есть на самом деле*. Не смерть, исчезновение, темнота, пустота, бездна, неведомое и прочие, традиционные атрибуты, вызывающие ужас, а именно мир. Но мир, потерявшие свои привычные очертание, раскрывший вдруг свою собственную сущность, о которой воспринимающий субъект не подозревал. Далее идет еще большее нагнетание: «И теперь я тоже старался привстать, дабы зримое приняло вновь свое обычное положение, и это не удавалось мне. Напротив, чем пристальнее я вглядывался в людей, тем бессмысленнее становился их облик. Охваченный

²⁴⁵ Здесь и далее ссылки даются по изданию Набоков В. Страх.

ужасом, я искал какой-нибудь точки опоры, исходной мысли, чтобы, начав с нее, построить снова простой, естественный, привычный мир, который мы знаем. ... Думаю, что никто никогда так не видел мира, как я видел его в те минуты. **Страшная нагота, страшная бессмыслица**. ... И тогда **ужас** достиг высшей точки. Я уже не боролся. Я уже был не человек, а голое зрение, бесцельный взгляд, движущийся в **бессмысленном мире**. Вид человеческого лица возбуждал во мне желание кричать» (401-402).

Открывшийся вдруг мир теряет привычные очертания, становится бессмысленным. И именно это вызывает ужас: *не небытие, а, наоборот, бытие, потерявшие свой привычный вид*. Героя приводит в естественное состояние какое-то совершенно обыденное действие: «И сразу весь мой **ужас** прошел, я мгновенно о нем забыл, все стало опять обыкновенным и незаметным» (402). Окончательно исцелила героя от ужаса смерть любимого человека: «Ее смерть спасла меня от безумия. Простое человеческое горе так наполнило мою жизнь, что для других чувств места больше не было» (402). Это парадоксально: то, что обычно приводит в ужас, само стало средством избавления от него.

Однако героя не покидает теперь страх, страх возвращения пережитого: «И я знаю, что обречен, что пережитый однажды **ужас, беспомощная боязнь существования** когда-нибудь снова охватит меня, и тогда мне спасения не будет» (402).

Описанный выше ужас («высший ужас») вызван не смертью, а бытием, потерявшим свой привычный облик, то есть потерявшим свой смысл. Мир открылся таким, каким он есть на самом деле, без нашего смысла. И существование в таком мире есть «*беспомощная боязнь существования*», что и является ужасом, а не смертью.

Связанность *ужаса* и *бытия* отмечают современные авторы. В. В. Варава пишет: «Ужас – как бы *изнанка философского удивления*, его противоположный полюс. По сути, *удивление* и *ужас* – одно состояние: *ужас удивителен, а удивление ужасно*. Главное, что перечисленное не имеет отношения ни к психологии (это не аффект), ни к религии (это не «страх Божий»), ни к

искусству (это не восторг и вдохновение), ни к повседневности (это не испуг). Оно имеет отношение к *бытию* и к *бытийному в человеке*. В какой мере человек чувствует удивление и ужас бытия, в такой мере он философ, потому что бытие как таковое не удивительно для обыденного сознания (оно удивляется чему-то сверхъестественному) и не ужасно (оно боится чего-то особенного, страшного, а не ужасается тому, что есть)»²⁴⁶.

Таким образом, можно сделать некоторые выводы на основании воззрений различных авторов.

1. Амбивалентный характер ужаса проявляется в том, что это состояние может быть вызвано двумя исключаящими друг друга вещами. В большинстве случаев ужас – это ужас, вызываемый смертью. Однако, есть ужас, который возникает в связи с потерей миром привычного облика и смысла, когда он открывается таким, каким он есть на самом деле, вне человеческого придания смысла этому миру.

2. Онтологическая связанность ужаса и смерти подчеркивает метафизический характер смерти, невозможность ее рационального постижения. Ужас в этом смысле является способом выявления метафизического характера смерти.

3. *Ужас смерти, поэтому сущностно отличается от страха смерти*. В первом случае говорит о себе метафизика, во втором – психология. Поэтому ужас смерти непреодолим ни рационально, ни психологически, в то время как возможна вполне успешная терапия страха смерти.

2.3. Ужас как нравственное переживание тоски

В этом заключительном параграфе речь пойдет об аутентичных нравственных смыслах феномена ужаса. Ф. М. Достоевский устами своего героя, оказавшегося поистине в *ужасном* положении, говорит в рассказе «Кроткая»: «Господа, я далеко не литератор, и вы это видите, да и пусть, а расскажу, как сам

²⁴⁶ Варава В.В. Адвокат философии. М., 2014. С. 262.

понимаю. В том-то и весь **ужас мой**, что я все понимаю!»²⁴⁷. Случайно ли писатель выбирает здесь слово «ужас» для передачи своего крайне ненормального положения? Даже если это и экспрессивное средство, то оно все же имеет субстанциональное содержание. И содержание это носит нравственный характер, соответствующий всему этикоцентричному характеру творчества Достоевского.

Какие же нравственные смыслы содержит в себе ужас?

Вновь обратимся к книге «Ужас реального», в которой, на наш взгляд, представлены современные подходы к ужасу как нравственному феномену. Философ Т. Горичева считает, что ужас является совершенно необходимой частью духовного опыта и неотторжимой чертой человеческого присутствия в мире. Она ставит вопрос таким образом: «Речь идет о том, каким образом можно теперь прорваться к подлинным переживаниям, как испытать ужас или другое интенсивное состояние, мобилизующее человека до самых глубин»²⁴⁸.

Она полагает, что ужас – это духовная проблема, и его нельзя никоим образом путать с тем пошлым страхом, которым отмечено сознание современного западного обывателя. Она приводит один крайне любопытный пример из собственной жизни: «У меня масса знакомых, – пишет Т. Горичева, живет в полном ужасе, но они мне совершенно не интересны. Это в основном западные люди. Они живут в ужасе, но сами этого не знают. Единственный, кто мне однажды признался, что ощущает ужасность человеческого бытия, был крупнейший богослов Ханс-Урс фон Бальтазар. Он сказал, отвечая на мой вопрос о Западе: «Очень скучно, Татьяна»»²⁴⁹.

Ужас предстает в качестве духоносной силы: «Можно заметить, что чем более человек расположен к переживанию реальности, чем он более перед ней открыт и доверчив, тем внутренне более трагичен и тем ужасней само ужасное. Некоторым людям кажется, что они постоянно живут в ужасе, что различные испытания, выпадающие на их долю в повседневной жизни, и есть истинный кошмар. Я, разумеется, говорю сейчас не о них. Подлинный трагизм затрагивает только тех людей,

²⁴⁷ Достоевский Ф.М. Кроткая.

²⁴⁸ Ужас реального. С. 110.

²⁴⁹ Ужас реального. С. 111.

которые устремлены к чему-то великому, ожидают прорыва в невозможное, ищут откровения»²⁵⁰.

Ужас, таким образом, сопоставляется с трагизмом. Кроме этого, нравственная сила ужаса раскрывается в следующем: «Человек, способный хотя бы изредка переживать мир заново, как будто бы впервые сотворенный, испытывает два глубоких и проникновенных состояния. Во-первых, это благоговение, удивление, влюбленность. А во-вторых, это ужас. Наверное, только эти два состояния подтверждают и удостоверяют подлинность встречи с реальным. Поэтому состояние ужаса и потрясенность миром, увиденным будто впервые, очень близки»²⁵¹.

Если нравственность понимать как стремление к преобразению, к изменению своей наличной ситуации *от сущего к должному*, то ужас наряду с удивлением безусловно обладает большим нравственным значением. Ужас как *духовная сила* как сила способствует произвести этот *нравственный акт*.

Интересны в этом контексте размышления М. Михайловой. Исследователь также ссылается на Бальтазара, определившего Angst как страх, тревогу и ужас одновременно и при этом отметившего, что современный человек все время пытается вытеснить страх и тревогу из своей жизни. Он стремится к тому, чтобы ничего подобного не испытывать, а ужасаться лишь незначительным вещам, вроде отсутствия горячей воды. «Но на самом деле, отмечает М. Михайлова, ужас – это чувство, которое нормальный человек должен ценить, ибо **ужас вводит его в пространство божественного** (выделено – А.Г.). Если мы посмотрим на священные или литургические тексты, то увидим, что ужас является необходимым состоянием, которое испытывает душа перед Богом. Не потому, что Бог страшен или требует от человека, чтобы тот ужасался, предстоя Ему в богослужении или молитве, а потому, что в каком-то очень странном преломлении ужас сопрягается с радостью. При выходе, при исторжении с помощью ужаса в

---

²⁵⁰ Там же. С. 128.

²⁵¹ Там же. С. 132.

иную реальность человек действительно испытывает необыкновенную радость. Получается, что на своей предельной глубине ужас соединяется с радостью»²⁵².

Еще один существенный нравственный аспект ужаса – способность выводить к радости. В этом его божественный смысл. М. Михайлова говорит: «...из стадии страха, поддающегося измерению, человек попадает в неизреченный ужас и там, за гранью ужаса, оказывается в пространстве божественного. ... Есть Господь и в ужасе. В этом смысле ужас и есть, быть может, наиболее в реальности подлинное»²⁵³. Это несколько парадоксально, но здесь подтверждение библейской сентенции «Страх Господень – начало премудрости».

В схожей тональности пишет о духовном действии, правда, не ужаса, а страха П. С. Гуревич в статье с говорящем названием «Страх – молитва души». За вычетом терминологических различий, можно сказать, что сказанное здесь о страхе, с полным правом относится к ужасу²⁵⁴. Он пишет: Страх живет только в душе грешного, чувствующего, отверженного и смертного человека. Это он соизмеряет неисчислимы проявления бытия с собственной участью. Он прилагает ко всему окружающему человеческие мерки и ужасается бездушие Вселенной»²⁵⁵.

Здесь весьма существенным является указание на смертность и грешность человека. Страх как бы маркирует этот онтологический изъян и нравственный дефект человека. Далее он пишет: «Страх, таким образом, – это мир бесчисленных, неисчерпываемых допущений, которые помогают человеку пережить горести бытия. ... страх – это молитва души. Но мы откуда не знаем разноречивых текстов этих молений. Откуда и как возникают слова преклонения и трепета, экзальтации и безропотности. Какова в целом феноменология страха?»²⁵⁶.

Вопрос остается открытым и в своей открытости он побуждает, прежде всего, к нравственным действиям.

²⁵² Ужас реального. С. 122.

²⁵³ Там же. с. 123.

²⁵⁴ О лексических особенностях употребления терминов «страх» и «ужас» мы говорили в первой главе.

²⁵⁵ Гуревич П.С. Страх – молитва души // Философские науки. 1992, №2. С. 90.

²⁵⁶ Гуревич П.С. Там же. С. 100.

Если обратиться к классическому философскому наследию, то нужно сказать, что наиболее сильно об этом сказано у Н. А. Бердяева. Философ ставит в один ряд *ужас* и *тоску*, обнаруживая между ними глубокие этические и метафизические связи. Он пишет: «Тоска в отличие от страха есть устремленность вверх, к высотам бытия, и мучение оттого, что находишься не на высотах. Тоска и мистический ужас есть стояние не перед опасностями, подстерегающими нас в греховном мире, а перед тайной бытия, от которой человек оторван»²⁵⁷.

Снова возникает «тайна бытия»; теперь она возникает в контексте тоски, как раньше была в контексте ужаса. По сути дела, в логике Бердяева, тоска и ужас – это две ипостаси одно и того же духовного состояние человека, когда он встречается с запредельными вещами («тайной бытия»). Однако, между ними есть различия, позволяющие более тонко и глубоко постичь их природу. Он пишет: **«Мистический ужас есть переживание тоски, достигшей высочайшего напряжения, предела. Тоска переходит в ужас перед тайной бытия»**²⁵⁸.

Понимание Бердяева очень близко к пониманию Л. Шестова, который сказал: «чтоб был великий восторг, нужен великий ужас»²⁵⁹. Для одного тоска, для другого восторг являются состояниями, близкими к ужасу, которым приоткрывается тайна бытия.

Это, с нашей точки зрения, ключевые слова русских философов, раскрывающее глубочайшую *взаимосвязь ужаса и тоски*, ужаса и восторга, делающее их принадлежащими к одному роду высоких духовных состояний, и в тоже время, показывающее их различие. «Тоска», «ужас», «восторг», «тайна бытия» связаны онтологически²⁶⁰. В сердцевине тайна бытия. Это чисто философское понимания бытия, для обыденного эмпирического сознания бытие

²⁵⁷ Бердяев Н.А. Опыт парадоксальной этики. С. 257.

²⁵⁸ Бердяев Н.А. Опыт парадоксальной этики. С. 257.

²⁵⁹ Шестов Л. На весах Иова. С. 53-54.

²⁶⁰ М. Хайдеггер, между прочим, тоже говорит о тоске: «Глубокая тоска, бродящая в безднах нашего бытия, словно глухой туман, смещает все вещи, людей и тебя самого вместе с ним в одну массу какого-то странного безразличия. Этой тоской приоткрывается сущее в целом» (Хайдеггер М. Что такое метафизика. С. 20). Это очень близко всему тому, что сказано о тоске в русской литературе и философии.

не есть тайна, это простая данность, в которой все происходит по естественным законам. В обыденном сознании есть понятие «жгучие тайны», которое означает, что таинственное связано со сверхъестественным порядком бытия. Но философия в отличие от обыденного мышления видит в самом бытии некую тайну. То, что бытие есть совсем не естественно.

Остановимся подробнее на связи «ужаса» и «тоски». Они оказываются теми философскими состояниями, которыми можно опознать подлинное бытие, которое есть тайна бытия. И поэтому ужас – это не ужас перед чем-то ужасным, а тоска – не вызвана чем-то тоскливым. Так полагает обыденное мышление, чей эмпирический опыт верифицирован психологией. Философские ужас и тоска – это ужас и тоска перед бытием в его тайне. Причем ужас – это «переживание тоски, достигшей высочайшего предела», а «тоска переходит в ужас». Получается тавтология. Но она размыкается тем, что ужас – «ужас перед тайной бытия».

Это определение Н. А. Бердяева само по себе не дискурсивно, но медитативно. Оно не поддаётся до конца рациональной реконструкции, поскольку соприкасается с теми состояниями, в которых логические понятия не имеют особого смысла. Здесь нужно скорее «прозрение» в ужас и тоску, чем их рациональное понимание. Но это возможно лишь тогда, когда само бытие воспринимается как тайна, а не как предмет обыденно мышления или научного познания.

Все же Бердяев дает определенное рациональное прояснение в различии между тоской и ужасом. Следующее размышление философа проясняет это: «Только притяжение божественной высоты освобождает от страха, но оно порождает тоску и священный ужас. Значение же тоски и священного ужаса совсем иное для нравственной и духовной жизни. Тоска не есть, конечно, высшее духовное достижение человека, она подлежит преодолению, она является в пути, она обнаруживает священное недовольство человека обыденным миром и устремление к миру высшему. То же, что я называю «ужасом», – бескорыстно, не утилитарно, не эвдемонистично, не означает озабоченности и страха перед будущими страданиями, а **чистое переживание бездны** (выделено – А.Г.),

отделяющей наш греховный обыденный мир и нашу низшую природу от высшего, горнего, божественного мира, от бесконечной тайны бытия. Поэтому и тоска и ужас могут иметь чистое нравственное и духовное значение». И еще очень важное добавление: «Тоска и ужас связаны, но ужас ближе к тайне бытия, чем тоска, ужас духовнее, тоска же душевнее»²⁶¹.

Это ключевые слова, помогающие понять отличия ужаса от тоски, и осознать *нравственное значение ужаса как переживание тоски*. В этом контексте нравственное значение будет иметь не сам ужас как таковой, а ужас в значении «переживании тоски». Тоска – это тот же ужас, проявленный в нравственном плане. Сам по себе ужас – это духовное (то есть метафизически отстраненное), состояние, «оцепенелый покой» по М. Хайдеггеру. И как таковой он может быть аксиологически нейтральным. И Хайдеггер абсолютно прав, когда ужасу не придает этического значения. Но в традициях русской философии существует значительное различие между *этикой* и *нравственной философией*²⁶², и Бердяев и связывает ужас с тоской, то есть с нравственным измерением.

В близкой Н. А. Бердяеву тональности говорит о тоске другой выдающийся русский философ С. Н. Булгаков. В «Свете Невечернем» он пишет: «Тоска бытия молчаливо свидетельствует, что оно отравлено небытием, и жизнь несет в себе смерть»²⁶³. Тоска связана со смертью, со смертным началом, которым поражено бытие. В глубине этой тоски – ужас перед смертью. Но он не парализует нравственную волю субъекта, а вызывает в нем нравственное мучение, показателем чего и является тоска.

Тоска у философа связана с изначальным *злом*, которое проявляется на всех проявлениях человеческого духа. Об этой универсальности тоски он пишет следующее: «И уже само это *бытие – небытие*, как общее состояние мироздания, есть метафизический грех, о котором сказано: *мир во зле лежит*. Есть какая-то изначальная тоска и злоба, выражающаяся и в «мировой скорби», и во вражде всего со всем: *πόλεμος πατήρ πάντων* (Гераклит), In Ja und Nein bestehen alle Dinge

²⁶¹ Бердяев Н.А. С. 260.

²⁶² См.: Варава В.В. Этика и нравственная философия.

²⁶³ Булгаков С.Н. Свет невечерний : Созерцания и умозрения. М., 1994. С. 227.

(I. Böhme). В мире есть этот «минус», которым объявляет себя Мефистофель и «черт» Ив. Карамазова. Таинственно и властно влечет к себе разверстая пасть небытия»²⁶⁴. Тоска есть выражение стремления к духовному бытию, которое чается, но которое не достижимо в конечной, смертной действительности. Отсюда и тоска.

В текстах В. Розанова с особой силой чувствуется эта тоска, вызванная смертью. В опавших листьях он пишет: «Значит, вещи, лица и имеют соотношение, пока живут, но нет соотношения в них, так сказать, взятых от подошвы до вершины, метафизической подошвы и метафизической вершины? Это одиночество вещей еще ужаснее»²⁶⁵. Он испытывает сильнейшее чувство ужасной тоски: «Как вешний цвет проходит жизнь. Как ужасно это «проходит». Ужасна именно категория времени; ужасна эта связь с временем. Человек – временен. Кто может перенести эту мысль...»²⁶⁶.

Или вот такие пронзительные строки, исполненные тоской: «Умер Суворин: но кругом его – дела его, дух его, «всё» его. Так же шумит типография, и шумит газета, и вот-вот, кажется, «сходить бы с корректурой наверх» (в кабинет, «к самому»).

А нет его. «Нет», – и как будто «есть». Это между «нет» и «есть» колебание – какое-то страшное. Что-то страшное тут.

Даже еще увеличивает ужас смерти и отвратительное в ней. «Человек как будто с нами»»: это еще гораздо ужаснее, чем «его более нет». – В «его более нет» – грусть, тоска, слезы; тут – работа продолжается, и это отъемлет у смерти ее грусть, ее тоску, ее смысл, ее "всё"»²⁶⁷.

«Духовность ужаса» и «душевность тоски» – важнейшее онтологическое различие, сделанное Н. А. Бердяевым, помогающее нам глубже понять природу своего внутреннего (духовного, нравственного) мира. Эту природу очень тонко чувствовали и понимали русские писатели. Проиллюстрируем теоретические

²⁶⁴ Булгаков С.Н. Там жже. Ч. 226.

²⁶⁵ Розанов В.В. Опавшие листья. М. 1990. С. 279.

²⁶⁶ Розанов. Там же. С. 365.

²⁶⁷ Розанов. Там же. С. 388.

размышления Н. А. Бердяева и С. Н. Булгакова некоторыми примерами из художественной литературы, которая в контексте русской культуры воспринимается как философия.

Вообще, тема тоски – одна из центральных в русской литературе²⁶⁸. Многие поэты и писатели ставили это ощущение в центр своего мировоззрения. В. Н. Порус пишет: «Русская литература сказала о человеческой тоске так много, что, кажется, больше и сказать нельзя. Она разработала целую типологию тоскующих людей»²⁶⁹. Исследуя творчество Ф. И. Тютчева А. Г. Гачева выделяет особое чувство тоски у поэта: «... тоска всегда была рядом с ним, являлась ему как «черный человек» Моцарта, как неумолимый рок бетховенской пятой симфонии... Глубинное переживание разрушительного действия времени в сочетании со столь же глубинным переживанием разделяющего пространства (две главные категории смертного, разорванного бытия), ощущение полного бессилия человека перед их безжалостной властью, беспокойство за жизнь и здоровье близких людей, леденящий ужас «окончательного уничтожения», которое предвещает «каждая новая смерть», – вот что рождало эту тоску, с которой тщетно пытался справиться поэт»²⁷⁰.

У исследователя тоска связана с «леденящим ужасом смерти». Это весьма примечательно: ужас смерти не финальное состояние, поскольку за ним следует тоска. Это согласуется с мыслью Бердяева о том, что ужас есть «переживание тоски». Важно отметить, что лингвокультурный анализ концептосферы «тоски» показывает наличие ужаса смерти в семантическом поле тоски: «Тоска это: теснота – и свобода; падение в пропасть – и направленность к высшему миру;

²⁶⁸ Этот аспект достаточно полно отражен в диссертационных исследованиях: Шмугурова К.В. Концепты тоска и радость в художественной картине мира. Диссертация к.ф.н. Новосибирск, 2011; Бабарыкова Э.В. Ключевые концепты поэзии И. Анненского : автореферат дис. канд. филол. наук. Ярославль, 2007; Андриенко Е.В. Концепты русской культуры в поэтическом творчестве В. С. Высоцкого: между тоской и свободой. Дис. кандидат филологических наук. Владивосток, 2003.

²⁶⁹ Порус В.Н. Бытие и тоска: А.П. Чехов и А.П. Платонов. С. 291.

²⁷⁰ Гачева А.Г. «Нам не дано предугадать, Как слово наше отзовется...» (Достоевский и Тютчев). М., 2004. С. 62-63.

страдание – и спасение; духовность, богосознание – и богооставленность; надежда и страх; одиночество и любовь; ужас смерти – обретение себя и т.д.»²⁷¹.

Про многих русских поэтов можно сказать, что тоска является одним из наиболее доминантных образов и состояний. Про С. Есенина исследователь пишет: «Антиномия мир-дом характерна для всего творчества поэта. Однако уже в раннем творчестве «дом» помещается в контекст утраты, тоски, вины и раскаяния»²⁷². Подобное можно встретить у Тютчева, Блока, Пастернака и многих других русских поэтов.

Однако, ни с чем не сравнимой силы тоска достигает в произведениях А. П. Чехова. Коснемся лишь одного произведения писателя, которое так и называется «Тоска». Здесь в небольшом объеме емко и полновесно переданы главные нравственные доминанты писателя, которые вообще характеризуют стиль русской философской мысли. Это рассказ-переживание, рассказ-трагедия, в котором тоска из психологического состояния превращается в самостоятельное действующее лицо, в главный персонаж.

Здесь тоска возникает в связи со смертью: и непосредственно от факта смерти сына героя, и от невозможности передать это чувство кому-либо. Вот самый показательный фрагмент рассказа: «Утихшая ненадолго тоска появляется вновь и распирает грудь еще с большей силой. Глаза Ионы тревожно и мученически бегают по толпам, снующим по обе стороны улицы: не найдется ли из этих тысяч людей хоть один, который выслушал бы его? Но толпы бегут, не замечая ни его, ни тоски... Тоска громадная, не знающая границ. Лопни грудь Ионы и вылейся из нее тоска, так она бы, кажется, весь свет залила, но, тем не менее, ее не видно. Она сумела поместиться в такую ничтожную скорлупу, что ее не увидишь днем с огнем...».

Также особое место тоска занимает в творчестве Андрея Платонова. Исследователи это часто отмечают. В своем диссертационном исследовании М. А.

²⁷¹ Воробьева И.А. Психосемантический анализ переживания тоски. Автореф. диссерт. к. психолог.н. Хабаровск, 2006. С. 14.

²⁷² Жилина М.Ю. Образ «небесной земли» в поэмах С. Есенина // Образ рая: от мифа к утопии. СПб., 2003. С. 212

Дмитровская пишет: «С концептом пустоты пересекаются концепты тоски и скуки, характеризующие внутреннее состояние человека. Концепт тоски специфичен для русской ментальности и порожден сознанием разрыва между земным и высшим существованием. В произведениях А. Платонова подчеркнут философский и экзистенциальный смысл концепта тоски. Тоска сопровождает размышления героев о смысле мира, жизни и смерти. Концепт тоски связан с идеей направленности О. Шпенглера. У Платонова тоска лежит в ощущении героями будущего времени, жажда достижения которого часто имеет эсхатологический оттенок. Тоска сама обладает свойством направленности и перемещения»²⁷³.

В. Н. Порус, сопоставляя тоску у Платонова и Чехова, делает такой вывод: «Чеховская тоска – от бессмыслия культуры, из которой ушла жизнь, от мира, попавшего под власть симулякров. Платоновская тоска свидетельствует, что еще есть кому тосковать, что еще живо человеческое в человеке, симулякрам не удалось полностью подчинить себе людей. Она – голос жизни, еще не убитой, не подменённой идеями. Жизнь своей тоской судит идеи, она решает быть или не быть их власти над нею. Тоска – ее несогласие быть подражанием идеям, их слабой копией»²⁷⁴.

С. Г. Семенова пишет: «В «Котловане», как и в «Чевенгуре», с особенной пронзительностью – до вибрации последнего нерва – передана тоска смертного, обезбоженного мира. Обмануть эту тоску пытаются иступленным трудом, неистовством работы. Строить и строить, авось да выйдет «хрустальный дворец»²⁷⁵.

Квинтэссенцией платоновского понимания тоски являются, с нашей точки зрения, следующие слова из романа «Чевенгур»: «Время же идет только в природе, а в человеке стоит тоска» (С. 335)²⁷⁶. Из этих слов видно, насколько тоска не природное, а человеческое свойство. Время – это абстрактная и безликая

²⁷³ Дмитровская М.А. Язык и мирозерцание А. Платонова. Дис. . доктор. филол. наук. М., 1999. С. 261.

²⁷⁴ Порус В.Н. Бытие и тоска: А. П. Чехов и А. П. Платонов. С. 315.

²⁷⁵ Семенова С.Г. Метафизические мотивы творчества Андрея Платонова. С. 338-339.

²⁷⁶ Платонов А. Чевенгур. Здесь и далее цитируется по изданию: Платонов. Москва, 2011.

категория физического мира, тоска – это человеческое переживание времени. Только человек способен на это, поскольку человек – это нравственное существо. И тоска – это своеобразный «нравственный барометр» человека.

Это ощущение испытывают герои: «Захар Павлович наблюдал реки – в них не колебались ни скорость, ни уровень воды, и от этого постоянства была горькая тоска» (с. 45). В природе – постоянство, в душе – тоска. Это чувство безраздельно властвует в душе писателя, что оно уже переносится и на природу: «Над болотами стояла уже ночная тоска (с. 92); «Ни одного сооружения – только тоска природы-сироты!» (с. 153). «Покинутость, забвение и долгая тоска встретили его в этом опасном доме гражданской войны» (с. 72).

А вот очень показательные слова из повести «Котлован»: «На выкошенном пустыре пахло умершей травой и сыростью обнаженных мест, отчего яснее чувствовалась общая грусть жизни и тоска тщетности» (с. 422). «Умершая трава» свидетельствуют о торжестве смерти в этом мире. Эпитет «умершая» применительно к траве дает особый экспрессивный эффект; действительно возникает ощущение абсолютной тщетности. Эти слова как будто являются наглядной иллюстрацией к выше приводившимся словам С. Н. Булгакова: «Тоска бытия молчаливо свидетельствует, что оно отравлено небытием, и жизнь несет в себе смерть».

В психиатрии описано состояние «предсердечной тоски» (*anxietas praecordialis*), которое во многом похоже на то, что описывает Платонов в своих произведениях: «И в наши дни находятся люди, которые теряют доброту и любовь, счастье и радость, мир и спокойствие, надежду на благодать Божию и привязанность к жизни. Душа таких людей теряет доброго духа и одержима становится духом зла. Такое ужасное, такое мучительнейшее нравственное и душевное состояние носит у нас название «предсердечной тоски» (*anxietas praecordialis*) и составляет одно из проявлений душевных страданий»²⁷⁷.

---

²⁷⁷ Суицидология: Прошлое и настоящее : Проблема самоубийства в трудах философов, социологов, психотерапевтов и в художественных текстах. М., 2001. С. 197. См. так же: Хелл Д. Ландшафт депрессии : Интегративный подход. М., 1999.

Это интересное психологическое наблюдение, которое свидетельствует о том, что есть люди с повышенной способностью восприятия темных сторон бытия. Совсем не обязательно, что такие люди становятся носителями зла. Но важно, что научная психология зафиксировала такую способность человека. И Платонов попадает под ту категорию, но с той разницей, что у него «одержимость злом» есть трагический дар видеть это зло, переживать его и выражать в своих произведениях. Например, описание такого состояния вполне может быть диагностировано как психопатология: «Тоска Захара Павловича была сильнее сознания бесполезности труда, и он продолжал тесать колья до полной ночной усталости. Без ремесла у Захара Павловича кровь от рук прилиwała к голове, и он начинал так глубоко думать о всем сразу, что у него выходил один бред, а в сердце поднимался тоскливый страх» (с. 21).

Но эта тоска не признак душевного заболевания, но обостренная способность видеть нечто в мире, вызывающее такое переживание. И в тоже время эта тоска есть своего рода места по совершенной жизни, которой нет в действительности: Это «Но Захар Павлович ничего не говорил, хотя в нем постоянно шевелилось что-то простое, как радость, но ум мешал ей высказаться. Он тосковал о какой-то отвлеченной, успокоительной жизни на берегах гладких озер, где бы дружба отменила все слова и всю премудрость смысла жизни» (с. 58).

Тоска перемешивается у Платонова с ужасом, который в его текстах употребляется не только как стилистическое средство экспрессии, но и как некая субстанция: «Наставала ночь – мутная и скучная; таких ночей боятся дети, познавшие в первый раз сонные кошмары: они тогда не засыпают и следят за матерью, чтобы она тоже не спала и хранила их от ужаса» (с. 161). Что это за ужас, возникающий в глубине «мутной и скучной» ночи? Только лишь кошмарное сновидение или нечто большее?

У Платонова своего рода скучный и *тоскливый ужас*, в отличие от нескучного, экстатического ужаса Н. А. Бердяева. Но общее чувство тоски – тоски по чему-то высшему, и чувство тайны бытия. Отличие в том, что Бердяев связывает тайну бытия с Богом, в то время как Платонов видит тайну, разлитую

во всем мироздании. Она для него в большей мере эстетическая категория. Но тоска – этическое мироощущение, в основе которого боль от невосполнимости потери. Представляется, что мысли Л. Липавского о тоске очень точно характеризуют мировидение Платонова: «Тоска по дорогим, преждевременно отбывшим, не дает мне покою. О, это постоянная неиссякающая боль, ничем не возместимая потеря! Мы разлучены пространством и временем, навсегда, наглухо. Но безумное любопытство сжигает меня. Мы хотим быть всеми предметами и существами, – температурой, волной, преобразованием. Неистощимая жажда увидеться не покидает меня»²⁷⁸.

Это, этический аспект тоски, связанный с ужасом смерти. Но есть еще и *эстетический аспект тоски*, связанный с тайной бытия и с «ужасом перед тайной бытия», по словам Н. А. Бердяева. Здесь как раз не небытие, а скорее бытие выступает в качестве предмета ужаса. Это чувство также хорошо передает Л. Липавский, когда говорит об «особой тоске южных стран», о «тропической тоске», о «снежной тоске», но более всего о «тоске изоляции и одиночества», которую вызывает страх темноты, снег или туман. Он пишет: «Страх темноты. Когда человек идет ночью по лесу, этот страх понятен. Но даже ребенок, сознает, что темноты в комнате нечего бояться. Между тем, боится». И далее: «Ту же тоску вызывает темнота, снег или туман. Человек очутился в тумане среди озера. Кругом все одно и то же: белизна. И невольно возникает сомнение не только в том, существует ли мир, но существовал ли он вообще когда-нибудь.

Что-то есть в этом полном окружении, что плотно охватывает, останавливает часы, проникает в самые кости, останавливает дыхание и биение сердца.

Есть в чувстве изоляции особая тоска полного и плотного охвата, погасания надежд, как мы это хорошо понимаем.

Приглядываясь к этому страху, я замечаю в нем: тоску изоляции или одиночества; ожидание неизвестных угроз; тоску однообразного фона»²⁷⁹.

²⁷⁸ Липавский Л. Исследование ужаса. М., 2005. С. 20.

²⁷⁹ Липавский Л. Там же. М., 2005. С. 35-36.

С нашей точки зрения – это блестящее феноменологическое описание *ужаса перед бытием в его связанности с тоской*. Здесь ужас в своей связанности с тоской, раскрывает *этическую ипостась*. Тем самым, можно говорить об *амбивалентной, этико-эстетической природе ужаса*, который проявляется в такой же амбивалентной этико-эстетической природе тоски.

В романе М. Арцыбашева «Санин» герои постоянно переживают *тоску и ужас*. Эти два состояния постоянно сопровождают их, переходя одно в другое. Как бы иллюстрируя слова Н. А. Бердяева о том, что «ужас есть переживание тоски, достигшей высочайшего напряжения», Арцыбашев пишет: «Но сознание, что дочь где-то прорвала прочную каменную стену этой серой пыльной жизни... объяло ужасом старую женщину. **А ужас разрешился гневом и тоскою**» (с. 199).

Причем, это чувство не только вызывается конкретными жизненными обстоятельствами: это скорее нарастающая, безотчетная и неосознаваемая тоска, разлитая одновременно в бытии и в сознании: «У нее была **тоска**, куда-то тянуло, и она и не знала и знала – куда. ... Тоска ее давила. В душе была странная и мучительная смесь смутного желания и **тоскующей** гордости...» (с. 66).

Конечно, в сюжете есть всегда некий прецедент тоски. Но это не главное. Героев сопровождает чувство «тяжести и грусти», и видно, что автор захвачен именно этой идеей, стараясь показать ее во всех своих бесконечных проявлениях. Сама тоска становится сюжетом, таким своеобразным «экзистенциальным героем». Вот «эволюция» состояний Санина, главного героя – от начала романа до самого конца:

«И Юрию, как всегда, стало тяжело и грустно.

Если бы он почему то не думал, что плакать стыдно, он бы заплакал, лег бы в подушку лицом и стал бы хныкать и жаловаться кому то и на что то, но не на свое бессилие. Но вместо того он угрюмо сидел перед картиной и думал, что жизнь вообще **скучна**, мутна и бессильна, что в ней нет ничего, что еще могло бы интересовать его, Юрия. Тут он с ужасом представил себе, что еще много лет придется, быть может, прожить тут в городке.

«Тогда смерть!» – с холодком на лбу подумал Юрий.

И ему захотелось нарисовать смерть» (71). И далее: «**Тоска** в душе и гадкое брезгливое чувство в ноге заставили его болезненно морщиться. Все казалось Юрию нудным и мерзким. Ощупью он нашел в темноте скамью и сел, напряженными, сухими и злыми глазами вглядываясь в сад и ничего не видя, кроме расплывчатых пятен мрака. В голове у него копошились тусклые и тяжелые мысли» (с. 118). Это чувство нарастает, становясь уже каким-то способом видения мира, мира, в котором тоска – не одно из состояний наряду с другими, но призма, через которую воспринимается весь мир: «Осень... Уже осень... Потом будет зима, снег... Потом весна, лето, опять осень... зима, весна, лето... **Тоска!** А что буду делать в то время я? То же, что и теперь, – с тоской усмехнулся Юрий. – В лучшем случае отупею и вовсе не буду думать ни о чем! А там старость и смерть!» (с. 303).

Смерть, конечно, всегда выступает неким итогом и пределом скучной жизни. И одновременно именно смерть и вызывает острое чувство тоски, которая попеременно сопровождается вспышками ужаса. Вот, что переживает человек, непосредственно столкнувшись с пониманием того, что он умирает: «Это было мучительно и ослабляло и мозг, и душу, и все тело. К сердцу подступала **тоска**, мысли делались вялы и бесцветны, голова болела, и хотелось сесть тут же на бульваре и махнуть рукой на все, даже на самый факт жизни» (97).

Можно сказать, что вся эта предельная тоска героев, очевидно вызываемая смертью и смертным началом бытия, есть показатель наличия этого «ужаса перед тайной бытия», как определил его Н. А. Бердяев. Если тоска героев есть этическая доминанта романа, выраженная явно и властно, на всем пространстве текста, то «тайна бытия» есть эстетическое чувство героев, которое несомненно у них присутствует, но которое не может вырваться наружу, будучи подавлено этой тоской. Получается замкнутый круг. А это и есть характеристика экзистенциального мироощущения, которое мастерски показал русский писатель Серебряного века задолго до появления экзистенциализма как направления в европейской философии.

Согласно Н. А. Бердяеву тоска имеет «нравственное и духовное значение». Нужно очень четко понимать это нравственное значение тоски и отличать ее от «*беспредметного страдания*», о котором говорит Сиоран, которое характеризуется тем, что «погруженное в преходящий траур, каковым является тоска, не требует от сознания ничего, что обязывало бы к плодотворному поступку»²⁸⁰.

Конечно, нравственность взывает к поступку. И в данном случае, тоска тоже взывает к поступку, но это скорее духовный поступок, связанный с определённой духовной установкой, направленной на перемену умонастроения. И у Бердяева тоска имеет нравственное значение, поскольку связана не с житейскими треволениями и заботой, а «*чистым переживанием бездны*». «Бездна», о которой так ярко и пронзительно сказал Г. Померанц, – еще одно центральное понятие русской нравственной философии, которое соединяет «тайну бытия» с ужасом и тоской.

Размышления Г. Померанца о Достоевском. Именно у него находит исследователь фундаментальную связанность *бездны и тоски*: «Бог и грех нераздельны. В бездне Бога открывается взгляд на бездну греха. А в **бездне греха рождается тоска по Богу** (выделено – А.Г.). Чувство жизни, которое раскрывает Достоевский, – именно это»²⁸¹. Исследователь много говорит о тоске, которая становится определяющим нравственным и философским мотивом у Достоевского. Он пишет: «...каждый роман Ф. М. Достоевского есть его собственное преступление и покаяние, есть опыт отступничества, забвения собственной мысли о силе смирения – и **тоска по кротости** и внутренней тишине»²⁸²; «**Тоска героев, обреченных аду**, — может быть, один из самых важных элементов, помогающих вынашиванию святого плода. С этой точки зрения совсем не странность, что один и тот же мастер создал Мышкина и Смердякова. Наоборот, было бы очень странно, если бы Мышкина изобразил В. Г. Короленко. Человек, не знавший ада, удовлетворится умеренным светом; он не

²⁸⁰ Сиоран Э. Испытание существованием. М., 2003. С. 22.

²⁸¹ Померанц Г. Открытость бездне. Встречи с Достоевским. М.–СПб., 2013. С. 116.

²⁸² Померанц. Там же. С. 179.

прорвется, **изглоданный тоской**, к знанию глубин, в которых одновременно схватывается рай и ад»²⁸³.

Лексический ряд Г. Померанца очень ярок: «тоска по Богу», «тоска по кротости», «тоска героев, обреченных аду», «изглоданный тоской»... Все это нравственные состояния, вызванные «открытостью бездне». О бездне Г. Померанц говорит глубоко и проникновенно, раскрывая живую плоть русской философской культуры. Исследователь полагает, что «русская душевная бездна обнажилась», когда Тютчев заговорил о ней на своем языке. Вот что пишет исследователь о связанности бездны и ужаса у Тютчева: «У Тютчева встретились обе бездны: внутренняя бездна раскола и внешняя, космическая бездна, открывшаяся уму Ломоносова. Безрассудная пропасть русской души, пережившей опричнину, и рассудочная пропасть Нового времени, познавшего бесконечность ньютоновской вселенной, как Аввакум – тьму внешнюю. Обе бездны перекликаются в тютчевских стихах; бездна вселенной становится подобием внутренней бездны, а внутренняя бездна – метафорой бездны, полной звезд. Канта восхищало когда-то «звездное небо над головой и нравственный закон в человеческой груди». Тютчев дрожит от ужаса перед тем и перед другим: перед бескрайностью ночного неба и бескрайностью человеческого беззакония»²⁸⁴.

Эти предельные состояния хорошо знакомы русскому философствующему сознанию. Лев Шестов пишет о «кошмарном ужасе» богооставленности, в котором открывается предельная бездна существования: «И рече безумец в сердце своем: несть Бог. Иногда это бывает признаком конца и смерти. Иногда – начала и жизни. Почувствовавши, что нет Бога, человек постигает вдруг кошмарный ужас и дикое безумие земного человеческого существования и, постигши, пробуждается если не к последнему, то к предпоследнему знанию. Не так ли было с Ницше, Спинозой, Паскалем, Лютером, бл. Августином, даже с ап. Павлом?»²⁸⁵.

И от Достоевского снова к Толстому, к его ужасу смерти, в основе которого «ужас перед тайной бытия». Г. Померанц пишет: «Страх бесконечности в «Анне

²⁸³ Померанц. Открытость бездне. С. 198.

²⁸⁴ Померанц Г. Там же. С. 304.

²⁸⁵ Шестов Л. На весах Иова. С. 168-169.

Карениной» и страх смерти в «Записках сумасшедшего» – в сущности, только два поворота одного и того же метафизического страха. **Чувства бездны.** Все метафизические страхи сливаются в один страх: **страх непостижимого**²⁸⁶. Последние слова являются смысловой кульминацией всей нашей работы; они раскрывают истинную природу ужаса, в основании которого не только ужас смерти (страх небытия), но «страх непостижимого»²⁸⁷. Мысль Г. Померанца смыкается с мыслью Н. Бердяева, образуя живой контекст русской философии. Еще раз напомним слова Бердяева: «Мистический ужас есть переживание тоски, достигшей высочайшего напряжения, предела. Тоска переходит в ужас перед тайной бытия».

Удивительным образом слова русских мыслителей здесь перекликается с мыслями М. Хайдеггера о том «опыте бытия», который получает человек через *встречу с ужасом*. Философ пишет: «Готовность к ужасу говорит Да настойчивости в исполнении высшего вызова, единственно только и захватывающего человеческое существо. Только человек среди всего сущего видит, позванный голосом бытия, чудо всех чудес: что сущее *есть*. Призванный в своем существе к истине бытия постоянно настроен поэтому бытийным образом. Ясная решимость на сущностный ужас – залог таинственной возможности опыта бытия. Потому что рядом с этим сущностным ужасом как отшатыванием от бездны обитает священная робость. Она освящает ограждает ту местность, внутри которой человеческое существо осваивается в Пребывающем»²⁸⁸.

Представляется, что вот это «чудо из чудес», заключающееся в том, что сущее есть, вообще есть главное для Хайдеггера, а не ничто и не аналитика конечного бытия как таковая. Все это средства для продвижения к главной цели: осознать бытие в его раскрепости, данности. Это соответствует исконному философскому удивлению, которое есть начало философии. И если философия,

²⁸⁶ Померанц Г. Открытость бездне. С. 310. Здесь нужно вспомнить фундаментальную работу С. Л. Франка «Непостижимое»

²⁸⁷ Эта идея о *страхе непостижимого* явно присутствует у Сиорана: «Поскольку жизнь нагромождает ничтожные загадки и монополизирует бессмыслицу, она внушает больше ужаса, чем смерть: именно она и есть великое Неведомое» (Сиоран Э. Испытание существованием. С.19).

²⁸⁸ Хайдеггер М. Послесловие к «Что такое метафизика?». С. 38.

занятия философией есть «духовное упражнение» (П. Адо), то есть нравственное дело, то продвижение к ней через ужас и удивление тоже есть нравственное деяние. Таково, как мы полагаем, основное нравственное значение ужаса.

Выводы второй главы

Во второй главе нами были рассмотрены вопросы, связанные с определением нравственного значения ужаса. Прежде всего, необходимо отметить, что выявление позитивного нравственного значения ужаса затрудняется тем, что ужас представляет собой негативную психологическую эмоцию, которая скорее вызывает реакцию отторжения и преодоления.

Однако, философский анализ дает основания полагать, что в этом негативном для психики и обыденного сознания состоянии содержится нечто существенное, помогающее раскрыть этические характеристики человека, которые в традиционной этической теории не были учтены в полной мере. Этому не способствуют и гедонистические установки современной культуры, в которой доминирующим является «эстетизация» ужаса, а не его философское осмысление.

Чтобы говорить о нравственном значении ужаса, его нужно, прежде всего, отделить от страха. Это разделение («Furcht»/«Angst»), идущее от С. Кьеркегора и получающее наивысшее воплощение у М. Хайдеггера, сегодня является аксиоматическим. В главе была произведена лингво-философская работа по прояснению, в том числе и переводческих нюансов, связанных с этими «терминами». При этом нужно отметить, что это разделение проходит по линии *причинный страх* и *беспричинный ужас* (или экзистенциальный страх) безотносительно к возможному нравственному значению последнего. В литературе существуют работы, раскрывающие этически позитивный смысл страха (особенно страха смерти), но отсутствуют исследования, которые указывали бы на нравственную значимость ужаса.

Мы обратились к работе Н. А. Бердяева «О назначении человека. Опыт парадоксальной этики», в которой говорится о *духовом и нравственном значении именно ужаса*. С нашей точки зрения это новаторская мысль русского философа,

оставшаяся незамеченной и не получившая дальнейшего развития. Горизонт этической исследовательской мысли, как правило, ограничивается горизонтом страха, но не ужаса. В этом смысле исключение представляют некоторые авторские концепции, в том числе, озвученные в книге «Ужас реального» Т. Горичевой и М. Михайловой.

Работа Н. А. Бердяева позволяет увидеть этические различия между, во-первых, страхом и ужасом, а во-вторых, позволяет раскрыть нравственное значение ужаса как такового. Страх, по мысли русского философа, и онтологически и этически сниженная категория по сравнению с ужасом.

Нравственная значимость ужаса проявляется при раскрытии его амбивалентного характера. С одной стороны, ужас – это ужас смерти, но с другой, ужас – это ужас перед миром, потерявшим свой смысл. Первый тип ужаса блестяще проиллюстрирован Л. Н. Толстым в «Записках сумасшедшего», второй не менее блестяще в рассказе В. В. Набокова «Ужас». В первом случае ужас манифестирует нравственное неприятие своей смерти и связанное с этим духовное совершенствование личности; во втором, ужас, не связанный с небытием, свидетельствует о некоторых свойствах самого бытия, которые остаются незамеченными в рамках рационалистической парадигмы.

Таким образом, на этическом уровне имеет сущностное значение бинарная оппозиция страх/ужас; если первый трактуется как проявление низменной (греховной) природы человека, то второй имеет однозначно положительный характер, связанный с духовно-нравственным восхождением человека.

Эта возможность духовного восхождения человека через ужас в большей степени связана с традициями отечественной философии, в которой ужас связан с *тоской* (Н. А. Бердяев, В. В. Розанов, А. Чехов, А. Платонов) и с *бездной* (Ф. М. Достоевский, Н. А. Бердяев, Л. Шестов, Г. Померанц).

Именно связанность ужаса с тоской и бездной раскрывает его этический характер, в котором проявляется стремление человека к высшему нравственному идеалу. В русской философии ужас не самодостаточен и не представляет собой лишь предмет для эстетического любования. Здесь ужас – знак онтологического

расхождения между «сущим» и «должным»», что делает его одной из центральных категорий философской этики.

Заключение

В диссертационной работе мы пришли к следующим выводам.

Предметом нашего исследования был ужас как этико-философский феномен. Рассмотрев лингвистические аспекты этого понятия, мы выявили инвариантное ядро семантического поля понятия «ужас», которое заключается в связанности данного понятия с состояниями сильного *страха, боязни, испуга, отвращения, изумления, безысходности и трагичности*. Исторические данные свидетельствуют о том, что древнерусское «ужась» вошло в употребление с XI века и обозначало «страх», «стрепет», «отчаяние», «исступление».

Таким образом, словом «ужас» обозначается состояние, находящееся по ту сторону здравого смысла и естественного природного и социального порядка. Можно сказать, что человеческое сознание прибегает к лексеме «ужас», когда не может рационально справиться с ситуацией, в которую оно попало. Тем самым, состояние ужаса, отраженное в языке, свидетельствует о наличии иррационального как в бытии, так и в самом человеке.

В работе было установлено, что в языке, при всем лексико-семантическом различии понятий «ужас» и «страх», очень часто происходит их смешение. Ужас и страх выступают как близкие синонимы: одно определяется через другое. Ужас определяется количественно, как максимизация страха. В качестве иллюстрации в работе были рассмотрены тексты философского характера (В. В. Розанова, Л. Липавского, П. С. Гуревича), а также художественные произведения: рассказ «Записки сумасшедшего» Л. Н. Толстого, роман «Санин» М. П. Арцыбашева, роман Л. Андреева «Дневник Сатаны», рассказ В. В. Набокова «Ужас».

Эстетическая трактовка «ужасного» более всего подходит к пониманию его этических свойств, поскольку *этическое и эстетическое* находятся в отношениях глубокого онтологического родства (Н. В. Голик, А. Е. Зимбули). Наличие таких отрицательных эстетических компонентов в структуре ужасного как «безобразное», «низкое», «омерзительное» дает основание предполагать, что ужас манифестирует нечто монструозное и запредельное, не могущее быть понято

рационально, и усвоено эстетически. Тем самым, этическое остается единственным способом постижения ужаса.

Психологическая трактовка феномена ужас показала, что в традициях европейской психологии принято употреблять понятие «страх», а не «ужас». Установка психологической науки и в России, и за рубежом заключается преимущественно в *терапии страха*, и, более всего, в *терапии страха смерти*. Анализ работ У. Джемса, К. Изарда, Ф. Римана, а также некоторых современных авторов наглядно это демонстрируют. При этом были выявлены некоторые существенные ограничения возможностей психологии в постижении человека, на которые указывали как выдающиеся философы, так и видные психологи (М. Хайдеггер, А. Маслоу, К. Роджерс). Также рассмотрены воззрения современных авторов, размышляющих о методологических возможностях психологического постижения человека (В. М. Розин, Б. С. Братусь). Книга Ю. Кристевой «Силы ужаса», выполненная на стыке психоанализа, философии и литературы, показывает связанность ужаса с отвращением и невозможность рациональной реконструкции данного понятия.

Анализ текстов религиозного содержания (Библия, «Строматы» Климента Александрийского, «Лествица» Иоанна Лествичника, «Видеть Бога как Он есть» архимандрита Софрония (Сахарова), «Рассуждение против ужасов смерти Евгения (Булгара), «Начала Православия» прот. Фомы Хопко) дают основания согласиться со словами Л. Свендсена, что «...в страхе проявляется нечто основополагающее, и едва ли случайно, что именно чувство страха первым упоминается в Библии». Среди важнейших библейских постулатов является выражение «страх Божий» (или «страх Господень»), который указывает на духовную природу страха и, соответственно, духовную природу человека.

Христианский подход к страху существенным образом отличается от психологического, что ставит под сомнение возможности «христианской психологии». В религии страх имеет значение как путь к духовному преображению человека, в то время как позитивная функция страха в психологических трактовках заключается в его способности адаптировать

человека к окружающей среде. Психотерапия направлена на устранение страха и тревожности из жизни как дестабилизирующих факторов.

Анализ богословских текстов показал, что употребление лексемы «ужас» носит не строгий характер; часто она употребляется как синоним «страху». Однако, за исключением тех случаев, когда употребляется устойчивое словосочетание «страх Божий». Изучение книги архимандрита Софрония (Сахарова) «Видеть Бога как Он есть» позволяет различить тонкие различия между понятиями «страх» и «ужас». Если страх относится в большей степени к богословию, и презентует некие духовные структуры человека, то ужас манифестирует метафизический пласт человека вне контекста его веры или неверия. В этом смысле, как нам кажется, понятие «ужас» более универсально и может быть отнесено к ключевым понятиям философской антропологии.

В работе рассмотрена проблема эстетизации ужаса в современной медийной культуре. В современном массовом сознании смерть однозначно воспринимается как негативная величина. Смерть здесь мыслится как крайне неприятный факт, связанный не просто с прекращением жизни, но также и с прекращением наслаждений, получаемых от нее. Показана «невротичность современного общества», которая проявляется в «смерти, лишенной смысла» (прот. Александр Шмеман). Эту ситуацию описал Жиль Липовецки («Эра пустоты»). Л. Свендсен объясняет влечение к страху в современном обществе тем, что он избавляет от «скуки повседневности».

Именно в этой ситуации и возникла возможность *эстетизации ужаса и смерти*, в которой особую роль играют медиа, для которых смерть – информационный повод (А. В. Белокрыльцева). Этот «цинизм media» (П. Слотердаик) характерен не только для России, но и для Запада в целом.

В работе показано, что потребность ужаса у современного человека носит двойственный характер: с одной стороны, это показатель духовного кризиса, с другой, в этом стремлении проявляется некая «тайна человеческого естества» (П. С. Гуревич), которую необходимо осмыслить в рамках этического анализа.

Главный вопрос всего диссертационного исследования – вопрос о нравственном значении ужаса. Специфическая философия ужаса, как показано в работе, возникает в XX веке (Ф. Кафка, М. Хайдеггер, экзистенциализм). При этом большинство трактовок ужаса касаются психологических, эстетических и онтологических аспектов, не затрагивая этическую проблематику, связанную с ужасом. Если речь идет о нравственных аспектах, то они в большей мере затрагивают феномен страха (в аспекте преодоления страха смерти), нежели ужаса.

Для того чтобы прояснить специфику этических аспектов ужаса в работе показаны его отличия, в том числе терминологические, от страха. Анализ текстов С. Кьеркегора, М. Хайдеггера, Отто Ф. Больнова показал фундаментальное различие понятий «Furcht» и «Angst». В этом контексте принципиально важным является фундаментальное разделение «ужаса» и «страха», произведенное Н. А. Бердяевым, имеющее по своей сути этический характер. Для того, чтобы понять *нравственный характер ужаса*, необходимо понять *безнравственный характер страха*. Таков главный вывод.

Отдельно рассматриваются современные воззрения на природу ужаса, представленные в книге «Ужас реального», в которой имеет место рассмотрение ужаса в онтологическом ключе, также даны сущностные описания ужаса в его отличие от страха (Д. Орлов, Н. Иванов, Т. Горичева, А. Секацкий, А. Погребняк, М. Михайлова).

В работе раскрывается амбивалентный характер ужаса, который заключается в том, что, с одной стороны, ужас связан со смертью, то есть небытием (*ужас смерти*); а с другой, ужас – это ужас бытия, перед тем, что есть (*ужас реального*). Связанность ужаса и смерти представлена широким кругом авторов, как отечественных, так и западных (В. В. Розанов, Ф. Шперк, В. Эрн, Ж. Батай, М. Хайдеггер и др.). Каноническим примером «ужаса смерти» является «арзамасский ужас» Л. Н. Толстого, анализ которого представлен в работе.

Второй тип ужаса (*ужас реального*) раскрывается на примере рассказа В. В. Набокова «Ужас». Описанный писателем ужас («высший ужас») вызван не

смертью, а бытием, потерявшим свой привычный облик, то есть потерявшим свой смысл. Мир открылся таким, каким он есть на самом деле, без нашего смысла. И существование в таком мире есть *«беспомощная боязнь существования»*, что и является ужасом, а не смертью.

Существенными является и отличия «ужаса смерти» от «страха смерти». В первом случае говорит о себе метафизика, во втором – психология. Ужас смерти непреодолим ни рационально, ни психологически, в то время как возможна вполне успешная терапия страха смерти. Мысль К. Ясперса об «экзистенциальном страхе», гарантирующим подлинность и достоверность существования, подтверждает это.

В заключительной части работы идет речь о *нравственном значении ужаса как переживании тоски*, которая в философии Н. А. Бердяева оказывается самым непосредственным образом связана с ужасом и «тайной бытия», образуя, тем самым, нравственный контекст. Для подтверждения этой философской интуиции Н. А. Бердяева привлекаются как философы, так и писателя (С. Н. Булгаков, В. В. Розанов, Л. Шестов, А. П. Платонов, М. Н. Арцыбашев и др.). В этом контексте принципиальными являются размышления Г. Померанца о Достоевском, у которого исследователь находит фундаментальную связанность *бездны и тоски*.

Существенное отличие русских философов от западноевропейских в вопросах трактовки ужаса и смерти заключается в том, что если для русских мыслителей характерна нравственная вовлеченность в проблематику, они стремятся тем или иным способом преодолеть смерть и рассматривают ужас скорее как негативный эмоциональный фактор, в то время как западные философы склонны к аксиологической нейтральности и онтологическому восприятию ужаса.

Исходя из проделанной работы, нами предложена следующая типология ужаса:

- 1) ужас смерти;
- 2) ужас реального;
- 3) ужас перед тайной бытия.

В работе установлено, что только третий тип ужаса имеет нравственное значение, поскольку он связан с тоской и бездной. Именно связанность ужаса с тоской и «бездной» раскрывает его этический характер, в котором проявляется стремление человека к высшему нравственному идеалу. В русской философии ужас не самодостаточен и не представляет собой лишь предмет для эстетического любования. Здесь ужас – знак онтологического расхождения между «сущим» и «должным», что делает его одной из центральных категорий философской этики.

Литература

1. Абакумова Т.В. Философские аспекты феномена страха: диссертация канд. . филос. наук: 09.00.01. – Якутск, 200. – 150 с.
2. Аббаньяно Н. Структура экзистенции. Введение в экзистенциализм. Позитивный экзистенциализм. – СПб. : Алетейя, 1998. – 507 с.
3. Адо П. Духовные упражнения и античная философия. – М., СПб., Изд-во «Степной ветер»; ИД «Коло», 2205. – 448 с.
4. Андреев Л. Дневник Сатаны: роман, рассказы / Леонид Андреев. – СПб. : Азбука-классика, 2008. – 263 с.
5. Андрей Платонов. Философское дело: сборник научных статей / под ред. В. В. Варавы, С. А. Никольского. – Воронеж: Издательский дом ВГУ, 2014. – 352 с.
6. Андриенко Е.В. Концепты русской культуры в поэтическом творчестве В. С. Высоцкого: между тоской и свободой: автореферат дис. канд. фил. наук. – Владивосток, 2003. – 22 с.
7. Андрусенко В.А. Социальный страх : опыт философского анализа. – Свердловск : Изд-во Урал.ун-та, 1991. – 168 с.
8. Антонов В.Ю. Метафизика страха и этика бессмертия. – Саратов: ТОО «Печатный двор», 1994. – 64с.
9. Артемьева О.Э. Эволюция эстетической модели жанра «хоррор» в американском кино : автореферат кан. . искусствоведения: 17.00.03 / О.Э. Артемьева. – М., 2010. – 23 с.
10. Арсеньев А.С. Философские основания понимания личности. – М. : Академия, 2001. – 592 с.
11. Архипов Ю. Предисловие // Кафка Ф. Дневники и письма. – М.: ДИ-ДИК – ТАНАИС, Прогресс-литера, 1994. – С. 5-23.
12. Арцыбашев М.П. Санин : роман / Михаил Арцыбашев. – М. : Изд. Дом Мещерякова, 2007. – 377 с.
13. Арьес Ф. Человек перед лицом смерти. – М.: Прогресс-Академия, 1992. – 526 с.

14. Бабарыкова Э.В. Ключевые концепты поэзии И. Анненского : автореферат дис. канд. филол. наук / Э.В. Бабарыкова ; Яросл. гос. ун-т им. К.Д. Ушинского. – Ярославль, 2007. – 22 с.
15. Баринов Д.Н. Тревога и страх: историко-философский очерк // Психолог. – 2013. – № 03.
16. Баскаков В.Ю. Терапия танатоса // Психология телесности между душой и телом / ред.-сост. В.П. Зинченко, Т.С. Леви. – М., 2007. – С. 486-507.
17. Батай Ж. Человек перед страхом смерти и пустоты // Делюмо Ж. Идентификация ужаса. – М.: Алгоритм, 2009. – С. 198-238.
18. Белов В.Н. Счастливая возможность умереть? // Фигуры Танатоса. №3. – СПб., 1993. – С.12-15.
19. Белокрыльцева А.В. Смерть как информационный повод // Отечественный записки. – 2013. № 5 (56). – С. 94-105.
20. Белорусов С.А. Психология страха смерти // Журнал практического психолога. – 2000. – № 3. – С.163-182.
21. Бердяев Н.А. Опыт парадоксальной этики / Н. А. Бердяев. – М. : АСТ; Харьков: Фолио, 2003. – 701 с.
22. Больнов, О. Ф. Философия экзистенциализма / О. Ф. Больнов. – СПб. : Лань, 1999. – 224 с.
23. Борев Ю.Б. Эстетика. – М.: Политиздат, 1988. – 496 с.
24. Боровой Е.М. Страх и социальное бытие человека: автореферат дис. канд. филос. наук – Новосибирск, 20065. – 23 с.
25. Бородай Ю.М. От фантазии к реальности (происхождение нравственности). – М. : ИФ РАН, 1995. – 298 с.
26. Братусь Б.С. Нравственная психология возможна // Психология и этика: опыт построения дискуссии. – Самара: БАХРАХ, 1999. – С. 29-49.
27. Булгаков С.Н. Свет невечерний : Созерцания и умозрения /С.Н. Булгаков. – М. : Республика, 1994. – 415 с.
28. Евгений (Булгар), архиеп. Рассуждение против ужасов смерти // «Из глубины возвах к тебе, Господи...» – М. : Паломник, 1996. – С. 295-343.

29. Вагин И. Победы свои страхи : Тренинг преодоления. – СПб. : Питер, 2003. – 251 с.
30. Варава В.В. Неведомый Бог философии. – М.: Летний сад, 2013. – 256 с.
31. Варава В.В. Адвокат философии / В. В. Варава. – М. : Этерна, 2014. – 352 с.
32. Варава В.В. Медийная культура и смерть // Время культуры. – 2014. №11. – С. 46-52.
33. Варава В.В. Этика и нравственная философия // Русская философская мысль: на Руси, в России и за рубежом. – М.: Изд-во МГУ, 2013. – С. 72-82.
34. Варава С.В. Взаимодействие этики и психологии: автореферат дис. канд. филос. наук – Тула, 2011. – 28 с.
35. Варнава (Беляев), епископ. Основы искусства святости. Опыт изложения православной аскетики. В 4-х томах. – Нижний Новгород., 1998. – Т. 4. – 416 с.
36. Василиадис Н. Таинство смерти / Н. Василиадис. – М. : Свято-Троицкая Сергиева Лавра, 1998. – 592 с.
37. Васильева Н.А. Феномен страха: Онтологический статус и пути преодоления страха // Мир науки, культуры, образования. – 2014. №4. – С. 228-231.
38. Воробьева И.А. Психосемантический анализ переживания тоски. Автореф. диссерт. к. психолог.н. – Хабаровск, 2006. – 25 с.
39. Вэлленс А. Заметки о понятии страха в современной философии // Феномен человека / под ред. П.С. Гуревича. М.: Высшая школа, 1993. – С. 297-307.
40. Гагарин А.С. Экзистенциалы человеческого бытия – одиночество, смерть, страх: От античности до Нового времени, историко-философский аспект: диссертация доктора филос. наук: 09.00.03. – Екатеринбург, 2002. – 355 с.
41. Гагарин А.С. Феноменология страха // Осмысление духовной целостности: сб. статей. Вып. 3. – Екатеринбург.: Изд-во Урал. унт-та, 1992. – С. 84-113.
42. Гадамер Х.-Г. Истина и метод. – М.: Прогресс, 1988. – 704 с.
43. Гайденок П.П. Мартин Хайдеггер: изначальная временность как бытийное основание экзистенции // Вопросы философии. – 2006. – №3. – С. 165-183.

44. Гайденок П.П. Страх // Новая философская энциклопедия: В 4 т. – М.: Мысль, 2010. Т. III. – 692 с.
45. Гачева А.Г. «Нам не дано предугадать, Как слово наше отзовется...» (Достоевский и Тютчев). – М. : ИМЛИ РАН, 2004. – 640 с.
46. Голик Н.В. Эстетическое как явленное этическое // Эстетика сегодня: состояние, перспективы. Материалы научной конференции. 20-21 октября 1999 г. Тезисы докладов и выступлений. – СПб.: Санкт-Петербургское философское общество, 1999. – С. 29-31.
47. Голик Н.В. Совершенный образ этического // Этическое и эстетическое: 40 лет спустя. Материалы научной конференции. 26-27 сентября 2000 г. Тезисы докладов и выступлений. СПб.: Санкт-Петербургское философское общество, 2000. – С.49-52
48. Горичева Т. Только в России есть весна! О трагедии современного Запада: дневники, 1980-2003 / Татьяна Горичева. – М. : Рус. Хронографъ, 2006. – 446 с.
49. Грановская Р.М. Психологическая защита. – СПб. : Речь, 2007. – 476 с.
50. Григорьева Е.В. «Ужас – главное орудие автора» («готический» роман в европейском художественном дискурсе) // Научная мысль Кавказа. – 2009. №4. – С. 89-94.
51. Гришин А.А. Эстетизация ужаса в современной медийной культуре / А.А. Гришин // Исторические, философские, политические и юридические науки, культурология и искусствоведение. Вопросы теории и практики. – 2015. № 6 (56). Ч. 1. – С. 46-48.
52. Гришин А.А. Ужас и смерть в этико-философском контексте / А.А. Гришин // Исторические, философские, политические и юридические науки, культурология и искусствоведение. Вопросы теории и практики. – 2015. № 6 (56). Ч. 2. – С. 58-61.
53. Грошева Л.Н. Социальные страхи и их преодоление у верующих и атеистов: диссертация канд. . психол. наук: 19.00.05. – М., 2004. – 206 с.

54. Гуляихин В.Н., Тельнова Н.А. Страх и его социальные функции // *Философия социальных коммуникаций*. – 2010. № 10. – С. 53-60.
55. Гуревич П.С. Страх – молитва души // *Философские науки*. – 1992, №2. – С. 89-100.
56. Гуревич П.С. *Расколотовость человеческого бытия*. – М.: ИФ РАН, 2009. – 199 с.
57. Давыдов Ю.Н. *Этика любви и метафизика своеволия*. – М.: Мол. гвардия, 1989. – 317 с.
58. Данчина М.А. Ужасное, шокирующее, удивительное, или мир травмы в его дьявольской форме // *Вестник Московского государственного университета. Серия: Психологические науки*. – 2007. – №2. – С. 288-298.
59. Делюмо Ж. *Ужасы на Западе*. – М., 1994. – 416 С.
60. Делюмо, Жан. *Грех и страх : Формирование чувства вины в цивилизации Запада (XIII-XVIII века) / Ж. Делюмо ; Пер. с фр.: И.Б. Иткина и др. под науч. ред. Д.Э. Харитоновича .— Екатеринбург : Изд-во Урал. ун-та, 2003. – 750 с.*
61. Демичев, А. Введение / А. Демичев // Делюмо Ж. *Идентификация ужаса*. – М. : Алгоритм, 2009. – С. 5-7.
62. Джемс. У. *Научные основы психологии*. – Мн.: Харвест, 2003. – 528 с.
63. Дмитровская М.А. *Язык и мирозерцание А. Платонова*. Дис. . доктор. филол. наук. – М., 1999. – 292 с.
64. Долгов К.М. *От Киркегора до Камю: Очерки европейской философско-эстетической мысли XX века / К.М. Долгов*. – М. : Искусство, 1990. – 399 с.
65. Дорохова Т. *Реалии страха // Фигуры Танатоса. Выпуск 6. Кладбище*. – СПб., 2001. – 220 с.
66. Достоевский Ф.М. *Кроткая // Достоевский Ф.М. Бедные люди; Белые ночи; Неточка Незванова; Кроткая: Роман. Повести*. – Л. : Худож. лит., 1984. – 328 с.
67. Дугин А. *О страхах // <http://zonakz.net/articles/?artid=2079>*
68. Ермошин А.Ф. *Фобии, утраты, разочарования : саморегуляция после травм*. – М. : Форум, 2010. – 269 с.

69. Жаринов Е.В. Историко-литературные корни массовой беллетристики: автореферат дис. д. филол. наук / Е.В. Жаринов. – М., 1999. – 388 с.
70. Жилина М.Ю. Образ «небесной земли» в поэмах С. Есенина // Образ рая: от мифа к утопии. Серия «Symposium», выпуск 31. – СПб.: Санкт-Петербургское философское общество, 2003. – С. 212-214.
71. Зимбули А.Е. Лекции по этике. Выпуск 2. – СПб. : Изд-во «Петербургский ин-т печати», 2006. – 264 с.
72. Изард К. Эмоции человека. – М., 1980. – 439 с.
73. Ильин В.Н. Эссе о русской культуре. – СПб., 1997. – 461 с.
74. Ильин В.Н. Мирозерцание графа Льва Николаевича Толстого. – СПб.: РХГИ, 2000. – 480 с.
75. Исаев А.А. Апория преемственности: История философии. – М. : Российск. гос. гуманит. ун-т, 2005. – 479 с.
76. Кантор В.К. Ужас вместо трагедии (творчество Франца Кафки) // Вопросы философии. – 2005. – № 12. – С. 65-77.
77. Карандашев В.Н. Жить без страха смерти. – М., 1999. – 335 с.
78. Карлова Е.Ю. Понятие «ужаса» у М. Хайдеггера в контексте аналитики возвышенного И. Канта и понятия нуминозного Р. Отто // Перспективы философии и философского образования в XXI веке. – Новосибирск, 2002. – С. 235-237.
79. Климова Т.Ю., Симон Г.А. Эстетическая категория ужасного в «гоголевском» тексте Н. Сакур // Филология и культура. – 2011. № 23. – С. 253-258.
80. Качераускас Т. Об экзистенциальном пессимизме // Спектр антропологических учений. Вып. 4 / Отв. ред. П.С. Гуревич. – М.: ИФРАН, 2012. – С. 15-24.
81. Киньяр П. Секс и страх / Паскаль Киньяр ; пер. с фр. И. Волевич. – М. : Текст, 2000. – 187 с.
82. Климент Александрийский. Строматы. Т. 1 (Книги 1-3). – СПб.: «Издательство Олега Абышко», 2003. – 544 с.

83. Ключова М.Л. Этика как апология жизни (от рационализма к экзистенциализму // Вопросы философии. – 2005. – №10. – С. 55-68.
84. Ковалев С.В. Перепрограммирование собственной судьбы. – М. : КСП, 2002. – 765 с.
85. Кожейкин А.В. Боремся со страхом. Практические рекомендации. – Ростов н/Д : Феникс, 2007. – 220 с.
86. Коплстон Ф. История философии. XX век. – М. : Центрполиграф, 2002. – 269 с.
87. Кристева Ю. Силы ужаса: эссе об отвращении. – СПб.: Алетейя, 2013. – 248 с.
88. Кузнецова В.В., Щелоков О.Л. Причины страха смерти и асимметрия времени // Фигуры Танатоса. Философский альманах. Пятый специальный выпуск. СПб., 1995.
89. Кузьмина Т. А. Экзистенциализм // История этических учений: Учебник / Под. ред. А.А. Гусейнова. – М. : Гардарики, 2003. – С. 733-742.
90. Кьеркегор, С. Понятие страха / С. Кьеркегор // Страх и трепет. – М. : Республика, 1993. – 383 с.
91. Лавкрафт Г. Сверхъестественный ужас в литературе // http://royallib.com/read/lavkraft_govard/sverhestestvenniy_ugas_v_literature.html#0
92. Лебедева И.Г. Языковые средства выражения понятия «ужас» в произведениях Н.В. Гоголя и Ги де Мопассана // Вестник Полоцкого государственного университета. Серия А: Гуманитарные науки. – 2014. № 2. – С. 66-72.
93. Леви В.Л. Приручение страха. – М. : Метафора, 2003. – 187 с.
94. Лествица возводящая на небо преподобного отца нашего Иоанна игумена Синайской горы. – М.: Лествица, 1997. – 672 с.
95. Липавский Л. Исследование ужаса. – М.: Ад Маргинем, 2005. – 447 с.
96. Липовецки Ж. Эта пустоты. Очерки современного индивидуализма. – СПб., 2001. – 332 с.

97. Логинова Е.Г. Страх как социальный феномен в русской религиозной философии конца XIX – первой половины XX вв.: автореферат дисер. канд. . филос. наук: 09.00.11. – Чита, 2007. – 21 с.
98. Мазин В.А. Между жутким и возвышенным // Фигуры Танатоса: Искусство умирания. Сб. статей / Под ред. А.В. Демичева, М.С. Уварова. СПб.: Издательство СПбГУ, 1998. – С. 168-188.
99. Мазин В.А. Призраки Фрейда (Часть 1) // Психоаналитический вестник. – М., 2005. – № 14. – С. 114-136.
100. Макарова Е.Г. Преодолеть страх, или ИскусствоТерапия / Е.Г. Макарова. – М. : Школа-Пресс, 1996. – 303 с.
101. Маркулан Я.К. Киномелодрама. Фильм ужасов : кино и буржуазная массовая культура. – Л. : Искусство, 1978. – 191 с.
102. Матвеева С.Я. Страхи в России в прошлом и настоящем / С.Я. Матвеева, В.Э. Шляпентох. – Новосибирск : Сибирск. хронограф, 2000. – 179 с.
103. Мигунова А.В. Социологические концептуализации и эмпирические исследования переживаний страха : автореферат дис. канд. социол. наук/ А.В. Мигунова. – Н. Новгород, 2007. – 27 с.
104. Митько А.Е., Дружинин В.И. Страх // Этика: Энциклопедический словарь. – М.: Гардарики, 2001. – 671 с.
105. Мэй Ролло. Открытие бытия : очерки экзистенциальной психологии / Ролло Мэй ; пер. с англ. А. Багрянцева. – М. : Ин-т общегуманитар. исслед., 2004. – 200 с.
106. Назаров В.Н. История русской этики. – М.: Гардарики, 2006. – 315 с.
107. Накамура К. Чувство жизни и смерти у Ф.М. Достоевского. – СПб.: Дмитрий Буланин, 1997. – 328 с.
108. Нардонэ Д. Страх, паника, фобия. Краткосрочная терапия : [пер. с итал.] / Дж. Нардонэ ; предисл. П. Вацлавика ; введ. А. Сальвини. – М. : Психотерапия, 2008. – 348 с.
109. Новикова Е.С. Взаимодействие высокого и низкого стилей в произведениях Ф.М. Достоевского как нравственно-философская проблема / Научный

- вестник Воронежского государственного архитектурно-строительного университета. Серия: Лингвистика и межкультурная коммуникация. 2013. № 10. С. 86-91.
110. Покрасс М.Л. Активная депрессия. Исцеление эгоизмом / М.Л. Покрасс. – Самара : Бахрах-М, 2006. – 575 с.
111. Померанц Г. Открытость бездне. Встречи с Достоевским. – М.–СПб.: Центр гуманитарных инициатив, 2013. – 416 с.
112. Попов Л.М., Голубева О.Ю., Устин П.Н. Добор и зло в этической психологии личности. – М. : Институт психологии РАН, 2008. – 240 с.
113. Попогребский А.П. Смысл жизни и отношение к смерти // Психология с человеческим лицом: гуманистическая перспектива в постсоветской психологии / Под ред. Д.А. Леонтьева, В.Г. Щур. – М.: Смысл, 1997. – С. 177-201.
114. Порус В.Н. Бытие и тоска: А.П. Чехов и А.П. Платонов // Андрей Платонов. Философское дело: сборник научных статей / под ред. В. В. Варавы, С. А. Никольского. – Воронеж: Издательский дом ВГУ, 2014. – С. 289-316.
115. Постнов О.Г. Смерть в России X-XX вв.: историко-этнографический и социокультурный аспекты. – Новосибирск: Изд-во СО РАН, 2001. – 224 с.
116. Психология и психотерапия. Тревога и страх: единство и многообразие взглядов : материалы V Всерос. науч.-практ. конф., 8-9 февр. 2003 г. – СПб. : Изд-во С.-Петербур. ун-та, 2003. – 150 с.
117. Психология с человеческим лицом: гуманистическая перспектива в постсоветской психологии / Под ред. Д.А. Леонтьева, В.Г. Щур. – М.: Смысл, 1997. – 336 с.
118. Пустовойт Ю.В. Страх как этическая категория в патристике // ГУМАНІТАРНІ СТУДІЇ. – 2008. №4. – С. 177-180.
119. Пустовойт Ю.В. Этическая модель страха в европейском моральном сознании, традиции античной философии и патристики. – LAP LAMBERT Academic Publishing, 2012. – 192 с.

120. Рашидов С. Ф. Смысл жизни и страх смерти как обнаружение феномена самосознания // Фигуры Танатоса. Символы смерти в культуре. – СПб., 1991. – С. 39-46.
121. Риман Ф. Основные формы страха / Пер. с нем. Э.Л. Гушанского. – М.: Алетейа, 1999. – 336 с.
122. Роганов С.В. Критерий «смерть мозга» и трансформация понятия смерти в современной культуре: автореферат дис. канд. филос. н. – М., 2007. – 24 с.
123. Роджерс К. К науке о личности // История зарубежной психологии (30-60- гг. XX в.). Тексты. – М. : МГУ, 1986. – С. 200-232.
124. Розанов В.В. Опавшие листья // Розанов В.В. Уединенное. Т. 2. – М.: Правда, 1990. – С. 277-421.
125. Розин В.М. Психологическая практика, культура, наука // Философия науки. Вып. 11: Этнос науки на рубеже веков. – М.: ИФ РАН, 2005. – С. 289-311.
126. Розин В.М. Психология на перепутье (виртуальный диалог психолога с методологом) // Вопросы философии. 2010. № 11. – С. 92-105.
127. Романова Е.Н. Основные смыслы категории «страх» в аспекте феноменологического и социально-философского анализа: диссертация канд. филос. н. – Омск, 2002. – 131 с.
128. Сабиров В.Ш. Критический анализ философско-этических оснований современной танатологии // Философские науки. – 1995. №3. – С. 100-107.
129. Саенко Н.Р. Связь категорий безобразного и ужасного с «волей к ничто» // Вестник Воронежского государственного университета. Серия: Философия. – 2010. № 1. – С. 166-176.
130. Сакутин В. Метафизика страха // Страх. Теология, философия, психология / Владивосток: Изд-во ДВГМА, 1994. – С. 7-19.
131. Сапунов В.Б. Переживание ужаса при восприятии человеком приматов // Вопросы психологии. 1991. – № 1. – С. 153-155.
132. Сартр Жан-Поль. Заметки по этике // Этическая мысль. – Выпуск 9. – М. : ИФРАН, 2009. – С. 168-177.

133. Свендсен Л. Философия страха / Пер. с норв. Н.В. Шинкаренко. – М.: Прогресс-Традиция, 2010. – 288 с.
134. Семенова С.Г. Метафизические мотивы творчества Андрея Платонова // Андрей Платонов. Философское дело: сборник научных статей / под ред. В. В. Варавы, С. А. Никольского. – Воронеж: Издательский дом ВГУ, 2014. – С. 316-350.
135. Семиотика страха: сборник статей / под ред. Н. Букс и Ф. Конта; сост. Н. Букс и Ф.Конт. – М. : Европа : Сорбонна. Русский институт, 2005. – 455 с.
136. Сиоран Э. Испытание существованием / Пер. с фр., предисл. В.А. Никитина, редак., примеч. И.С. Вдовиной. – М.: Республика; Палимпсест, 2003. – 431 с.
137. Скал Дэвид Дж. Книга ужаса: История хоррора в кино. – М.: Амфора, 2009. – 319 с.
138. Скворцов Л.В. Проблема страха: искусство жизни в «век смерти» // Человек: образ и сущность. – М, 1991. – С. 9-38.
139. Слотердаик П. Критика цинического разума. – Екатеринбург: У-Фактория, М.: АСТ МОСКВА, 2009. – 800 с.
140. Смагин М.А. Ядерная смерть: философия стратегии уходящего века // Фигуры Танатоса: Искусство умирания. Сб. статей / Под ред. А.В. Демичева, М.С. Уварова. СПб.: Издательство СПбГУ, 1998. С.195-202.
141. Смерти вопреки. Антология тайных учений о смерти и умирании традиции дзогчен тибетского буддизма : на основе текстов Лонгчена Рабджама, Джигме Лингпы, Карма Лингпы, семнадцати тантр дзогчен менгак-дэ / ; пер. с тибет. и коммент. ламы Сонама Дордже. – Москва : Ганга, 2012. – 367 с.
142. Солдатов А. Преодоление страха смерти в разных религиозных традициях // Отечественные записки. – 2013. № 5(56). – С. 46-59.
143. Софроний (Сахаров), архимандрит. Видеть Бога как Он есть. – Свято-Иоанно-Предтеченский монастырь, Свято-Троицкая Сергиева Лавра, 2006. – 400 с.
144. Страх: Антология. Философские маргиналии профессора П.С. Гуревича. – М.: Алетейа, 1998. – 408 с.

145. Страхи и тревоги россиян : сборник статей / В.Н. Шубкин [и др.]. – СПб. : Изд-во РХГИ, 2004. – 213 с.
146. Суицидология : Прошлое и настоящее : Проблема самоубийства в трудах философов, социологов, психотерапевтов и в художественных текстах. – М. : Когито-Центр, 2001. – 569 с.
147. Тиллих П. Кьеркегор как экзистенциальный мыслитель / П. Тиллих // Избранное : Теология культуры. – М. : Юрист, 1995. – 479 с.
148. Толстой Л.Н. Война и мир. Собр. соч. в четырнадцати томах. Т. 7. – М.: Худ. Лит., 1951. – 378 с.
149. Толстой Л.Н. Записки сумасшедшего // Собр. соч. в четырнадцати томах. Т. 10. – М.: Худ. Лит., 1952. – С. 337-345.
150. Трубников Н.Н. О смысле жизни и смерти. – М., 1996. – 383 с.
151. Тульчинский Г. Л. Жуть и путь, или Опыт обыденного философствования // Фигуры Танатоса: Искусство умирания. Сб. статей. – СПб.: Издательство СПбГУ, 1998. – С. 152-168.
152. Ужас реального / Т.М. Горичева [и др.]. – СПб. : Алетейя, 2003. – 286 с.
153. Фаизова Г.И. Роль страха в современном обществе: автореферат канд. . дисерт. филос. наук: 09.00.11. – Уфа, 2010. – 22 с.
154. Фетисов В.П. Философия морали. – Воронеж, 1995. – 110 с.
155. Флоровский Георгий, прот. Догмат и история. – М., 1998. – 488 с.
156. Франкл В. Человек в поисках смысла: / В. Франкл; пер. с англ. и нем. Д.А. Леонтьева, М.П. Папуша, Е.В. Эйдмана. – М. : Прогресс, 1990. — 366 с.
157. Франкл В. Психотерапия на практике / В. Франкл; Предисл. Н. Панькова; Пер. Н. Панькова, В. Певчева. – СПб. : Ювента, 1999. – 250 с.
158. Фрейд З. Жуткое // Художник и фантазирование. – М.: Республика, 1995. – С. 265-281.
159. Фролова О.С. Феномен страха в культуре: диссертация канд. . филос. наук: 24.00.01. – Ростов-на-Дону, 2006. – 133 с.
160. Хайдеггер М. Бытие и время / М. Хайдеггер. – М. : Академический проект, 2011. – 460 с.

161. Хайдеггер М. Что такое метафизика? / М. Хайдеггер // Время и бытие: Статьи и выступления. – М. : Республика, 1993. – 447 с.
162. Хайдеггер М. Что зовется мышлением. – М.: Академический Проект, 2010. – 351 с.
163. Харитонович Д. Страх и ужас // http://magazines.russ.ru/novyi_mi/1995/10/frompost02.html
164. Хелл Д. Ландшафт депрессии : Интегративный подход / Д. Хелл. – М. : Алетейа, 1999. – 277 с.
165. Хопко Фома прот. Основы православия. – Вильнюс, 1991. – 344 с.
166. Хэммонд К. На качелях эмоций. Почему мы любим, ненавидим, радуемся и страдаем. – М. : Олимп-Бизнес, 2007. – 334 с.
167. Хьюэлл Л., Зинглер Д. Теории личности. – СПб.: Питер, 2007. – 607 с.
168. Человек: образ и сущность: Вып.2. Перцепция страха. – М.: ИНИОН РАН, 1991. – 239 с.
169. Черняновская Т.В. Психологические особенности интереса молодежи к фильмам ужасов и мистики : автореферат дис. канд. психол. наук / Т.В. Черняновская. – Тамбов, 2003. – 22 с.
170. Чеснокова Л. В. Концепт метафизического страха (Angst) в немецкой философии // Молодой ученый. – 2012. - №8. – С. 160-165.
171. Шевцов К.П. Экзистенция между воспоминанием и повторением // Исторические, философские, политические и юридические науки, культурология и искусствоведение. Вопросы теории и практики. – Тамбов: Грамота, 2015. № 3 (53): в 3-х ч. Ч. II. – С. 219-221.
172. Шевченко Е.В. Феномен страха в российском обществе: автореферат дис. канд. филос. наук – М., 2002. – 139 с.
173. Щербатых Ю.В. Психология страха: популярная энциклопедия. – М.: Изд-во Эксмо, 2007. – 512 с.
174. Шестов Л. На весах Иова. – М.: АСТ; Харьков: Фолио, 2001. – 464 с.
175. Шестов Л. Киргегард и экзистенциальная философия (Глас вопиющего в пустыне). – М.: Прогресс – Гнозис, 1992. – 304 с.

176. Шмеман Александр. Литургия смерти. – М., 2013. – 176 с.
177. Шмугурова К.В. Концепты тоска и радость в художественной картине мира. Диссертация к.ф.н. – Новосибирск, 2011. – 216 с.
178. Шперк Ф. О страхе смерти и принципе жизни. – С.-Петербург, 1895. – 17 с.
179. Эриксон М. Стратегия психотерапии : Избр. работы / М. Эриксон; Пер. с англ. и ред. Шлионский Л.М. – СПб. : Летний сад, 2000. – 507 с.
180. Эрн В. Социализм и проблема свободы // Новая жизнь. – 1907. №2. – С. 68-87.
181. Яковенко И.В. Проблематика советского в российском хорроре // Вопросы культурологии. – 2013, № 4. – С. 29-33.
182. Ялом Ирвин Д. Вглядываясь в солнце. Жизнь без страха смерти / Ирвин Ялом; пер. с англ. А. Петренко. – М. : Эксмо, 2008. – 349 с.
183. Янг Дж. Христианство. – М. : Агентство «ФАИР», 1998. – 384 с.
184. Янкелевич В. Смерть. – М. : Изд-во Лит. ин-та, 1999. – 448 с.
185. Ясперс К. Философия. Книга вторая. Просветление экзистенции. – М. : Канон+, 2012. – 448 с.
186. Heidegger, M. Sein und Zeit / M. Heidegger. – Tubingen : Max Niemeyer Verlag, 1967. – 437 S.